Т.К. БЕЙСЕМБИЕВ

„Тарих-и Шахрухи"

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С наступающими пожеланиями

от автора –

– Твейсем

23/II – 2013

Алматы

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Т.К. БЕЙСЕМБИЕВ

„Та'рих-и шахрухи"

КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА·1987

Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник. — Алма-Ата: Наука, 1987. — 200 с.

На основе более 40 неопубликованных рукописей на ряде восточных языков освещена эпоха автора «Та'рих-и Шахрухи», дана общая характеристика произведения, история его научного изучения. Проведен текстологический анализ рукописных списков. Исследованы содержащиеся в источнике данные по социально-экономической, политической и этнической истории и идеологии Кокандского ханства.

Книга адресована историкам и филологам.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН КазССР

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ

Б $\frac{0503000000—091}{407(05)—87}$ 13.87

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1987

В XVIII—XIX вв. в жизни народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана большую роль играло Кокандское ханство (далее— КХ). Распространяя свою власть на отдельных исторических этапах примерно на половину территории Средней Азии и почти на весь юг Казахстана, КХ вело активную внешнюю политику. Это была эпоха коренного перелома в судьбах народов указанного региона, связанного с вхождением их в состав многонационального, значительно более развитого Российского государства. Таким образом, последние годы существования КХ непосредственно предшествовали присоединению Южного Казахстана и Средней Азии к России. Всестороннее исследование указанного периода позволит еще глубже осмыслить историческое значение этого события.

Но до сих пор история КХ остается слабо изученной. Это объясняется прежде всего недостаточной разработанностью источниковедения истории КХ. К одной из важнейших групп источников по данной проблеме относится малоисследованная кокандская историография — кокандские рукописные персо- (таджико-) и тюркоязычные сочинения, посвященные истории КХ. Кокандская историография обширна как по количеству трудов (их сохранилось около 30), так и по их объему (наиболее крупные из них состоят из более чем 1 тыс. листов). Эти сочинения писались по социальному заказу различных господствующих кругов КХ, но соответствующие методы современного источниковедения позволяют выявить то рациональное, что в них содержится. И эта сумма исторических известий дает возможность всесторонне осветить историю КХ на протяжении всего периода его существования, т. е. глубоко раскрыть проблемы социально-экономической, политической, этнической, военной, культурно-бытовой истории, идеологии и мировоззрения.

Задачи изучения истории ханства требуют введения в оборот всех кокандских источников. На наш взгляд, практически это возможно при последовательном введении в научный оборот одного кокандского сочинения за другим. Исходя из сказанного, мы выбрали в качестве объекта исследования одно из сочинений кокандской историографии —

«Та'рих-и Шахрухи» («История Шахруха») (в дальнейшем — ТШ) Мулла Нийаз-Мухаммада Хуканди, значение которого в настоящее время особо подчеркивается востоковедами и не в последнюю очередь потому, что это сочинение значительно по объему[1] и охватывает почти весь период существования КХ — от начала XVIII в. до начала 70-х гг. XIX в.

ТШ было обнаружено в 1876 г., а в 1885 г. по одному из списков был опубликован без перевода печатный текст памятника. За минувшее столетие сложилась плодотворная традиция научного изучения и использования ТШ в качестве исторического источника. В этом направлении имеется немало достижений: начата работа по сопоставлению ТШ с другими сочинениями кокандской историографии; использование ТШ позволило в определенной степени преодолеть односторонность известий наиболее широко привлекаемых источников и т. д.

Тем не менее проделанная работа сводилась лишь к предварительным, общим результатам. О значении источника свидетельствует тот факт, что, хотя на русский язык было переведено и опубликовано менее девятой части ТШ (переводы ТШ на западноевропейские языки отсутствуют), использован он (непосредственно, или из «вторых» и даже «третьих рук») и упомянут более чем в ста работах. Переводы ТШ предпринимались для осуществления какой-либо узкой цели; в большинстве случаев для анализа привлекался только печатный текст, который не является сводным или научно-критическим, т. е. от внимания подавляющего числа переводчиков ускользали разночтения существующих списков, содержащие значительные, порой уникальные сведения.

Целью настоящей работы является изучение в источниковедческом плане ТШ и введение в широкий научный оборот содержащихся в нем исторических известий. В соответствии с этим задачи исследования таковы: воссоздание эпохи, к которой принадлежал автор ТШ; установление происхождения ТШ, его места в кокандской историографии и истории изучения памятника; выявление сведений ТШ по социально-экономической, этнической, политической истории и идеологии КХ и определение научной значимости этой информации.

В данной работе применен сравнительно-исторический метод исследования источника с использованием приемов генеалогического, статистического и лингвистического анализа. Этот подход предполагает изучение в совокупности всех существующих списков, текстологический анализ расхождений, ошибок, общих мест не изолированно, а в составе всего сочинения; рассмотрение происхождения рукописей ТШ и их взаимосвязи; установление редакций текста; исследование ТШ в тесной связи с исторической обстановкой, классовой позицией автора и его мировоззрением. Для правильной оценки событий, описанных в ТШ, ценна мысль Ф. Энгельса о цивилизаторской роли России в Азии[2].

В предлагаемом труде впервые подвергнуто разностороннему источниковедческому исследованию крупное сочинение кокандской историографии — ТШ, для чего были привлечены дошедшие до наших дней

[1] Изданный в 1885 г. текст состоит из 333 страниц.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 241.

рукописи и печатный текст памятника. Некоторые из этих рукописей (№ 942 ЛГУ, № 4463 ИВ АН УзССР, № 2237 АН ТаджССР, Supplément persan 2109 Парижской национальной библиотеки и «Готвальд 39» Научной библиотеки Казанского университета) до настоящего времени учеными почти не рассматривались. Для воссоздания эпохи автора ТШ, установления степени достоверности данных его труда изучен широкий круг восточных источников, 9 из которых до сих пор нигде не привлекались исследователями[3]. Число впервые использованных источников по проблеме истории и источниковедения КХ составляет 21[4], среди которых значительную группу образуют сочинения бухарской историографии XIX — начала XX в. Всего в монографии использовано более 40 рукописей общим объемом более 8 тыс. листов (не считая опубликованных и тех, данные из которых почерпнуты из научной литературы) на среднеазиатских фарси и тюрки, хранящихся в собраниях Ташкента, Ленинграда, Душанбе, Казани, Лондона и Парижа.

Впервые также систематизирован, введен в широкий научный оборот весь основной комплекс известий ТШ (с учетом разночтений списков) по социально-экономической, политической и этнической истории и идеологии КХ, а также по вопросам экологии человека в Фергане.

При осуществлении исследования автор опирался на труды русских и советских востоковедов по истории Средней Азии и Казахстана — В. П. Наливкина, Н. Н. Пантусова, В. В. Бартольда, А. А. Семенова, П. П. Иванова, Б. А. Ахмедова, В. П. Юдина, Р. Н. Набиева, К. Ш. Шаниязова, Б. П. Гуревича, Е. А. Давидович, А. Л. Троицкой, Г. Е. Маркова, В. А. Ромодина, О. Д. Чехович, А. М. Мухтарова, Б. В. Лунина, В. М. Плоских и др.

Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам ИВ АН УзССР и коллективу ЛО ИВ АН СССР за ценные замечания и пожелания, а также доктору К. Г. Менгесу (Вена) за помощь в получении микрофильмов восточных рукописей из западноевропейских собраний.

---

[3] АЛДН, ГС, «Мактубча-йи хан», «Поэма об эмире Хайдаре», ТАЛ, ТХМН, ТХХ, УН, «Диван-и Шухи».

[4] Помимо перечисленных выше сюда входят ДГ, МА, МТТБ, «Тадж ат-таварих», ТАМ, «Та'рих-и Манзум», «Та'рих-и Салими», ТСУ, «Тухфа-йи шахи», ФС, «Хуллас ат-таварих», «Мунша'ат, нишан ва йарлигха».

ЭПОХА АВТОРА «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ»

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В ходе исторического процесса в Средней Азии в XVIII в. сложилась ситуация, которая привела к образованию системы трех ведущих феодальных государств: Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата. Новым было возникновение третьей крупной политической единицы — КХ. Для того, чтобы разобраться в этих сложных процессах, немаловажно понять основные причины и последствия политической раздробленности Средней Азии вплоть до присоединения ее к России. В связи с этим следует вкратце рассмотреть предпосылки образования КХ и характерные черты его истории. Это позволит глубже разобраться в вопросах, относящихся к ТШ и его автору, полнее оценить комплекс сведений, содержащихся в данном источнике.

Образовавшееся в начале XVII в. на большей части Средней Азии государство Аштарханидов (Джанидов) к началу XVIII в. пришло в упадок. Постепенное превращение условных земельных пожалований (икта') в частную собственность крупных феодалов привело к феодальной раздробленности, децентрализации этого государства и выделению на его территории крупных полунезависимых владений (Балх, Бадахшан и др.)[1]. На этой основе вспыхнула междоусобная борьба за верховную власть среди членов правящей династии. В результате ослаблялась центральная власть и усиливалось влияние отдельных кочевых племен во главе с их военачальниками, так как к их помощи прибегали враждующие стороны. Ожили теократические претензии крупных духовных феодалов, стоявших во главе дервишских корпораций[2]. Определенный удар центральной власти наносили враждебные действия соседних государственных образований, в частности давно обособившегося Хивинского ханства и Казахского ханства, которое довольно прочно овладело в конце XVI в. Туркестаном и Ташкентом, а в XVII в. постоянными

[1] История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. С. 556—557; *Ахмедов Б. А.* Икта в Средней Азии в XVI — начале XVIII в. //Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979. С. 22; *Он же.* История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982. С. 134—140, 220—230.

[2] *Семенов А. А.* Предисловие //*Мухаммед Юсуф мунши.* Муким-ханская история. Ташкент, 1956. С. 13—14.

набегами контролировало Фергану[3]. Беспрерывная борьба за политическое господство среди власть имущих при отсутствии твердой централизованной власти, законности и чрезмерном налоговом гнете привели к обнищанию трудовых масс, резкому ухудшению экономического состояния и в конечном счете — к полному развалу государства Аштарханидов в первой половине XVIII в.

Период предельного социально-экономического и политического упадка пришелся на правление одного из последних Аштарханидов — Абу-л-Файз-хана (1711—1747 гг.). Из-под контроля центральной власти выходили одна область за другой[4]. Положение дошло до того, что фактическая власть этого правителя не выходила за пределы бухарского арка[5]. Средняя Азия превратилась во владения (йурты) независимых кочевых и полукочевых племен во главе с алчными и властолюбивыми предводителями-эмирами, между которыми развернулась острая борьба за власть. Наиболее крупными племенными группировками были мангыты, кенегесы, племена Мийанкала, йузы, а также минги. В 20-х гг. XVIII в. с особым ожесточением боролись две влиятельные группировки — мангыты и кенегесы[6]. Глава последних Ибрахим аталык обратился за помощью к султанам оттесненных джунгарами за Сырдарью казахов-конратов (кунграт) и каракалпаков. И те со своими племенами в течение семи лет опустошали Мавераннахр — области Самарканда и Бухары, Шахрисябза и Карши, дойдя до Гиссара и Куляба. Затем последовало не менее грозное бедствие — нашествие на Мавераннахр саранчи. Наступил страшный голод. Люди гибли или бежали в другие края. Например, 12 тыс. чел. переселилось в Индию. Некогда богатые области пришли в полное запустение. Так, в 1735 г. в Самарканде не осталось никого, кроме некоего суфия, прожившего там в одиночестве среди развалин семь лет и прозванного «Шахом сов». В Бухаре сохранилось лишь два жилых квартала (гузар)[7]. Таких бедствий Мавераннахр не испытывал со времен монгольского нашествия.

Неудивительно поэтому, что обескровленная Средняя Азия оказалась сравнительно легкой добычей для полчищ Надир-шаха, вторгшихся из Ирана. В 1737 г. его войска дошли до Карши. А в 1740 г. Надир-шах, дойдя до Бухары, подчинил себе Абу-л-Файз-хана и большинство узбекских эмиров[8]. С их помощью для этого шаха была создана конница —

---

[3] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (География). Ташкент, 1977. С. 17, 19, 40; *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 83—93.

[4] История Узбекской ССР. Т. 1. С. 560—561, 574.

[5] ТСУ, л. 17 а — б.

[6] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.) М., 1958. С. 93; *Каримова М.* «Мазхар ал-ахвал» Мухаммад Амина как источник по истории Бухары середины XVIII в.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979. С. 11.

[7] ТАМ, л. 2б—3а; ГМ, л. 137а—б; ТСУ, л. 8б—10а; ТХМН, л. 17а; Тадж ат-таварих, л. 184б; *Чехович О. Д.* К истории Узбекистана в XVIII в. //Тр. Ин-та востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. III. С. 72—73; *Каримова М.* «Мазхар ал-ахвал» ... С. 12—13.

[8] *Мухаммад Казим.* Наме-йи 'аламара-йи надири. М., 1965. Т. II. л. 108а—112а, 263а—б; *Каримова М.* «Мазхар ал-ахвал» ... С. 13—14.

«кара-чарик»— из 18 тыс. чел. (вероятно, в качестве вспомогательных отрядов)[9].

Хотя верховным правителем в Мавераннахре Надир-шахом был утвержден Абу-л-Файз-хан, бóльшим влиянием стал пользоваться выдвинувшийся на военной службе у Надир-шаха Мухаммад-Рахим мангыт, который опирался на силу своего клана[10]. Это вызвало противодействие среди глав других узбекских племен, и борьба племенных группировок за власть продолжалась. После гибели Надир-шаха Мухаммад-Рахим в 1747 г. убил Абу-л-Файз-хана и стал фактическим и независимым правителем в Бухаре, положив начало новой династии мангытов[11]. Основатель Бухарского эмирата (1753—1920 гг.) Мухаммад-Рахим, а затем и его преемники, проводя в жизнь централизаторскую политику, постоянно боролись с узбекскими племенными группировками (прежде всего с кенегесами, племенами Мийанкала и йузами) вплоть до присоединения Средней Азии к России. Эта обстановка осложнялась периодическими набегами на территорию эмирата правителей Хивы, где к концу XVIII в. к власти пришла знать племени кунграт.

Подобные события, потрясавшие Среднюю Азию в первой половине XVIII в., были в меньшей степени характерны для Ферганы. Это объяснялось определенным уровнем развития ее экономики, географическим положением и конкретной расстановкой этнополитических сил. Фергана, в значительной мере оторванная в XVII в. от государства Аштарханидов, подвергалась активным набегам казахских и киргизских кочевников[12] и к началу XVIII в., вероятно, не оправилась от них. Поэтому в первой половине XVIII в. она как объект экспансии представляла меньший интерес, чем более богатые области Средней Азии, такие, как Самарканд и Бухара. Географическая удаленность спасла Фергану от нашествия Надир-шаха. А наличие могущественного в XVIII в. племени йуз, контролировавшего на севере районы Джизака, Ура-Тюбе и Ходжента (т. е. расположенные между Ферганой и Бухарой) и боровшегося с мангытами за Самарканд[13], долгое время спасало племена и народы Ферганы от посягательств правителей Бухары. Не следует сбрасывать со счетов и военную мощь ферганских кочевников, способных противостоять нападению извне (что проявилось, например, во время нашествия джунгар на Фергану).

В конце XVII — первой половине XVIII в. усилилось военно-политическое влияние Джунгарского ханства на Казахстан и Среднюю Азию. Походы джунгарских феодалов резко ослабили казахские ханства, оказали губительное воздействие на развитие принадлежавших им присырдарьинских городов. Джунгарское господство на Северном Тянь-Шане привело к переселению в конце XVII — начале XVIII в. большой массы киргизов в Фергану. Таким образом здесь появился новый крупный

---

[9] ТАМ, л. 4а—б; ГМ, л. 139а.

[10] *Мухаммад Казим.* Наме-йи... Т. II, л. 264а; ТСУ, л. 16а—б.

[11] ТСУ, л. 20б—22б.

[12] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн... С. 17, 19, 40.

[13] *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 17—20.

кочевой этнос. В 1741—1745 гг. джунгары неоднократно вторгались в Фергану, но, встретив упорное сопротивление оседлого населения и кочевников, в том числе киргизов, вынуждены были уйти[14].

Падение Джунгарского ханства в 1755—1758 гг. и завоевание Цинами Восточного Туркестана в 1758—1759 гг. создали в Центральной Азии новую ситуацию, связанную с гегемонистскими устремлениями Цинов в отношении Средней Азии и Казахстана. После того, как попытки установления цинского господства в Средней Азии провалились, а последующие события (в частности, антицинская борьба покоренных народов Восточного Туркестана) показали шаткость режима Цинов в Синьцзяне, Цинская империя вынуждена была к концу XVIII в. перестроить в рамках традиционного изоляционизма свою политику в отношении Средней Азии. Основные усилия цинской династии были направлены теперь на создание вокруг Синьцзяна своеобразной буферной зоны из «неопасных» для Китая кочевых народов и государств[15]. Это означало, что Цинская империя была заинтересована в разделении Средней Азии на несколько противостоящих друг другу государств.

В XVIII в. отмечаются массовые миграции в Фергану как кочевников, так и оседлых жителей, вызванные различными факторами, в частности неблагоприятной обстановкой в соседних областях. Так, из четырех главных общин жителей г. Коканда, основанного в начале XVIII в., три были неместного происхождения: самарканди, кашгари, кухистани. Первые в 1717 г. переселились из Самарканда в количестве нескольких тысяч человек[16]. В Фергану мигрировали после захвата Восточного Туркестана Цинами 9 тыс. семей[17], а из-за притеснений джунгар — киргизы, каракалпаки и казахи-кипчаки[18]. Кипчаки провозгласили ханом Шигая — сына казахского султана Среднего жуза Барака. Шигай-хан в 1748 г. владел Наманганом[19]. Из окрестностей Туркестана переселились тюрки и карамуруты[20]. Шел процесс инфильтрации в Фергану горных таджиков и жителей прилегающих районов Среднего Востока (Северный Афганистан, Читрал и др.)[21].

Заселение Ферганы множеством различных племен и народов на протяжении XVIII в. положило конец разорительным продвижениям

---

[14] *Иванов П. П.* Очерки ... С. 96; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983. С. 64; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979. С. 23.

[15] *Гуревич Б. П.* Международные отношения ... С. 202—203.

[16] ТТХ, л. 55а.

[17] Та'рих-и Бадахшан. Л., 1959; л. 34б.

[18] *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959. С. 20. *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа: (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. С. 103—104. Интересно, что в написанной уже в середине XIX в. поэме на тюрки «Та'рих-и Худайар-хан» ферганские кипчаки названы «казак», «кипчак» или «казак-кипчак» (ТХХ, л. 236а, 243а, 246б).

[19] *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия //ПТКЛА. Год двадцатый. 1916. Вып. 2. С. 114—115.

[20] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 22.

[21] ТТХ, л. 54б—55а; ТШП. С. 43—44.

через ее территорию кочевников (что было характерно для XVII в.) и способствовало восстановлению ее экономики. При этом зоны оседло-земледельческого, кочевого и полукочевого хозяйств, располагаясь чересполосно, сосуществовали рядом и вступали в тесные контакты. Так, горные районы населялись как таджиками, так и кочевниками-киргизами; подгорная и предгорная полоса, где находилось большинство культурных оазисов со смешанным тюрко-таджикским населением, одновременно привлекали полукочевые хозяйства, часть из которых со временем превращалась в оседло-земледельческие. Речные долины и степи (центральная часть Ферганы) являлись местом обитания племен дашт-кипчакского происхождения[22].

Таким образом, относительно благоприятное положение Ферганы на фоне бурных событий XVIII в. в Центральной Азии; ее территориальная компактность; массовый приток сюда различных этнических групп, объединенных единой многовековой среднеазиатской оседло-кочевой культурной традицией; постепенное улучшение ее экономического положения; длительная политическая обособленность Ферганы от центральных районов Средней Азии (Бухара и Самарканд); постоянная угроза извне (например, со стороны Джунгарского ханства, затем — Цинской империи), способствовавшая консолидации в Фергане внутренних сил, обусловили создание здесь независимого государства.

К началу XVIII в. Фергана уже представляла собой политически обособившееся от Бухары владение. К 1704 г. обширные области Ферганы, Ташкента и ряд присырдарьинских районов Казахстана признавали гегемонию Мухаммад-Рахим-бий-аталыка йуза[23]. По-видимому, племя йуз играло тогда главенствующую роль в названном регионе. В особо близких отношениях с ним находилось племя минг, обитавшее в Фергане. Кроме числовых соответствий (минг —«тысяча», йуз —«сотня»), оба племени имели близкие прозвища: племя минг называли ак бугра 'белый верблюд-производитель', йуз — ак тайлак 'белый годовалый верблюжонок',— указывающие на старшинство племени минг в племенной иерархии. Любопытно и то, что оба эти племени считали любой захваченный ими вилайет своим совместным владением[24]. Наличие этнической близости между мингами и йузами и старшинства первых хотя и не предотвращало возникновения конфликтных ситуаций между ними, но служило основой для их взаимной поддержки при определенных обстоятельствах. Это объясняет и тот факт, почему именно минги постепенно заняли в XVIII в. в Фергане первенствующее положение и именно из этого племени произошла династия кокандских ханов.

Непосредственное господство йузов в Фергане в XVIII в. ограничивалось районом Ходжента[25]. Значительная же часть Ферганы в начале XVIII в. находилась под теократической властью ходжей, живших в

---

[22] *Наливкин В.* Краткая история ... С. 17—21; *Иванов П. П.* Очерки ... С. 181; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа ... С. 104.

[23] *Мир Мухаммед Амин-и Бухари.* Убайдулла-наме. Ташкент, 1957. С. 35.

[24] ТСУ, л. 36б.

[25] МТ, л. 338а; МИКК, I. С. 230.

Чадаке (Северная Фергана)[26]. Это и неудивительно. Авторитет духовенства, особенно суфийских орденов, в Фергане, как и во всей Средней Азии, был необыкновенно высок; а в периоды ослабления ханской власти, усиления раздробленности и смут наиболее влиятельная группировка духовенства становилась в политической жизни решающей силой и осуществляла административную власть в том или ином округе. Однако в связи с большим наплывом извне ряда племен и вследствие этого усилением роли ферганских кочевников теократия ходжей вынуждена была уступить власть военно-кочевой верхушке. В такой обстановке у знати наиболее крупного племени появилась возможность претендовать на политическое верховенство в Фергане. В этих условиях и начался процесс складывания КХ.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Начало КХ положило Кокандское владение узбекского племени минг, которое возникло около 1709 г. и занимало выгодное географическое и политическое положение в центральной части Ферганы. Согласно преданию, по инициативе знати окрестностей нынешнего Коканда правителем был провозглашен Шахрух-бий из мингов. Затем из Чадака был приглашен в этот район правитель-ходжа с обещанием женить его на узбекской девушке. Во время свадьбы ходжу убили, перебили его людей и внезапным нападением захватили Чадак. Власть Шахрух-бия распространилась в Северной Фергане от Намангана до Шахидана и Пансадгази (Пангаз). Для упрочения власти в окрестностях нынешнего Коканда была заложена крепость, известная как Иски-курган, где поселились правитель и знать. Шахрух-бий стал основателем династии кокандских ханов[27].

Шахрух-бию, умершему в 1134/1721—22 г., наследовал его сын Абд ар-Рахим-бий (1721/22 — ок. 1734 г.)[28]. В 1138/1725—26 г. он отнял Ходжент у Акбута-бия йуза, в следующем году покорил Ура-Тюбе, а в 1142/1729—30 г. завоевал Самарканд[29]. Ему подчинилась также бóльшая часть Ферганы[30]. Эти головокружительные успехи были непрочными и объяснялись тем, что оседло-земледельческие районы Самарканда и Бухары были тогда уже разорены, а крупнейшие племена поглощены междоусобной войной, и Абд ар-Рахим-бий в этой борьбе выступил на стороне владевших Шахрисябзом кенегесов, враждовавших с мангытами[31]. Союз мингов с кенегесами был скреплен браком Абд ар-Рахим-бия с Ай-Чучук-айим, дочерью Ибрахим аталыка кенегеса[32] (по другим данным,— с дочерью правителя Шахрисябза Алим-бека вални'ми[33]).

---

[26] ТШП. С. 17.
[27] ТШП. С. 21.
[28] Там же. С. 22—28.
[29] РТШ, л. 9а—б.
[30] МТ, л. 339б; МИКК, I. С. 231.
[31] МА, л. 48б—49б; ТСУ, л. 10а.
[32] МА, л. 48б; ТСУ, л. 10а; ТТХ, л. 53а.
[33] ТШП. С. 26.

Союз Коканда и Шахрисябза в форме союза двух племен имел политическое значение и просуществовал вплоть до 60-х гг. XIX в. Силы были объединены для борьбы с общим врагом — мангытской Бухарой. В 1147/1734—35 г. Абд ар-Рахим бий был убит[34]. Большинство его территориальных завоеваний было утрачено[35].

Его брат и преемник Абд ал-Карим-бий (ок. 1734—1750/51 г.) перенес резиденцию в Иски-урда, на место нынешнего Коканда, и заложил там в 1740 г. новый город, обнеся его стеной[36]. В 1741—1745 гг. им были отражены нападения джунгар, о чем мы уже говорили выше. В этой борьбе Коканд поддерживали кипчаки, киргизы и правитель Ура-Тюбе Фазил-бий йуз[37]. В деле объединения Ферганы кокандским правителям приходилось вести борьбу и с кочевниками. Во время набегов киргизов на окрестности Маргилана погиб младший брат Абд ал-Каримбия Шади-бий, правитель этого города, по ошибке принятый местными жителями за киргиза[38]. В конце 40-х гг. XVIII в. кипчаки избрали в степи Язы (в центре Ферганы, севернее Маргилана) своим ханом Шигая и произвели набег на Араван-кишлак близ Коканда. Абд ал-Карим-бий совершил ответный поход против них на север Ферганы и выбил их из Тора-кургана (резиденция правителя Намангана)[39]. После чего он вмешался во внутренние дела Самарканда, совершив в 1745 г. поход на Мийанкал во время поднятой там Ибадаллах-бием хитаем смуты[40].

Не менее сильное противодействие оказывало кокандским властителям свергнутое духовенство. Согласно легенде, Шахрух-бий умер из-за магических действий «обиженного» им шейха[41]. Один из источников, выражавших теократические устремления ферганского духовенства, донес до нас следующее яркое высказывание об Абд ар-Рахим-бие и Абд ал-Карим-бие, духовного владыки Ходжам Падшаха: «От этих двоих исходит сильный запах крови, а не справедливость!»[42]. На борьбу мингов и ферганских ходжей за сферы влияния указывают и методы обоснования верховной власти, к которым прибегали в XVIII в. кокандские бии. Так, они обосновывали ее благословением на правление, будто бы дарованным их предку Чамаш-бию, могущественным пиром ордена накшбандиййа в XVI в. Лутфаллахом Чусти[43], который передал Чамаш-бию благую весть о том, что потомки его станут правителями.

При кокандских правителях второй половины XVIII в., Ирдана-бие

---

[34] *Шухи.* Диван-и Шухи. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2313, л. 174а (та'рих 'хронограмма'); МА, л. 50б; ТСУ, л. 10а. По АСТХ (л. 14б—15а), когда Абд ар-Рахман-бек тяжело заболел, этим воспользовался его брат Абд ал-Карим-бек и убил его.

[35] ТСУ, л. 10а.

[36] ТШП. С. 28—30.

[37] ТТХ, л. 55б—56б; *Гуревич Б. П.* Международные отношения ... С. 55.

[38] МТ, л. 342а—б.

[39] ТТХ, л. 58а—60б.

[40] [*Мирза*] *Мухаммад Салим.* Кашкул-и Салими ва та'рих-и мутакаддимин ва мута'аххирин. Ташкент, 1330/1912. С. 254; Та'рих-и Салими, л. 46б—47а; *Валидов А. З.* Некоторые данные... С. 82.

[41] ТШП. С. 22—23.

[42] ТХМН, л. 73б—74а. О Ходжам Падшахе см.: *Юдин В. П.* Та'рих-и Кашгар //МИКХ. С. 408—409.

[43] ТСУ, л. 10а; ТС, л. 2а—3а.

(ок. 1751 — ок. 1769 гг.) и Нарбута-бие (ок. 1770 — ок. 1798 гг.), процесс объединения Ферганы вступил в завершающую стадию. В этот период успешно шло восстановление экономики Ферганы, чему благоприятствовало относительное спокойствие во времена правления Нарбута-бия. Культурно-экономическим центром Ферганы становится Коканд. Здесь построены четыре медресе и караван-сарай[44]. Население Коканда (вероятно, включая и округу) составляло к 1760 г. 20 тыс. семей, Маргилана — столько же, Наманган — 10 тыс. и Андижана — 1 тыс.[45]. Таким образом, основная масса концентрировалась в Центральной Фергане в районе Кокандского оазиса.

По свидетельству китайских географов, в 1759—1760 гг. Фергана делилась на четыре владения: Андижанское, Наманганское, Маргиланское и Кокандское. Главенствующую роль играло последнее[46]. После долгой борьбы с двоюродным братом Абд ар-Рахман-бием Ирдана-бий покорил крепость Исфараин (Исфара)[47]. Усилия Коканда сосредоточились на борьбе с йузами за Ходжент, занимавший важное стратегическое положение у входа в Фергану с запада. В 1754 г. Ирдана-бий вместе со своим «сподвижником», главой киргизов Кивад-бием, и правитель Бухары Мухаммад-Рахим-хан совершили совместный поход на Ура-тюбе против Фазил-бия йуза, кончившийся благодаря вмешательству из Гиссара Мухаммад Амин-бия йуза полным разгромом кокандцев[48]. В последующие десятилетия Ходжент несколько раз переходил из рук в руки — правителям то Коканда, то Ура-Тюбе. Окончательное объединение Ферганы произошло после подавления мятежа, поднятого в конце правления Нарбуты его братом Хаджи-бием[49].

После завоевания Цинами Восточного Туркестана в 1758—1759 гг. устанавливаются кокандско-китайские отношения. В 1760 г. было отправлено первое кокандское посольство в Пекин с выражением покорности, по сути носившей формальный характер[50]. Не будучи в состоянии подчинить Фергану, которой в эти годы оказывал покровительство и дипломатическую поддержку афганский шах Ахмад Дуррани[51], Цинская империя не имела возможности существенно влиять на внутреннее развитие КХ. Например, цинская администрация в Восточном Туркестане не смогла воспрепятствовать присоединению к Коканду Ошского округа, который она считала своим владением[52]. До начала XIX в. кокандские бии тем не менее поддерживали отношения призрачного

---

[44] ТТХ, л. 69б, 87б, 90б, 92а.

[45] *Saguchi Toru.* The Eastern Trade of the Khokand Khanate //Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1965. No 24. P. 48.

[46] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. С. 575.

[47] ТТХ, л. 66б; *Наливкин В.* Краткая история... С. 66.

[48] ТСУ, л. 34а—37б; *Валидов А. З.* Некоторые данные... С. 86—109.

[49] ТТХ, л. 81а—б; ТШП. С. 35—38.

[50] *Бичурин Н. Н.* Собрание сведений... С. 575; *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 178.

[51] *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 183—188.

[52] Saguchi Toru. The Eastern Trade... P. 55—56, 62—64; *Гуревич Б. П.* Международные отношения... С. 179.

вассалитета с Цинами, стремясь использовать их для укрепления своей власти (в частности, противопоставляя себя Бухаре). Отношения Коканда и Пекина в XVIII в. ограничивались обменом символических подарков с посланиями и традиционной торговлей[53].

В самом начале XIX в. завершается объединение Ферганы под властью Коканда. Это произошло в первые годы правления Алим-хана (1798—1810 гг.), воцарившегося в результате победы мингов, одной из четырех узбекских группировок, каждая из которых имела своего претендента на высшую власть из близких родственников Нарбута-бия. Алим-хан расправился с соперниками (своим сводным братом Рустамом-бием и дядей Хаджи-бием) и другими противниками. Между тем неудачей похода кокандцев в 1798/99 г. против ташкентского правителя Йунус-ходжи воспользовались йузы и вновь захватили Ходжент. Против Алим-хана поднял мятеж правитель Чуста потомок шейха Лутфаллаха Чусти Бузрук-ходжа (свекор дочери Нарбута-бия). Мятеж был подавлен с большим трудом. Но затем ок. 1803 г. последовало вторжение в Фергану из Ташкента войска Йунус-ходжи. В ожесточенной битве на правом берегу Сырдарьи у Гурумсарая Йунус-ходжа был разбит кокандскими войсками. Лишь ок. 1805 г. Алим-хан после семилетней войны окончательно завоевал Ходжент[54].

Таким образом, возникшее в начале XVIII в. независимое Кокандское владение во главе с верхушкой узбекского племени минг в ходе длительной упорной борьбы с ходжами и другими племенами Ферганы установило в начале XIX в. на фоне общего улучшения экономического состояния прочный контроль над Ферганой. Идеологическим выражением этого акта было принятие Алим-ханом ханского титула[55] и оформление легенды о происхождении кокандских ханов. Легенда, являясь источником права КХ, констатировала «царственное» происхождение кокандских владетелей, предок которых Алтун-Бишик вел свой род от Тимуридов и Чингизидов, чем и обосновывалась законность их верховной власти и их права на титул «хан»[56]. Идея ханской власти ставила конечной целью возвышение мингов (они были, согласно легенде, родственниками ханов с женской стороны) над всеми оседлыми и кочевыми группами. Реальное же соотношение этнополитических сил в форме иерархии племен и местного духовенства позволяло мингам в начале XIX в. главенствовать (но без установления абсолютного господства) в Фергане. Это не могло не отразиться на содержании легенды об Алтун-Бишике. В частности, в наиболее ранней из дошедших ее версий, составленной в годы правления Умар-хана (1810—1822/23 гг.), заявляется о сопричастности к судьбе Алтун-Бишика помимо мингов также кипчаков,

[53] Подробнее см.: *Saguchi Toru.* The Eastern Trade... P. 55—56, 62—64.

[54] ТШП. С. 41—42; ТТХ, л. 87б; 92б—98б; ДГ, л. 50а (та'рих); ГС, л. 4б; *Наливкин В.* Краткая история... С. 79—83.

[55] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии //Зап. имп. Русского Географического общества. СПб., 1849. Кн. III. С. 192; МТ, л. 364б.

[56] *Бейсембиев Т. К.* Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии: (на материалах сочинений кокандской историографии)//Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 94—105.

киргизов, тюрков и после них — отдельных фамилий ферганских ходжей[57]. Так, анализ некоторых структурных элементов легенды проливает свет на состав господствующего класса Ферганы и на социальную природу Кокандского государства, регенерировавшего основные черты предшествовавших среднеазиатских государственных образований, где определяющая политическая роль принадлежала родоплеменной знати. При этом пользовавшаяся огромным влиянием среди ферганских жителей привилегированная прослойка местного духовенства в лице ходжей (прежде всего, из рода Махдум-и А'зама) также вошла в состав правящей элиты КХ, уступая по политическому весу лишь представителям племенной знати.

Подобная иерархическая структура господствующего класса, в которой сложные племенные и родовые отношения превалировали над отношениями господства и подчинения, субординации, служила почвой для ожесточенной борьбы группировок нередко в форме меж- и внутриплеменных распрей и сводила на нет роль собственно центральной власти. Попытка укрепить верховную власть была предпринята в годы правления Алим-хана (1798—1810 гг.).

Хотя Алим-хану удалось ценой больших усилий установить относительный порядок в государстве, у него возникло немало тайных врагов как среди узбекской знати, так и среди ходжей в результате его кровавых расправ над непокорными. Поэтому, чтобы укрепить свое положение, он искал опору в других слоях населения и нашел ее среди выходцев из горного Таджикистана и Среднего Востока, так как, будучи иноэтническим элементом, они не были связаны с местными группировками и, в свою очередь, нуждались в средствах к существованию. Именно из них Алим-хан сформировал к 1805 г. несколько снабженных огнестрельным оружием крупных конных частей (по некоторым данным, общей численностью до 10 тыс. чел.), ставших ударной силой кокандских войск[58]. Поскольку такое значительное по масштабам Ферганы войско содержалось за счет казны и для ее пополнения требовались новые источники[59], правящие круги Коканда встали на путь территориальных захватов и грабительских походов.

Обстоятельства благоприятствовали Коканду. На западе владения йузов, зажатые между усилившимися в начале XIX в. Кокандом и Бухарой, постепенно сокращались территориально и приходили в упадок. Между 1797 и 1803 гг. они дважды подвергались вторжениям бухарских войск[60]. В Ташкенте после прихода к власти ходжей образовались четыре феодальные партии. Постоянная борьба между ними ослабляла Ташкентское владение[61].

---

[57] ШУ, л. 34а—35а; 39а—42б.

[58] ТШП. С. 42—44; ТТХ, л. 88а.

[59] Бабур отмечал: «Доходами с области Ферганы можно, если соблюдать справедливость, содержать три-четыре тысячи человек» (Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 15).

[60] ТАМ, л. 11а—14а; *Мухтаров А.* Очерк... С. 24—25. См. также: ГМ, л. 148б; ФС, л. 30а—б.

[61] *Чеховичъ О. Д.* Сказание о Ташкенте //ППВ. 1968. М., 1970. С. 174—175.

В 1806 г. Алим-хан предпринял поход на Ура-Тюбе. После осады находившийся там бухарский гарнизон капитулировал[62]. Затем кокандские войска совершили неудачный поход на Джизак[63].

Вскоре было утрачено Ура-Тюбе, где к власти пришел родственник йузов Махмуд-ходжа, потомок Ходжи Ахрара[64]. Потеря Ура-Тюбе совпала с покушением на жизнь Алим-хана. Оно было, вероятно, организовано дервишским духовенством, недовольным гонениями, которым подверг хан неугодных ему суфиев[65].

Активность Коканда привела к столкновению его с Бухарой. В районе Ура-Тюбе состоялось крупное сражение между войсками эмира Хайдара, на стороне которого были ташкентцы, и силами Алим-хана, к которому примкнули отряды из Кашгара и Сайрама. В результате бухарцы прорвали семь войсковых линий Ферганы; подоспевшие союзники эмира Хайдара — казахские султаны из Туркестана — разгромили 10-тысячную засадную сайрамскую группировку, а кокандские войска бежали[66].

Неудачи в Ура-Тюбе изменили направление экспансии Коканда. После тщательной подготовки Алим-хан совершил поход на Кураму, закончившийся покорением главной ее твердыни — Кереучи — и захватом крепости Нийазбек, ключевого пункта в окрестностях Ташкента. В 1809 г. был взят Ташкент, завоевание которого, как справедливо отмечал П. П. Иванов, было крупнейшим мероприятием, которое удалось осуществить Алим-хану[67]. Не удовлетворившись этим успехом, в начале 1810 г. он послал войска на Сайрам и Чимкент, несмотря на то, что сезон для похода (зима) был неподходящим. Из страха перед деспотичным ханом никто не осмелился ослушаться его приказа. В итоге осада южноказахстанских городов затянулась, а от жестоких холодов в ханском войске поднялись смятение и ропот. Этим воспользовались противники Алим-хана. Они тайно бежали из Ташкента в Коканд, забрав с собой брата хана Умар-бека, и провозгласили его ханом. Оставленный своими войсками Алим-хан был убит[68]. Попытка установления единоличной ханской власти закончилась крахом. Политика, проводимая Алим-ханом варварскими методами, вызвала недовольство не только «старой» аристократии, но и трудящихся масс Ферганы, на которых ложилось тяжелое бремя походов. Известны факты безграничного ханского произвола. Так, Алим-хан «отдавал без разбора» преданным горцам, читральцам и иранцам вдов и дочерей своих подданных[69]. Недаром народ прозвал его «Алим-залим» (Алим жестокий)[70]. Его надежда на поддержку чуже-

---

[62] МТ, л. 374а—375б; ТАХ, л. 74б—75а.
[63] ТШП. С. 50—54; ТАХ, л. 75а.
[64] МТТБ, л. 291б.
[65] ТШП. С. 56—58; ТТХ, л. 114б—117а.
[66] ТАХ, л. 76а—79б.
[67] *Иванов П. П.* Очерки... С. 196.
[68] ТШП. С. 76—86; *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство: (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.) //Зап. ИВ АН СССР. М.; Л., 1939. Т. VII. С. 111—123.
[69] ТТХ, л. 118а.
[70] *Наливкин В.* Краткая история... С. 90.

земцев, по существу наемников, в конечном счете не оправдалась, так как и они стали тяготиться чрезмерным деспотизмом и жестокостью хана.

Восшествие Умар-хана (1810—1822/23 гг.) возродило прежние привилегии «старой знати» (узбекской племенной верхушки и высшего духовенства), открыло им путь к важнейшим государственным постам, но вместе с тем и привело к включению в состав элиты некоторой части горцев из окружения Алим-хана, главным образом военных. С тех пор выходцы из горного Таджикистана и Среднего Востока и их потомки, став крупной составной частью социального организма КХ, пополняли, как правило, военное сословие. В знак признания заслуг в завоевательских походах им выделялись должности в Ташкентском вилайете. Хорошо известен, например, читралец Лашкар кушбеги, управлявший Ташкентом более четверти века (до 1841 г.) и основавший кокандские крепости в Казахстане — Чулак, Сузак и Ак-Мечеть[71]. С помощью отрядов горцев Умар-хан продолжал захватническую политику на юге Казахстана и овладел в 1816 г. Туркестаном[72]. Поскольку своими военными успехами здесь Коканд был обязан формированиям, укомплектованным из горцев (кухистанцев), Туркестан становится для них своеобразным уделом. Военачальники из их среды пользовались привилегией на получение административных постов на юге Казахстана. Горцы и их потомки были здесь и среди других слоев, например среди тех, кто вел караванную торговлю с Россией. Характерно, что документы обнаруженного недавно в Туркестане архива кокандского периода написаны на каратегинском диалекте таджикского языка[73]. Так, в ходе развития Кокандского ханства сплетались и перекрещивались судьбы народов Казахстана и горного Таджикистана, Ферганы и Среднего Востока.

Правление Умар-хана и большая часть правления его сына Мухаммад-Али-хана (1823—1842 гг.) были периодом расцвета КХ. Экономическое положение Ферганы значительно улучшилось, несмотря на стихийные бедствия — сильное землетрясение 1823 г. и эпидемию холеры в 1828—1829 гг.[74]. Государством были осуществлены крупные ирригационные работы. В 1819—1822 гг. в районе Намангана был прорыт канал Янги-арык, в 1830-х гг. от Сырдарьи отведен канал в сторону Ура-Тюбе[75]. Шел медленный процесс оседания кочевников, заметный, например, у ферганских кипчаков, хозяйство которых к середине XIX в. носило уже полукочевой характер.

Росло градостроительство. В 1815 г. основывается город Шахрихан (букв. 'Ханград')[76]. Растет и благоустраивается Коканд. Здесь Умар-ханом была построена даже больница. К крупным архитектурным соору-

[71] ЗНХ, л. 52а.
[72] ТТХ, л. 170а.
[73] Об особенностях языка опубликованных документов см: *Шуховцов В. К.* Письменные документы из города Туркестана //Казахстан в эпоху феодализма: (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 164—191.
[74] ТТХ, л. 196а—б; ТМ, л. 12а.
[75] *Иванов П. П.* Очерки... С. 182; ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 126—128.
[76] УН, л. 34а (хронограмма основания Шахрихана — 1230 г. х.).

жениям следует отнести постройку соборной мечети (около 1819 г.) и ансамбля ханских усыпальниц Дахма-йи шахан в 1825 г. В городах оживились торговля и ремесла. Коканд был известен кустарными хлопчатобумажными, шелковыми изделиями и писчей бумагой, широко распространенной в Средней Азии[77].

Возрождались различные отрасли традиционной культуры. Так, вновь создавались миниатюры — иллюстрации к рукописям с заметным влиянием кашмирского стиля[78]. При дворе поэта-монарха Умар-хана возник своеобразный литературный кружок, который придерживался многовековых канонов таджикско-персидской и чагатайской литератур. Кокандская придворная историография отражена в ранних кокандских стихотворных («Умар-нама») и прозаических («Шахнама-йи Умархани») произведениях, написанных особо сложным витиеватым стилем.

Государственный строй КХ мало чем отличался от такового в соседних среднеазиатских феодальных государствах. Доходы в ханскую казну поступали прежде всего за счет эксплуатации оседлого населения путем налогообложения, принудительных работ и т. п. В административном отношении ханство делилось на вилайеты, управляемые хакимами, жившими в городах или особых резиденциях. Некоторые низшие чиновники назначались в сельскую местность, где они осуществляли административную власть в кишлаках и надзор за оросительной системой. В управлении не было четко установленного законодательства, что открывало поле для безграничного произвола должностных лиц. В административном аппарате отмечалось засилье военщины, особенно в периоды политической нестабильности.

Политическая история Кокандского ханства в 1810—1842 гг. отражала уровень социально-экономического развития, достигнутый ханством к началу XIX в.. Внутреннюю политику определяла ожесточенная борьба между различными группировками за влияние и господство при дворе. При Умар-хане преобладало влияние ферганских ходжей во главе с Ма'сум-хан-тёра из рода Махдум-и А'зама, носившим высшее духовное звание шайх ал-ислама[79], а также военачальников во главе с горцем Раджабом кушбеги (ок. 1756—1821 гг.) и кашгарцем Йусуфом мингбаши. Вероятно, по инициативе последних усилилась внешняя экспансия Коканда: завоевание г. Туркестана, военные экспедиции в горную Киргизию, в частности на Талас и Кетмень-Тюбе. В 1813 г. кокандцы вновь покорили Ура-Тюбе. Захваченная в плен уратюбинская знать из племени йуз и рода Ходжи Ахрара была переселена в Фергану в качестве почетных заложников. Так возникла еще одна группа господствующего класса КХ. Ура-Тюбе Коканд удерживал до 1815 г.

[77] ТТХ, л. 179б, 196б, 205б; ТМ, л. 12а; ТШП. С. 98; ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 127; *Иванов П. П.* Очерки... С. 182—183; *Хабибуллаев Н. Н.* О производстве писчей бумаги в Средней Азии конца XIX — начала XX века //ОНУ. 1981. № 11. С. 53.

[78] *Исмаилова Э. М.* Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв. //Художественные черты и стилистические особенности. Ташкент, 1982. С. 91—98, 107. *Она же.* Среднеазиатско-индийские связи в миниатюре XVIII—XIX вв. //Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986. С. 126—128.

[79] ТТХ, л. 192а.

В 1821 г. Умар-хан, согласовав действия с правителем Хивы Мухаммад-Рахим-ханом и поднявшимися против бухарского эмира хитай-кипчаками Мийанкала, совершил поход на владения эмира. Передовые кокандские силы 7 дней держали в осаде Самарканд. Однако начавшаяся летняя жара прервала этот поход. После подавления восстания казахских султанов ок. 1821 г. кокандская власть закрепилась в присырдарьинских районах Южного Казахстана. Впоследствии она распространилась на юго-восток Казахстана вплоть до Семиречья и поддерживалась построенной в районах зимовий цепью крепостей от Чимкента до р. Или[80]. Используя межродовую рознь кочевников-казахов и ставя отдельные роды в более привилегированное положение, кокандцы следовали принципу «разделяй и властвуй».

После смерти Умар-хана (январь 1823 г.),— по некоторым данным, отравленного[81],—при слабовольном Мухаммад-Али-хане (1823—1842 гг.) ферганские ходжи впали в немилость. Сын Ма'сум-хан-тӧра Хаким-хан-тӧра лишился управления Северной Ферганой и был изгнан из страны. Он пересек Казахстан, побывал в России[82]. Впоследствии, вернувшись в Среднюю Азию, он написал хронику «Мунтахаб ат-таварих», значительная часть которой состоит из ценных мемуаров, проникнутых враждебностью к Мухаммад-Али-хану, его двоюродному брату.

Теперь политику стала диктовать группировка, возглавляемая Хаккули мингбаши йузом. К нему примыкали ташкентские и кураминские феодалы (Лашкар кушбеги, Мухаммад-Шариф аталык и Гадай-бай курама). Тесно связанный с Джахангир-ходжой и другими белогорскими ходжами Хаккули мингбаши стал проводником активной политики Коканда в Восточном Туркестане под лозунгом восстановления там власти белогорских ходжей[83]. В 1826 г. кокандские силы вторглись в Кашгарию, поддержав восстание, поднятое Джахангир-ходжой. В 1830 г. кокандцы совершили второй поход в Кашгар. В итоге было заключено в 1832 г. между Пекином и Кокандом соглашение, которое показывает, что последний добился значительных экономических уступок в Восточном Туркестане, включая право взимать через своих аксакалов-консулов налоги и пошлины с выходцев из Средней Азии в Кашгарии[84].

В 1832 г. Хаккули был умерщвлен врагами, и влиянием стали пользоваться Шахи парваначи (из Маргилана), Азим-Джан-бай амин (из Шахрисябза) и др. В 1833 или 1834 г. был покорен Каратегин. Номинально кокандскую власть признали Куляб, Гиссар, Бадахшан, Дарваз и Матча. В 1840 г. кокандские войска ушли из Каратегина.

---

[80] УН, л. 152а—155б; ТТХ, л. 157а—166а, 172а—174б; Поэма об эмире Хайдаре, л. 19б—22б; МИКК. С. 227—229; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 96—98; *Мухтаров А.* Очерк... С. 27.

[81] ГС, л. 10а.

[82] МТ, л. 505б—514а.

[83] Белогорские ходжи — потомки Мухаммад-Амина (Ишан-и Калан) — старшего сына Махдум-и А'зама, боровшиеся за политическое влияние в Восточном Туркестане в XVI—XIX вв.

[84] *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 91—98; *Бейсембиев Т. К.* Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане //Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983. С. 244—250.

Более успешно шел в 20—30-х гг. XIX в. процесс завоевания Киргизии. Здесь, так же, как и в Казахстане, были основаны крепости: Пишпек и Токмак (1825 г.), Куртка (1832 г.) и др. В 1830—1840 гг. Ура-Тюбе вновь подпало под власть Коканда. Постоянная борьба между Кокандом, Бухарой и йузами за Ура-Тюбинское владение превратили его территорию в объект систематических набегов и арену военных столкновений. Примечательно, что в 1806 г. население Ура-Тюбе составляло 12 тыс., а к 70-м гг. XIX в.— не более 10 тыс. жителей[85].

Таким образом, в 30-х гг. XIX в. имело место наибольшее территориальное расширение КХ. Однако изнутри оно разъедалось противоборством дворцовых группировок. Своего накала эта борьба достигла в начале 40-х гг. XIX в. Одна из группировок, объединявшая ташкентскую знать и кокандских эмигрантов в Бухаре и Шахрисябзе, после того как исчерпала все средства устранения противников своими силами, обратилась за помощью к бухарскому эмиру Насраллаху[86]. Последний, используя выгодную ситуацию, начал военные действия против Коканда. В 1840—1841 гг., благодаря поддержке тайных сторонников эмира в кокандском войске, бухарские силы овладели Ура-Тюбе и Ходжентом. Внутренне слабое Кокандское ханство начало разваливаться. В Коканде вспыхнули народные волнения[87], пользу из которых извлекли, однако, противники Мухаммад-Али-хана. Весной 1842 г. бухарские войска заняли и разорили Фергану. Коканд был разграблен. По приказу эмира Насраллаха Мухаммад-Али-хан и его ближайшие родственники были казнены.

Бухарское господство в Фергане было кратковременным, так как для удержания этой обширной области у мангытской династии не имелось достаточных сил и средств. В Средней Азии уже сложилась система государств по оси «Хива—Бухара—Коканд». Прочному завоеванию Бухарой Ферганы мешали два основных фактора: наличие в Фергане крупной организующей силы в лице кочевников (в первую очередь, кипчаков и киргизов), опиравшихся на поддержку оседло-земледельческого населения; угроза владениям Бухары с тыла от правителей Хивы и других более мелких племенных уделов, не заинтересованных в усилении мангытских эмиров. Итак, в 1842 г. через 2,5 месяца после установления бухарской власти[88] поднявшиеся против наместника эмира на севере Ферганы киргизы и кипчаки, поддержанные оседлыми жителями, за короткий срок изгнали мангытов из Ферганы и реставрировали КХ, посадив на трон Шир-Али-хана (1842—1844 гг.), сына Хаджи-бека и племянника Нарбута-бека. Попытка эмира, собравшего большое войско, куда входили ополчения из Ташкента и других подвластных Бухаре

---

[85] ТМ, л. 18а, 20а; ТТХ, л. 210а, 212а—213б; ТШП. С. 49; Обозрение Кокандского ханства... С. 196; *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876. Vol. I. P. 312; *Мухтаров А.* Очерк... С. 31—33; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 138—140.

[86] ТТХ, л. 218а; Та'рих-и Салими, л. 60б—61а.

[87] См.: *Набиев Р.* Народные восстания в Коканде в 1840—1842 годах //ОНУ. 1961. № 7. С. 37—49.

[88] ТШП. С. 136.

районов, взять Коканд после 40-дневной осады оказалась неудачной[89].

В это время на бухарские владения напал хивинский хан. Эмир вынужден был уйти из Ферганы[90]. Менее чем через год кокандская власть была восстановлена в Ташкенте, Кураме, Ходженте и Южном Казахстане. Быстрое восстановление КХ показало, что идея власти кокандских ханов, опиравшаяся на легенду об их происхождении, была политико-правовой догмой, которая овладела сознанием населения Ферганы и прилегающих районов и определяла его поведение. Альтернативы этому не могло быть, поскольку подобный уровень господствующей идеологии соответствовал застойному формационному уровню развития кокандского общества.

Последний период истории КХ (1842—1876 гг.) наиболее ярко отобразил его характер. Кровавая борьба между дворцовыми группировками в годы правления Мухаммад-Али-хана, бухарское нашествие и связанные с ним репрессии против кокандской знати, падение ее авторитета в Фергане привели к резкому ослаблению господствующего класса КХ. Утратила былое могущество и старая племенная знать мингов. Дальнейшее существование КХ стало во многом зависеть от ферганских кочевников, наиболее многочисленной группой которых были кипчаки с довольно прочной племенной организацией. Со своей стороны, кочевники Ферганы, жившие в непосредственной близости от оседло-земледельческих оазисов и нуждавшиеся в продукции последних, были заинтересованы в стабильных экономических связях с оседлыми районами. Это определило активное участие кочевников в политической жизни ханства: они стремились к захвату власти. Движущей силой в этой деятельности выступали те слои родоплеменной верхушки, которые больше других были втянуты в процесс феодализации.

Кочевникам препятствовали захватить власть оседлые феодалы, прибегавшие к поддержке широких масс дехкан и ремесленников. Социальный и этнический состав оседлых феодалов оставался пестрым. Светские феодалы, постепенно объединявшиеся вокруг Худайар-хана (1844—1858, 1862—1863, 1865—1875 гг.), пытались любой ценой удержать свои позиции. В определенной мере их поддерживали испытавшие тяжесть гнета кочевников народные массы. Активность последних в данный период в связи с ухудшением их экономического и социального положения заметно возросла. Тем не менее они продолжали оставаться темной, забитой и бесправной частью феодального общества. Будучи не в состоянии справиться с кочевниками, светские феодалы не раз обращались за помощью к бухарскому эмиру. Походы мангытских правителей, предпринимавшиеся якобы для поддержки Худайар-хана, приносили немало бед трудящимся и дискредитировали светских феодалов Коканда. Особую позицию занимало духовенство, которое стремилось извлечь максимальные выгоды из борьбы враждовавших группировок. В рассматриваемый период усилилась идейная борьба. Об этом свидетельствует появление в 50—70-х гг. XIX в. довольно большого числа

[89] ТТХ, л. 244а.

[90] ТТХ, л. 244б—245а; *Огаҳий Муҳаммад Ризо Мироб Эрниёзбек ўғли.* «Риёзуддавла»дан //Асарлар: 6 жилдлик. Тошкент, 1978. V жилд. С. 157—165.

кокандских исторических трудов, сказаний, записок и т. п. с различной политической направленностью (каждая группировка претендовала на особую близость к трону). Но всех их объединяла одна идея — вера в незыблемость династии кокандских ханов, имевших право, согласно политическим воззрениям той эпохи, на верховную власть, так как их генеалогия ведет начало от Чингиз-хана и Эмира Тимура.

Потрясения в политической надстройке, традиционализм идеологии КХ оказали на этом этапе обратное отрицательное влияние на базис. Военные действия на территории ханства, массовые убийства, грабежи, частая смена правителей, постоянная мобилизация трудового населения в качестве боевой вспомогательной силы не могли способствовать росту производительных сил. Поэтому для экономики ханства характерен в эти годы в целом застой, хотя центральной властью делались попытки выправить положение. Так, были проведены отдельные мероприятия по строительству новых оросительных каналов (ирригационные работы велись в 1851, 1869—1870 гг.), общественных зданий в короткие периоды затишья между смутами. Такова была обстановка в Кокандском ханстве накануне присоединения его к Российской империи.

Обратимся к основным событиям данного периода. Как только независимость Кокандского ханства была восстановлена и отодвинулась угроза со стороны Бухары, в Фергане возникла напряженная ситуация в связи с претензией кочевников на руководящую роль. В 1842—1843 гг. отчетливо обозначилось «неустойчивое равновесие» трех группировок: оседлых феодалов во главе с Шади, хакимом Маргилана; киргизов и части ханских родственников во главе с Йусуфом мингбаши киргизом; кипчаков под руководством Мусулманкула (ок. 1794—1852 гг.). В 1843 г. последний пытался открыто выступить против центральной власти, но перед лицом могущественного тогда Йусуфа мингбаши отступил. Враждой между ними воспользовался Шади и с помощью дворцовых интриг устранил Йусуфа мингбаши. Шади в 1844 г. попытался тайно убрать и Мусулманкула, но тот, предупрежденный об опасности, поднял в Андижане, где он был войсковым начальником (батурбаши), мятеж. Его поддержали соплеменники-кипчаки, а также каракалпаки и калмаки.

Подчинив Наманган, Мусулманкул выиграл битву с войском Шади под Чустом, благодаря измене некоторых кокандских военачальников, перешедших в решающий момент на сторону кипчаков. Шади был убит. Кипчаки двинулись на Коканд. В результате нерешительности ханского сына Абд ар-Рахман-бека (Сарымсак-хан), прибывшего на помощь кокандцам и ставшего во главе ташкентского войска, кипчаки одержали победу в сражении под столицей и заняли ее. Фактически потерявший власть Шир-Али-хан был оставлен Мусулманкулом номинальным правителем. Так, в 1844 г. кипчаки установили свою власть в Фергане. Ташкент остался под управлением Сарымсак-хана. В том же 1844 г., воспользовавшись мятежом киргизов против кипчаков, Коканд пытался захватить Мурад-хан, сын Алим-хана. Опираясь лишь на киргизский род авагат||авахат и некоторых кокандских сановников, Мурад-хан убил

Шир-Али-хана, но продержался на троне 11 дней[91], пока не был свергнут и убит Мусулманкулом. Ханом был провозглашен малолетний сын Шир-Али-хана Худайар. В 1847 г. кипчаки подчинили Ташкент. Заманенный в Коканд Сарымсак-хан был вскоре умерщвлен. До 1848 г. кипчакам оказывал сопротивление правитель Туркестана каратегинец Қана'ат-шах[92].

Новая власть обернулась тяжелым гнетом для народных масс оседло-земледельческой Ферганы. Насилия и бесчинства стали обычным явлением. Например, переселение массы кипчаков в Коканд сопровождалось изгнанием домовладельцев из своих домов. Арыки объявлялись собственностью отдельных кипчаков, которые взимали за пользование ими плату. Правосудие также находилось в их руках[93]. Время господства кипчаков усугублялось яркой этносоциальной окраской: скованные родоплеменной организацией с присущим ей особым миропониманием, кочевники относились к массе оседлого населения как к чему-то низшему и неполноценному[94].

Власть кипчаков оказалась непрочной, ибо ее расшатывала внутренняя борьба. Племенного единства теперь уже не было в крупнейших кипчакских родах — кулан (откуда происходил Мусулманкул), илатай-илатан, йашик, улмас и йетти кашка,— каждый из которых стремился расширить свои позиции в государстве. Мусулманкул, пытаясь укрепить личную власть, окружил себя преданными людьми, независимо от их этнической принадлежности, беспощадно расправлялся с противниками и стал противопоставлять себя основной массе соплеменников. Об остроте борьбы в кипчакской среде свидетельствует тот факт, что за восемь лет (1844—1852 гг.) Мусулманкул трижды смещался с высшего военно-административного поста мингбаши. Оседлые феодалы, сплотившись вокруг Худайар-хана и используя недовольство трудовых масс, ждали удобного момента для выступления против кипчаков.

В 1847 г. в Ташкенте произошло городское восстание, вызванное жестоким гнетом со стороны ставленника Мусулманкула Азиза парваначи. Восставшие добились смещения Азиза в немалой степени благодаря помощи противников Мусулманкула[95].

В 1852 г., когда вспыхнула открытая борьба между кипчаками, оседлые ферганские феодалы при поддержке ташкентской знати начали вооруженную борьбу. В решающей битве под Билкилламой — на востоке от Ферганы — кипчаки были разбиты, а Мусулманкул затем казнен (ноябрь 1852 г.)[96].

Однако приход к власти оседлых феодалов во главе с Худайар-

---

[91] ТТХ, л. 273б.

[92] МТ, л. 683б—698б; ТМ, л. 44а—52б; ТТХ, л. 255а—281б; ТШП. С. 155—180.

[93] ДНХХ, л. 13а—15б.

[94] Подобное отношение усваивалось ими с детства. А их женщины и девушки не стеснялись даже без одежды купаться в реке на виду у оседлых жителей (*Исхак-хан.* Та'рих-и Фаргана. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 1512, л. 43а—б).

[95] ДНХХ, л. 6а—7а; ТТХ, л. 277б—297б; ТШП. С. 184—185; ТТ. С. 101—102; *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966. С. 62—72.

[96] ЗНХ, л. 10б—35б; ТТХ, л. 295а—305а; ТШП. С. 185—197.

ханом не внес ничего существенно нового в развитие КХ. Избавленные от кочевников народные массы должны были теперь восполнять расходы на военные мероприятия, в частности — неудачные походы на Ура-Тюбе[97]. За всю историю своего существования Кокандскому ханству так и не удалось установить прочного контроля над этим районом. Более того, ни бухарские, ни кокандские правители в периоды своего сюзеренитета над Ура-Тюбе не смогли сломать установленную кочевниками традицию, согласно которой власть может принадлежать только потомку Кулика (Хулика, Халука) бия йуза (жившего в первой половине XVII в.), даже если бы этот потомок был наместником Бухары или Коканда. Как известно, подобный тип правовой традиции существовал еще в эпоху монгольского нашествия.

В 1853 г. русские войска взяли Ак-Мечеть, что положило начало процессу включения КХ в состав Российской империи. Россия была единственной европейской державой, поддерживавшей стабильную связь со Средней Азией, главным образом, путем караванной торговли через Казахстан. Стремление ее укрепить свои позиции в среднеазиатском регионе было исторически закономерным. Попытки двух крупных кокандских экспедиций (намного превосходивших по численности русский отряд) отбить Ак-Мечеть провалились. В Коканде «виновных» военачальников с целью предания их позору приказано было одеть в женскую одежду и заставить публично прясть. Некоторые из них поплатились за поражение жизнью[98]. Все это свидетельствовало о глубоком невежестве правящих кругов Коканда как относительно военной мощи России, так и реального положения, занимаемого в мире КХ. Подобные данные говорили о высокой степени изолированности ханства от европейски цивилизованных стран.

Злоупотребления фаворитов Худайар-хана[99] способствовали возникновению заговоров и мятежей. В 1853 г. против хана поднялся его старший брат Малла-бек, управлявший Ташкентом, но в результате похода кокандских войск на Ташкент он был разбит и бежал в Бухару[100]. В 1855 г. был раскрыт заговор Рустам-хана тора, внука Нарбута-бека[101]. В 1858 г. Малла-бек, воспользовавшись осадой бухарским эмиром Ходжента, прибыл к киргизам и поднял новый мятеж. Объединив ферганских кочевников, он одержал победу над ставшим непопулярным Худайар-ханом и занял кокандский трон[102]. В период правления Малла-хана (1858—1862 гг.) кочевники вернули утраченные позиции в государстве. Главную роль в их «конфедерации» играли киргизы, из среды которых выдвинулся молодой военачальник Алимкул киргиз-кипчак (1832/33—1865 гг.). В 1860 г. после разрушения русскими отрядами крепостей Токмак и Пишпек кокандцы совершили поход в Семиречье, но были разбиты немногочисленными силами Г. А. Колпаковского под Узун-

[97] ТТХ, л. 306а—310б; 320а—323а; *Мухтаров А.* Очерк... С. 36—38.
[98] ТТХ, л. 310б—317а; ТАЛ, л. 32а.
[99] ТТХ, л. 323а.
[100] ТТХ, л. 306а—309а; ТШП. С. 200—203.
[101] АСТХ, л. 93б—94а.
[102] ТТХ, л. 323а—326б.

Агачем[103]. Вскоре неугодный кочевой знати Малла-хан был убит и на престол возведен Шах-Мурад-хан, сын Сарымсак-хана (февраль 1862 г.). Находившиеся в Туркестане кокандские войска во главе с Кана'ат-шахом не признали нового хана. Пригласив Худайар-хана из Джизака, они открыли военные действия против ферганских кочевников, опираясь на ополчение из Южного Казахстана, Ташкента и Курамы. Бухарский эмир Музаффар двинулся на помощь Худайар-хану, которому при поддержке эмира удалось затем овладеть Кокандом. Однако второе его правление было коротким: борьба с киргизами и кипчаками приняла затяжной характер, а намерение эмира присоединить к его владениям Фергану руками Худайар-хана не сулило ферганцам ничего доброго[104].

В июле 1863 г. киргизы и кипчаки во главе с Алимкулом захватили власть в ханстве. Номинальным правителем был провозглашен сын Малла-хана Султан Саййид-хан (1863—1865 гг.)[105]. Фактически делами вершил Алимкул. К тому времени русские войска овладели Яныкурганом и Пишпеком. Попытки Алимкула остановить их дальнейшее продвижение успеха не имели. В 1864 г. кокандцы были выбиты из Мерке, Аулие-Аты, Туркестана и Чимкента. Весной 1865 г. генерал М. Г. Черняев подошел к Ташкенту. В бою под Ташкентом Алимкул был смертельно ранен. Султан Саййид-хан был отослан ташкентцами в Бухару. 15 июня 1865 г. Ташкент был взят. Киргизские и кипчакские главы бежали в Фергану и провозгласили ханом праправнука Шади-бия (младший сын основателя династии мингов Шахрух-бия) Худайкула, продержавшегося на кокандском троне около двух месяцев[106]. Но эмир Бухары вновь вступил в Фергану, присоединил к своим владениям Ходжент и в третий раз посадил на трон Худайар-хана. Многие киргизы и кипчаки ушли в Кашгар на службу к Йа'куб-беку[107].

В 1866 г. русские войска, ведя военные действия против эмира, овладели Ходжентом, Ура-Тюбе и Джизаком. КХ не имело теперь общей границы с Бухарским эмиратом. Взаимовыгодный торговый договор между Россией и КХ предоставлял русским купцам в ханстве и кокандским в России свободное пребывание в городах.

Итак, в ходе присоединения Средней Азии к России, территория КХ ограничилась собственно Ферганской долиной (1866 г.). Территориальное сокращение ханства привело к уменьшению доходов кокандских феодалов, что отразилось на интересах военщины, духовных и других господствующих слоев общества, особенно тех, кто занимал некогда посты в занятых русскими войсками областях. В этих кругах не угасло стремление вернуть утраченные владения. Центральная власть во главе с Худайар-ханом пыталась компенсировать потери за счет увеличения налогообложения. Документы архива кокандских ханов, большая часть

---

[103] ТШП. С. 215—220; МИКК, I. С. 234—237.
[104] ТШП. С. 229—264.
[105] *Наливкин В.* Краткая история... С. 200.
[106] ТТХ, л. 57а; Мактубча-йи хан, л. 11а—б; АЛДН, л. 87б—89б; *Наливкин В.* Краткая история... С. 202.
[107] *Мактубча-йи* хан, л. 11б; ТШП. С. 278.

которого относится именно к этим годам (1866—1875 гг.), и др. источники свидетельствуют, что применялась сложная система фискальных поборов. Например, в Коканде торговые помещения сдавались ханом в аренду на кабальных условиях. Широко использовались как объект феодальной собственности охотничьи, лесные и камышовые угодья с их кормовыми ресурсами, объявленные ханскими «заповедниками» (курук)[108]. Жестокая эксплуатация усиливала народное недовольство. Авторитет Худайар-хана падал. Вновь подняли голову киргизские и кипчакские владетели, развернувшие с 1873 г. военные действия на севере Ферганы под руководством самозванца, принявшего имя Пулад-хана, внука Алим-хана[109].

Когда это движение приобрело широкий размах, недовольная своим положением кокандская военщина во главе с сыном Мусулманкула Абд ар-Рахманом афтабачи перешла в 1875 г. на сторону Пулад-хана. Придерживавшийся русской ориентации Худайар-хан бежал в Ходжент под защиту администрации Туркестанского края. В августе 1875 г. на кокандский трон возвели его сына Наср ад-Дин-хана. Было предъявлено требование возвратить прежние владения ханства[110] кокандской военщине и духовенству. Объявив газават, им удалось увлечь за собой массы простого населения и направить его классовое недовольство на борьбу за чуждые ему интересы под знаменем воинствующего клерикализма. После неудачного нападения кокандцев на Ходжент и Кураму, находившихся в российских владениях, русские войска заняли Коканд, Маргилан и Ош. По новому договору, подписанному 22 сентября 1875 г., кокандский хан признавал себя вассалом России, уступая ей земли ханства по правому берегу Сырдарьи (Северная Фергана), и должен был уплатить контрибуцию в 600 тыс. рублей.

Власть Наср ад-Дин-хана была крайне непрочной. 9 октября, когда русские войска были заняты операциями против кипчаков и киргизов на севере и востоке Ферганы, хан был свергнут, и власть захватил бывший правитель Ура-Тюбе Абд ал-Гаффар йуз, действовавший по указанию Пулад-хана[111]. Идея сохранения КХ как жизнеспособного государства оказалась нереальной. 19 февраля 1876 г., когда очаги сопротивления русским войскам в Фергане были ликвидированы, был объявлен царский указ о включении территории КХ под названием Ферганской области в состав Туркестанского края.

---

[108] *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в.: По документам архива кокандских ханов. М., 1969. С. 6—8; *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства: (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. С. 133—162; *Троицкая А. Л.* Челобитная учащихся медресе кокандскому хану Худаяру //ППВ. 1973. М., 1979. С. 176.

[109] По В. П. Наливкину *(Он же:* Краткая история... С. 213), хан выдавал себя за младшего сына Алим-хана, но Ю. Скайлер и А. Х. Хасанов, вероятно, независимо друг от друга, указывают, что он признавал себя внуком Алим-хана *(Schuyler E. Turkistan.* Vol. I. P. 348; *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. С. 65).

[110] *Хасанов А. Х.* Народные движения... С. 69—71.

[111] ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 135; *Хасанов А. Х.* Народные движения... С. 75—80.

Присоединение Средней Азии, в том числе КХ, к России было поворотным моментом в судьбах народов данного региона. Оно положило конец многовековой эпохе феодальных смут и междоусобиц, нашествий и набегов кочевников. Средняя Азия со включением в состав России стала приобщаться к ценностям единой мировой цивилизации. Российская империя, находясь стадиально на несравненно более высоком формационном уровне, чем Средняя Азия, при всей тяжести установленных в Туркестанском крае колониально-бюрократических порядков оказала плодотворное влияние на развитие края во всех областях жизни.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АВТОРА «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ»

Рассмотрев эпоху, в которой протекала жизнь и деятельность создателя ТШ, остановимся на тех скудных фактах его биографии, которые известны главным образом из его сочинения[112].

Мулла Нийаз-Мухаммад Хуканди (т. е. «кокандец») «Нийази» Ахунд, написавший ТШ, родился ок. 1802—1803 г. Вряд ли его можно идентифицировать с поэтом начала XIX в. Мирзой Нийазом Маргинани «Файзи», как это допускает, хотя и с большой долей сомнения, Х. Ф. Хофман[113].

Дед сочинителя Гарибдуст йасаул, дядя Худайкули бахадур[114] и братья погибли в военных походах. Все они находились на службе у кокандских правителей (от Ирдана-бия до Умар-хана). Отец автора — Мулла Ашур-Мухаммад — погиб в конце 1820 или начале 1821 г.[115], сражаясь в войске Умар-хана при осаде им Джизака. Отмечается, что тела отца Нийаз-Мухаммада и хакима Шахрихана Джилаудар инака в отличие от убитых при осаде простых воинов не были преданы земле тут же, под Джизаком. Отец и дядя Нийаз-Мухаммада были, вероятно, тесно связаны с кокандским военачальником Раджабом кушбеги. В ТШ сообщается, что все они втроем бежали из Коканда в Бухару после воцарения Алим-хана и вместе вернулись в Коканд после того, как власть перешла к Умар-хану. Загадочна фраза по поводу смерти Раджаба кушбеги: «Все, что он совершил с людьми, свалилось и на его голову»[116]. Таким образом, Нийаз-Мухаммад был выходцем из военного сословия Кокандского ханства.

Особый интерес вызывает тот факт, что к своему деду автор ТШ прилагает этноним *таджик* и причисляет также себя к таджикам[117]. Данный этноним имеет в сочинении довольно узкое значение: его носят горные таджики и другие близкие им народности Кухистана. Отметим также факт тесной связи его отца и дяди с Раджабом кушбеги *Кухиста-*

[112] ТШП. С. 13, 41—42, 87—88, 102, 107, 123, 132, 161—168, 217, 219—228, 271.

[113] *Hofman H. F.* Turkish literature. A bio-bibliographical survey. Section III. Utrecht, 1969. Pt. I. Vol. 3. P. 22; vol. 4. P. 276.

[114] ТШ, № 1787, л. 31б.

[115] Это произошло на 10-м году правления Умар-хана (ТШП. С. 99—102). В это же время был убит Раджаб кушбеги (ТШП. С. 105), смерть которого наступила, по ТТХ (л. 179а), 18 раджаба 1236/21 апреля 1821 г.

[116] ТШП. С. 105.

[117] Там же. С. 41—42, 221.

ни. Кроме того, заметное место отведено в ТШ кухистанцам (на что обратил внимание еще П. П. Иванов) и прославлению их роли в военно-политической жизни Коканда. Поэтому мы предполагаем, что автор был потомком выходца из горного Таджикистана.

Нийаз-Мухаммад, как и его родственники, также был военным. Вместе с тем он получил, вероятно, образование в кокандском медресе Хаммам, так как называет своим духовным учителем (устаз) преподавателя данного медресе, сына Хазрат-и Дамулла Ариф Пискати —Махдум-и Хаммама[118]. Анализ данных в ТШ о походах кокандских войск в Восточный Туркестан в 1826 и 1830 гг. показывает, что военные эпизоды описаны так, как это мог сделать только очевидец. Возможно, что уже в те годы автор ТШ, находясь на военной службе, участвовал в этих походах. Первое прямое указание на службу автора в ханской гвардии имеется в ТШ в рассказе о событиях 1844 г.— неудачной попытке Шади мингбаши подавить мятеж, поднятый кипчаком Мусулманкулом. Автор ТШ, относя себя к категории «ата углийан» (букв. 'дети [своих] отцов'), что, вероятно, означало 'потомственные служилые люди', находился в войске Шади мингбаши в конном отряде (туб) махрамов. Он был целиком на стороне Шади. После победы кипчаков под Чустом и убийства Шади Нийаз-Мухаммад ночью бежал в Коканд. Он чуть было не попал в руки кипчаков и не утонул при переправе через Сырдарью. Прибыл он в столицу за три дня до возвращения потерпевшего неудачу ханского войска. Когда кипчаки подошли к Коканду, Нийаз-Мухаммад сражался против них в своем отряде (туб-и махрам).

Автор ТШ был связан с суфийским орденом накшбандиййа, так как причислял себя к адептам мистического учения этой духовной корпорации. Его духовным наставником (устаз) был Дамулла Махдум, отец Дамулла Кази Баба-йи а'лама.

В 1860 г. Нийаз-Мухаммад участвовал в походе кокандских войск под командованием Кана'ат-шаха на Пишпек и Уч-Алматы и в Узун-Агачской битве. Затем в 1861—1862 гг. в рядах кокандских сил во главе с тем же Кана'ат-шахом он совершил поход в район Туркестана. По дороге туда из-за сильного утомления он и еще два странника были оставлены «добрыми людьми» в Чимкенте. По распоряжению чимкентского бека они остановились у некоего Нарым-бека, который оказал Нийаз-Мухаммаду и его спутникам плохой прием. Догнали они свои войска в Туркестане. Здесь Нийаз-Мухаммад и его спутники встретились со всеми пансадами (пятисотниками), и те «милостиво расспросили» прибывших об их делах. Ходжа пансад таджик стал их неразлучным спутником. Нийаз-Мухаммад работал, как и все воины, на строительстве кокандской крепости в местности Тувак (1861 г.). Когда командующий войсками Кана'ат-шах обратил на него внимание, Нийаз-Мухаммад скромно уклонился от беседы с ним.

Эти детали показывают, что автор ТШ занимал и в пожилом возрасте довольно скромное социальное положение, не выйдя из низшей

[118] ТШ, С 468, л. 140а; ТШП. С. 107.

или средней воинской среды. Вероятно, он так и не сделал успешной военной карьеры. В освещении событий 1864 г. он упоминает о себе как о жившем в Коканде в своей махалле. Мухаммад Салих-ходжа Ташканди, писавший с 1862 по 1886 г. «Та'рих-и джадида-йи Ташканд», называет его торговцем духами, лекарствами, пряностями (‘аттар)[119]. Возможно, оставив из-за возраста военную службу, автор ТШ стал таким образом зарабатывать на жизнь. В 1876 г. Н. Н. Пантусов упоминал о нем как о живом человеке[120]. Год смерти Нийаз-Мухаммада неизвестен. Имеется поэтическая антология ферганского происхождения, составленная и переписанная неким Мулла Нийаз Ахундом в 1296/1878 г.[121]. Не исключено, что это и есть Нийаз-Мухаммад, продолжительность жизни которого, таким образом, отодвигается еще на два—три года. Во всяком случае он прожил довольно долгую жизнь — почти все время существования КХ в XIX столетии.

На основании художественных особенностей ТШ можно судить, что автор получил достаточно хорошее филологическое образование в традиционной среднеазиатской литературной среде. Он был хорошо знаком с классической персидско-таджикской литературой (о чем говорят заимствования в ТШ поэтических отрывков из произведений Фирдоуси, Джами и Бедиля)[122], свободно владел двумя местными литературными языками — среднеазиатским фарси (литературный таджикский язык той эпохи) и тюрки (текст ТШ написан на двух этих языках), был знаком с арабским языком (в ТШ встречается ряд коранических цитат и выражений). Имел он и некоторый поэтический дар: в ТШ есть немало стихов на фарси и тюрки, написанных автором под тахаллусом (псевдонимом) «Нийази». Стихи, автор которых носил такой псевдоним, есть и в упомянутой антологии Мулла Нийаз Ахунда[123]. В других поэтических антологиях этого периода (если не считать хорезмских начала XX в., в которых тахаллус «Нийази» носил другой хивинский поэт), стихи Нийаз-Мухаммада не встречаются. Не вошло его имя и в известный сборник биографий более 140 среднеазиатских поэтов XIX в. с образцами их творчества[124]. Таким образом, как поэт Нийаз-Мухаммад был мало известен. Мы предполагаем, что его перу принадлежит упомянутая выше малопримечательная антология, составленная в 1296/1878 г., по всей видимости, в Коканде (так как она отличается прокандской направленностью, в ней неоднократно упоминается этот город и т. п.). Вопрос этот требует специального рассмотрения, что выходит за рамки нашей темы. Главным трудом, закрепившим за Нийаз-Мухаммадом признание, было историческое сочинение «Та'рих-и Шахрухи».

Рассмотрение жизни и творчества автора ТШ на фоне исторической эпохи показывает, что он, входя в состав привилегированного военно-

[119] ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 76.
[120] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие //ТВ. 1876. № 30.
[121] СВР, VII. С. 129—130. Инв. № 1925.
[122] ТШП. С. 62, 213, 267.
[123] Байаз. Рук. № 1925 ИВ АН УзССР, л. 58а и сл.
[124] *Возех Р.* Тухфат ул-ахбоб фи-тазкират ул-асхоб. Душанбе, 1977.

служилого сословия, был типичным представителем низших слоев господствующего класса КХ. С другой стороны, как представитель этих слоев, подвергаясь всем превратностям политических событий в ханстве, он не мог не испытывать резко возраставшего при усилении политической нестабильности влияния суфийского духовенства, о чем говорит его связь с орденом накшбандиййа. Принадлежность к оседлым феодалам, а также унаследованная от родителей прочная связь с военачальниками — выходцами из Кухистана или их обосновавшимися в Фергане потомками (т. е. кокандскими феодалами, которые рассматривали Ташкент и Южный Казахстан как свои законные уделы, завоеванные в начале XIX в. их предками) — должны были предопределить резко отрицательное отношение автора ТШ как к кочевникам, так и к поступательному движению российских войск. Особая культурно-историческая и религиозная среда, в которой сложилось мировоззрение Нийаз-Мухаммада, узость классового кругозора объективно не позволили ему, при всей его традиционной «мусульманской» образованности, подняться до уровня понимания прогрессивности присоединения Средней Азии к России. Это было характерно для абсолютного большинства господствующего класса среднеазиатских феодальных государств. Вместе с тем, являясь жителем Коканда, имея определенное литературное образование и талант, а на склоне лет — большой жизненный опыт, Нийаз-Мухаммад был в состоянии сквозь призму классового мировоззрения достаточно полно отобразить в историческом труде свою яркую эпоху.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ»

ТШ было написано в 1288/1871—1872 г. на довольно сложном по стилю среднеазиатском фарси (в тексте встречаются также отрывки на среднеазиатском тюрки) по распоряжению Худайар-хана[1]. Относительно причин, побудивших написать этот труд, Нийаз-Мухаммад сообщает, что он, «старый слуга» кокандского двора, зная, что сочинено много трудов, в том числе —«Шахнама» Фирдоуси, распространяющих славу о древних иранских царях, хотя те исповедовали иную веру, а также о «шахах семи климатов», решил из благих побуждений, преисполненный ревностного служения своему двору, собрать воедино рассказы о деяниях ханов — владетелей Ферганы, дабы и о них разнеслись слава и добрая молва, и особенно — о Худайар-хане, «который стал причиной украшения и убранства, единения и умиротворения этого владения» (с. 11—12). Следовательно, согласно автору, сочинение было написано с целью прославить и возвеличить династию кокандских ханов.

Нийаз-Мухаммад изображает себя главным инициатором написания ТШ. Но следующее замечание открывателя ТШ Н. Н. Пантусова заставляет в этом усомниться: «"Теварихи-Шахрухие" есть уже позднейшая переделка самим автором другого своего труда, написанного раньше, с точки зрения, как говорят, совершенно объективной. Слово истины автора этой книги, принадлежавшего к враждебной Худояр-хану партии, не понравилось кокандскому деспоту; как только услышал он от приближенных об изготовлении Муллой-Ниязом подобного творения,— потребовал его к себе и велел переделать»[2]. Если учесть, что в третий и последний раз Худайар-хан занял кокандский трон в 1865 г., можно предположить, что Нийаз-Мухаммад работал над исправлением первоначального текста между 1865 и 1871 гг. Исходя из фактов его биографии, обстоятельств составления и содержания последней части данного произведения, относящейся к 1865—1871 гг. и почти во всех случаях посвященной событиям городской и дворцовой жизни Коканда (с. 280—333), мы заключаем, что ТШ было написано в Коканде.

[1] ТШП. С. 12. (Далее внутритекстовые ссылки в скобках указывают на страницы ТШП).

[2] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие //ТВ. 1876. № 30.

В одном из списков сочинения (в рукописи ЛО ИВ АН СССР С 468) есть небольшое добавление о событиях 1290/1873—1874 г.— строительстве Худайар-ханом медресе в Чусте и Намангане[3]. Данный список выделяется еще более отчетливой проханской направленностью. Вероятно, Худайар-хан, ознакомившись с ТШ, приказал автору заново отредактировать уже переделанное сочинение, устранив некоторые нежелательные пассажи и придав ему более угодный хану и его окружению тон, что Нийаз-Мухаммад и сделал к 1873/74 г.

Таким образом, составление ТШ — официальной хроники КХ — можно рассматривать как важное мероприятие, проведенное с целью поднятия престижа ханской власти в короткий период затишья накануне бурных событий 1874—1876 гг. Если говорить о подлинных мотивах написания Нийаз-Мухаммадом ТШ, то помимо давления хана немаловажную роль должна была играть перспектива материального вознаграждения, тем более, что Нийаз-Мухаммад не занимал высокого положения и, возможно, нуждался.

ИСТОЧНИКИ

В предисловии автор пишет, что собрал в своей книге известия о государях своего владения и событиях их времен, особенно в последние 74 года (т. е. с 1214/1799 по 1288/1871 гг.), о том, что увидел и услышал (с. 14). Итак, в основу ТШ легли впечатления автора и рассказы современников. Военная профессия Нийаз-Мухаммада и его родственников наложила отпечаток на данное сочинение: в нем со знанием военного дела описан ряд батальных сцен, например, битва при Гурумсарае (ок. 1803 г.), осада маньчжуро-китайских крепостей в районе Кашгара (1826, 1830 гг.), сражение под Билкилламой (1852 г.) (с. 60—62, 115—116, 118—120, 191—193). Иногда рассказ ведется от лица автора (с. 161—166, 168, 219—228). Отдельные факты в этом труде переданы со слов рассказчиков в соответствии с бытовавшей тогда устной традицией. Так, сведения о первом кокандском правителе Шахрухе (начало XVIII в.) записаны «по некоторым рассказам старцев-узбеков и старых знатоков слова» (с. 17). К устным данным следует отнести и запоминающееся выражение خرس کی مرد 'когда умер «медведь»?', содержащее та'рих смерти Шахруха (с. 22)[4].

В ТШ ничего не сообщается об использованных письменных источниках. Более того, Нийаз-Мухаммад даже заявляет, что до него «никто не слагал сказаний о шахах Ферганы и никто не слышал повести о них» (с. 23—24). Очевидно, столь решительным заявлением автор ТШ пытался поднять значение своего труда в глазах хана. Между тем в период создания этого сочинения уже существовала прочно сложившаяся кокандская историография, и Нийаз-Мухаммад, составляя такое значительное по объему и содержанию сочинение, не мог не опираться в той или иной мере на достижения кокандских историографов. Сопоставление

[3] ТШ, С 468, л. 328б—329а.

[4] «Медведь» — прозвище Шахруха (*Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 55).

текста его работы с более ранними трудами КИ подтверждает эту гипотезу. Прежде всего обнаруживается композиционное сходство вступительных частей ТШ и «Зафар-нама-йи-Худайар-хани» (ЗНХ) Абд ал-Гафура, стихотворной хроники первого правления Худайар-хана (1844—1858), законченной в конце зу-л-ка'да 1275 г. (конец июня)—1 июля 1859 г.[5]. Ниже приводятся структурные элементы начальных частей данных сочинений:

ЗНХ (л. 1б—7б) (стихи)	*ТШП (С. 2—21)* (проза)
1. Басмалла.	1. Басмалла.
2. Восхваление Мухаммада.	2. Восхваление Мухаммада.
3. Описание ночи вознесения Мухаммада (ми'радж).	3. Стихотворное описание ночи вознесения Мухаммада (ми'радж).
4. Похвала четырем «праведным» халифам.	4. Похвала четырем «праведным» халифам и их преемникам в стихотворной форме.
5. Об авторе ЗНХ и причинах написания сочинения.	5. Восхваление Худайар-хана в стихах
6. Начало повествования: происхождение кокандских правителей и их родословная.	6. О бренности сего мира и качествах справедливого правителя.
7. Воцарение Худайар-хана.	7. Об авторе и обстоятельствах написания ТШ.
	8. Начало повествования: происхождение кокандских ханов.
	9. Воцарение Шахрух-хана и основание Коканда.

Автор ТШ, вероятно, заимствовал ряд структурных элементов ЗНХ, как наиболее близкого ТШ кокандского исторического сочинения по политической направленности. Это сказалось на построении ТШ, в котором, как и в ЗНХ, отсутствует традиционный раздел о предшествующих домусульманских династиях, внимание читателя сразу сосредоточивается на истории правителей Коканда. Возможно, Нийаз-Мухаммад использовал и фактический материал по событиям 1852 г. из ЗНХ[6], где они излагаются очень подробно.

Особого внимания заслуживает вопрос о степени зависимости ТШ от ранних трудов кокандской историографии —«Умар-нама» (УН) Абд ал-Карима Намангани и «Шах-нама-йи Умар-хани» (ШУ), написанных в конце первой четверти XIX в. и тесно связанных между собой, и «Мунтахаб ат-таварих» (МТ) Мухаммад Хаким-хана-тора (закончено в 1844 г.). В передаче хронологии событий ТШ по отношению к ним самостоятельно[7]. То же можно сказать об изложении событий. Следует отметить, что те события, которым в указанных трех сочинениях уделено много места, в ТШ излагаются или весьма сжато или

[5] ЗНХ, л. 65а

[6] Там же, л. 9а—40б.

[7] Хронологическую таблицу, где сопоставлены данные ТШ, МТ и ШУ, см.: *Бейсембиев Т. К.* «Байан-и таварих- и хаванин-и шахр-и Хуканд» как исторический источник //Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1977. № 4. С. 65—66.

независимо от упомянутых сочинений. Создается впечатление, что автор находящегося в центре нашего внимания труда был хорошо знаком с материалом хотя бы одного из них, самого крупного и известного — МТ — непосредственно или же из «вторых рук». И он старался быть предельно независимым от него и, когда не располагал оригинальным материалом о событиях, обстоятельно описанных в МТ, излагал их очень кратко, как бы молчаливо отсылая к последнему, имевшему широкое распространение в Средней Азии[8].

Здесь можно поставить вопрос: почему же был выбран такой подход к отбору источников? На наш взгляд, это объясняется стремлением автора создать оригинальное сочинение. Так как тогда уже существовал объемный компилятивный труд по истории КХ — «Тухфат ат-таварих-и хани» (ТТХ) Аваз Мухаммад Аттара, написанный в Коканде двумя годами ранее ТШ, в 1286/1869 г.[9]. В нем широко заимствованы сведения из МТ, ШУ и других сочинений кокандской историографии. По-видимому, Нийаз-Мухаммад не стал следовать Аваз Мухаммаду в подборе материала, иначе его работа во многом утратила бы свою новизну и могла бы быть забракована ханом. Как мы уже говорили, автором ТШ заимствованы отдельные стихотворные фрагменты из произведений Фирдоуси, Джами и Бедиля.

Вне поля зрения остаются ныне утраченные документы политического характера из дворцового архива Коканда, к которым мог получить доступ Нийаз-Мухаммад, выполняя высочайший заказ. Об использовании их свидетельствует ряд записей в ТШ не по хиджре, а по годам правления конкретного хана, подробное перечисление сроков и маршрутов походов Алим-хана на Кураму и др. (с. 70—71, 99—106, 113—134 и др.). Кроме того, на наш взгляд, существовали недошедшие до наших дней нарративные сочинения, которые, возможно, оказали неоценимую помощь Нийаз-Мухаммаду в написании полной оригинального материала части об истории Кокандского владения в XVIII в.

Выявление источников ТШ показывает, что его автор при освещении современных ему событий, особенно 1840—1860-х гг., опирался на свой жизненный опыт. Поэтому ТШ можно считать одним из первоисточников при изучении названного периода. При описании более раннего периода (XVIII — начало XIX в.) автор старался свести до минимума зависимость от широкоизвестных трудов и, привлекая недошедшие до нас источники, сумел сделать эту часть во многом оригинальной по содержанию.

СПИСКИ

Н. Н. Пантусов сообщал, что переработанный экземпляр ТШ «с переделками автора, конфискованный, хранился в библиотеке дворца Худоярова. Надо полагать, что при разграблении кипчаками и

[8] С одного только автографа МТ было изготовлено 10—11 списков, известен ряд рукописей перевода МТ на среднеазиатский тюрки *(Стори Ч. А.* Персидская литература: биобиблиографический обзор. В 3-х ч. М., 1972. Ч. II. С. 1190—1191).

[9] ТТХ, л. 5а (та'рих). Данный список ТТХ принадлежит, однако, к более поздней редакции (на л. 357а указан 1289/1872 г.).

жителями г. Коканда дворца ханского, этот экземпляр похищен кем-нибудь; следов его местопребывания не открыто»[10]. Неизвестно, где он, и теперь[11]. Из рукописей в настоящее время известно восемь списков ТШ различных редакций, один эксцерпт, одна версия этого сочинения на среднеазиатском тюрки и один перевод его на этот же язык[12]. Общий объем перечисленных рукописей за исключением утраченного списка ТШ (объем которого неизвестен) из частного собрания в г. Андижане составляет более двух тысяч листов.

Ниже дается краткая характеристика каждого из существующих списков ТШ:

1. Список, хранящийся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром *ПНС 174,* имеет 262 л. (с добавлениями на полях) +1 чистый л. Он идентичен одному из описанных Н. Н. Пантусовым и является автографом («писан почерком таалик, небрежно, рукою, как толковали мне, самого автора, который затем дополнил свое сочинение изменениями и многими прибавками и заметками на полях книги»)[13]. По этому списку Н. Н. Пантусов опубликовал печатный текст ТШ.

2. Список, хранящийся в библиотеке Казанского университета (шифр — *Готвальд 39*) и насчитывающий 303 л., — цензурный экземпляр печатного издания ТШ. Это копия с автографа (ПНС 174). В начале списка стоит надпись: «Дозволено цензурою 21 ч. августа 1878 г.». Еще ниже, прямо над басмаллой отмечено: «№ 871 30 мая 1878 года»[14]. Таким образом, список «Готвальд 39» составлен, скорее всего, в 1878 г.

3. *Список № 1787* ИВ АН УзССР содержит 252 л. и переписан в 1294/1877 г. По направленности он отличается от автографа. В нем отсутствует характерная для автографа некоторая просуфийская тенденция: опущены рассказ, изобличающий первого кокандского правителя Шахруха, о причине смерти последнего и описание-панегирик хаджа духовного наставника автора ТШ Хазрат-и Сахиба. Кроме того, в данном списке несколько по-иному датируются события при Мухаммад-Али-хане и в лексике встречается ряд тюркизмов, например *кишанг* (узб. *кишан*); *кундаш* (узб. *кундош*); *тила пули; купук* (узб. *купик*) вместо *кафк*[15].

4. *Список С 468* ЛО ИВ АН СССР имеет 337 л. (текст помещен на листах 8б—329а, остальные листы чистые) и составлен, скорее всего, в 1290/1873 г.: в конце его содержится информация о событиях этого года. Данный список и ПНС 174 написаны одним почерком, т. е. первый также является автографом. В нем отсутствуют рассказы о смерти

---

[10] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие.

[11] Об этом см.: *Бейсембиев Т. К.* О раннем неизвестном историческом сочинении автора «Та'рих-и Шахрухи» //Бартольдовские чтения. 1984. Год седьмой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. С. 17—18.

[12] Краткий обзор: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. II. С. 1197—1198.

[13] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие.

[14] ТШ, Готвальд 39, л. 1б.

[15] ТШ, № 1787, л. 33а, 49б, 82б, 87б.

Шахрух-хана, хадже Хазрат-и Сахиба и приключениях автора ТШ после Чустской битвы (1844 г.), имеющиеся в ПНС 174. В целях композиционной стройности в начале текста помещено оглавление и на полях выделено двадцать глав. В списке С 468 шире представлен фактический материал (например, в нем есть данные о Махдум-и А'заме и предке кокандских ханов Чамаш-бие, о строительстве Нарбута-ханом медресе в 1215/1798 г. и др.), и его отличает бóльшее разнообразие в использованных стилистических средствах, чем ПНС 174. Несколько изменена датировка событий, происшедших при Мухаммад-Али-хане. Список С 468 — вторая редакция ТШ. В нем опущены многие автобиографические детали. По содержанию он носит более официальный характер: в нем усилен мотив возвеличивания династии кокандских ханов и Худайар-хана. Вероятно, это — подносный экземпляр. Принимая во внимание, что Худайар-хан был свергнут в 1875 г., мы считаем данный список окончательной официальной редакцией ТШ.

5. *Список С 467* ЛО ИВ АН СССР имеет 192 л. (текст содержится на листах 8б—181а, остальные листы чистые) и является сокращенной редакцией ТШ. Дата переписки не указана. Поступил он в рукописное собрание в 1887 г. от Н. Н. Пантусова. По содержанию заключительной части (рассказ о строительных мероприятиях Худайар-хана в каландар-хана)[16] он соответствует одному из найденных и описанных Н. Н. Пантусовым списков в 1876 г.[17]. Поэтому можно утверждать, что он переписан не позднее 1876 г. Список С 467 близок к первой редакции ТШ (ПНС 174). В нем опущен рассказ о хадже Хазрат-и Сахиба и сохранены рассказы о смерти Шахруха и приключениях автора после Чустской битвы. Вместе с тем в С 467 по сравнению с ПНС 174 есть ряд интересных разночтений и дополнений: в нем по-иному датируется ряд событий в правление Мухаммад-Али-хана. По ПНС 174 (л. 68б), с Умар-ханом из Ташкента бежало около тысячи чел., по С 467 (л. 51а) — сто чел. При описании Узун-Агачской битвы (1860 г.) только в С 467 (л. 117б) дана довольно точная численность русских войск— 2 тыс. чел.[18]

6. *Список № 942* библиотеки ЛГУ содержит 162 л. (текст расположен на листах 9б—162а, остальные чистые). Это сокращенная редакция ТШ. Переписана ок. 1875 г.[19]. Данный список также восходит к первой редакции: в нем есть рассказ о смерти Шахруха, но отсутствуют рассказы о хадже Хазрат-и Сахиба и приключениях автора после Чустской битвы и несколько изменена хронология некоторых событий правления Мухаммад-Али-хана. Как отметил А. Т. Тагирджанов, список завершается касыдой на тюрки под названием мунаджат, которая в печатном издании ТШ (и, соответственно, в ПНС 174) помещена несколько выше[20].

---

[16] ТШ, С 467, л. 180б—181а.

[17] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие.

[18] МИКК, I. С. 236.

[19] *Тагирджанов А. Т.* Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. I. История, биографии, география. Л., 1962. С. 144.

[20] Там же.

7. *Список С 469* ЛО ИВ АН СССР имеет 163 л.,переписан в 1303/1885 г. Сокращенная редакция ТШ. Завершается тем же мунаджат, что и в списке № 942 библиотеки ЛГУ. Оба эти списка отличаются наличием данных, которых нет в ПНС 174, например, сообщением о том, что от Алим-хана перед падением его власти во время ночного привала в Той-тепа бежало в Коканд две тысячи человек[21]. В списке С 469 есть рассказ о смерти Шахруха и краткая версия о приключениях автора после Чустской битвы, но нет рассказа о хадже Хазрат-и Сахиба. Следовательно, С 469 также восходит к первой редакции ТШ (ПНС 174).

8. Известна рукопись ТШ, принадлежавшая частному лицу, которую А. З. Валидов видел в 1913 г. в Андижане[22]. В ней было продолжение описания событий «до настоящего времени» (т. е. до начала XX в.), написанное Мирзой Йадгаром Ахсикати. Судьба ее неизвестна.

9. *Эксцерптом* ТШ является рукопись Парижской Национальной библиотеки Supplément persan 2109 «Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» (БТ)—«О та'рихах относительно ханов города Коканда»,— состоящая из 7 листов[23]. Она восходит также к первой редакции и составлена, вероятно, в раджабе 1288/16/IX—15/X 1871 г. В ней сохранены рассказы о смерти Шахруха и хадже Хазрат-и Сахиба. За счет предельного сокращения ТШ и сохранения упомянутых пассажей акценты в БТ смещены настолько, что эксцерпт можно рассматривать как неофициальное сочинение кокандской историографии, отражавшее интересы клерикальных, а также средних и крупных торгово-ремесленных и других городских слоев КХ.

10. *Рукопись № 2237* Фонда восточных рукописей ИВ АН ТаджССР «Рисала-йи та'рих-и Шахрухиййа» (РТШ), состоящая из 80 л.,— версия на среднеазиатском тюрки. Дата переписки неизвестна. Рукопись дефектная: плохо сохранились первые листы, и текст обрывается на событиях 1852 г. (прелюдия к Билкилламинской битве). Эта версия представляет особый интерес. По структуре и содержанию она значительно отличается от обеих редакций ТШ. После басмаллы и названия сочинения текст сразу же начинается с рассказа о происхождении кокандских ханов. Худайар-хан охарактеризован в сдержанных тонах; и по-иному, чем в ТШ, трактуется его роль в политических событиях. Имеется немало ценных сведений, которых нет ни в одном из рассмотренных списков ТШ (более точное определение времени правления Баба-бека, датировка некоторых событий второй четверти XVIII в., объяснение термина «бек-бача» и др.). В передаче событий конца XVIII — первой половины XIX в. нет поздних наслоений с отпечатком событий середины 60-х — начала 70-х гг. XIX в., характерных для других списков ТШ. Загадочно, что имя автора сочинения не названо и не

---

[21] ТШ. № 942, л. 61а; ТШ, С 469, л. 52б.

[22] *Валидов А. З.* Восточные рукописи в Ферганской области //ЗВОРАО. Пг., 1915. Т. XXII. С. 311.

[23] Подробнее см.: *Бейсембиев Т. К.* «Байан-и таварих-и...» С. 61—72. (Там же приводится факсимиле БТ).

указано, что данное сочинение — перевод ТШ. Вместо этого на л. 2а написано: «Этот трактат (рисала) «Та'рих-и Шахрухиййа» повествует о падишахах, правивших прежде в области (иклим) Фергана, о периоде их правления, основании стольного града Коканда и начале их царствования». Текстологический анализ выявляет наличие вставки в ТШ, отсутствующей в РТШ (пояснение, при каких обстоятельствах Бабабек стал заложником джунгар)[24]. О том, что это действительно вставка в ТШ, а не пропуск в РТШ, говорит следующее обстоятельство: интерполяция вызвала нарушение синтаксической связи между предложениями, мысль автора как бы «разрывается» именно там, где помещены вставки. Между тем в РТШ повествование в этом месте вполне логичное и более последовательное. Имеются также случаи сокращения в ТШ содержания РТШ[25]. Лингвистический анализ устанавливает наличие двуязычия как во втором, так и в первом. РТШ отличается от ТШ более простым и неотшлифованным стилем, почти полным отсутствием стихов, которыми изобилуют страницы ТШ. Все это позволяет предположить, что РТШ первично по отношению к ТШ и что это не перевод последнего, как указано в ее описании[26], а один из списков того первоначального труда Нийаз-Мухаммада, который ему было приказано переделать. Вероятно, этот труд[27] имел почти такое же название, что и ТШ, но был написан на тюрки в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в.

11. *Рукопись № 4463* ИВ АН УзССР (ТШТ) переписана 25 числа месяца каус (13 декабря) 1895 г. и состоит из двух сочинений — перевода ТШ на среднеазиатский тюрки (л. 1б—365б) и сочинения под названием «Руссия мамлакатининг интихаб-и таварих»—«Извлечение по истории Российского государства» (л. 366б—412а). Перевод ТШ выполнен по инициативе Мулла Эргаш-бая сына Мухаммад Йунус мингбаши Уйгури (по названию деревни Уйгур близ Чуста). В литературе об этой рукописи не упоминается. Не вошло ее описание в многотомное «Собрание восточных рукописей АН УзССР» (СВР). Перевод дословный, с частым сохранением персидских изафетных и предложно-именных конструкций и сделан, скорее всего, по печатному изданию ТШ Н. Н. Пантусова (1885 г.). Оставлены без перевода стихотворные места. Вместе с тем в тексте имеются добавления, отсутствующие в других списках ТШ. Например, там, где говорится о введении при Мухаммад-Али-хане налога «улав-пули», переводчиком добавлено, до какого времени взимали этот налог и почему его отменили[28]. Много добавлений о событиях 1842, 1852 и 1862 гг. (ТШТ, л. 154б—155а,

---

[24] Ср.: РТШ, л. 12а и ТШП. С. 30—31.

[25] Ср.: РТШ, л. 12а и ТШП. С. 31 (опущены слова о намерении знати идти на Ура-Тюбе); РТШ, л. 80а и ТШП. С. 187 (здесь дан менее полный список военачальников).

[26] Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, 1960. Т. I. С. 128.

[27] См.: *Бейсембиев Т. К.* О раннем неизвестном историческом сочинении... С. 17—18.

[28] ТШТ, л. 127б—128а.

212б—221б, 273б—274а). Это показывает, что переводчик пользовался дополнительными источниками.

Для установления степени взаимосвязи и происхождения различных списков ТШ составлена таблица некоторых характерных разночтений (приложение 1). На основании данных таблицы и вышеизложенных особенностей списков можно выделить пять видов списков: к первому относится текст № 2237 (тюрк.); ко второму — ПНС 174, «Готвальд 39», БТ и № 4463 (тюрк. перевод); к третьему — С 468; четвертому — 1787 и С 467; пятому — № 942 и С 469. Первый вид резко отличается от всех других списков и, видимо, непосредственно восходит к протографу, переработка которого привела к созданию ТШ. Второй вид восходит к ПНС 174 (автографу первой редакции), так же, как и третий вид (С 468) — вторая и окончательная редакция ТШ. Отсутствие в четвертом и пятом видах рассказа о набеге Йусуфа мингбаши в сторону Самарканда и окончания сочинения, где в стихах обстоятельно описывается той в честь Урман-хана, наводит на мысль о том, что списки этих видов восходят к варианту первой редакции ТШ, написанному раньше ПНС 174, но в пределах 1288/1871 г., так как и ПНС 174, и все списки четвертого и пятого вида завершаются описанием событий этого года. Это предположение подтверждается еще и тем, что авторские приписки стихов на полях ПНС 174 (л. 181б, 184а—б, 186а) отсутствуют в списках четвертого и пятого вида. Таким образом, ПНС 174 является первой редакцией ТШ с некоторыми добавлениями автора. Поскольку между четвертым и пятым видами существуют некоторые различия, то рукописи этих видов восходят к первой редакции ТШ (не дошедшему до нас раннему варианту) через какие-то два промежуточных списка, в которых были сделаны соответственно два варианта исправлений в хронологии событий правления Мухаммад-Али-хана. Любопытно, что рассказ о набеге Йусуфа мингбаши есть в списке № 2237. Вероятно, автор ТШ не счел нужным помещать этот рассказ из протографа в ранний вариант первой редакции, но зато включил его в ПНС 174. На основе особенностей этих списков мы составили стемму рукописей с учетом времени их переписки (приложение 2).

Обследование списков ТШ показывает, что текст сочинения прошел путь неоднократной переработки автором и неизвестными лицами. Наиболее интенсивно эта работа шла в последние годы существования КХ. Переработка ТШ в интересах различных политических группировок — от ханского окружения до суфийских кругов,— а также значительное количество списков (с учетом утраченных) свидетельствуют о широком распространении и идейном воздействии ТШ на политическую борьбу в КХ в 70-х гг. XIX в. Дальнейшее самостоятельное текстологическое исследование, не входящее в нашу задачу, позволит более четко установить назначение каждого списка ТШ в идейно-политической борьбе. Анализ показывает, что необходимо ввести в научный оборот все фактические данные, изложенные в ТШ, т. е. привлечь все без исключения списки, в том числе и тюркский перевод, так как наличие разночтений и добавлений в них заметно повышает источниковедческую ценность сочинения.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Разработки истории изучения ТШ коснулся Б. В. Лунин. Он осветил историю его обнаружения, публикации, перевода и изучения как исторического источника Н. Н. Пантусовым и В. В. Бартольдом в последней четверти XIX в., а также показал значение его публикации для развития востоковедения[29]. Б. В. Лунин описал историю только первых шагов по исследованию ТШ. Вопрос об изучении этого сочинения в конце XIX в. другими востоковедами, исследовании его в XX в. в литературе не рассматривался. Вклад Н. Н. Пантусова и В. В. Бартольда в изучение ТШ будет показан ниже более развернуто.

Открытие ТШ произошло в 1876 г. Н. Н. Пантусов разыскал в Коканде, а Г. А. Колпаковский приобрел два экземпляра неизвестного исторического труда. Это и были две рукописи ТШ. Одна из них была менее полной[30]. Уже в конце 70-х гг. XIX в. о существовании ТШ стало известно западноевропейским ориенталистам[31].

Вскоре после открытия ТШ Н. Н. Пантусов взялся за его публикацию на свои средства[32]. Для этого он составил новый текст ТШ (список «Готвальд 39»), который явился цензурным экземпляром издания и воспроизводил лишь одну из известных ему рукописей (ПНС 174). Подготавливая сочинение к изданию, Н. Н. Пантусов допустил вмешательство в текст сочинения, что выразилось в правке «неграмотной» орфографии рукописи и пр. Степень, характер и конкретные случаи такого вмешательства им не были указаны, что, как известно, противоречит научным принципам публикации источника и снижает ее значение. Востоковеды справедливо критиковали этот метод, усматривая в нем отступление от строгих правил научности. Издание было осуществлено без перевода в 1885 г. в Казани, в университетской типографии, под названием «Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым».

Таким образом, этот текст ТШ не являлся сводным. Данная публикация изобилует ошибками различного рода, пропусками и т. д., однако до сих пор она остается ценным источником для исследователей.

Трудно переоценить значение этого издания. Оно стало заметным событием в изучении истории Центральной Азии. К примеру, публикация в 1880 г. очерков английского ориенталиста Д. Ч. Боулджера

---

[29] *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. С. 135—136, 233—234; *Он же.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С. 45—46, 64.

[30] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие. Одна из этих рукописей (более полная) хранится теперь в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр — ПНС 174), другая — в ЛО ИВ АН СССР (шифр — С. 467).

[31] *Riza Qouly Khan.* Relation de L'ambassade au Kharezm. Traduite et annotée par Ch. Schefer. Paris, 1879. P. 163.

[32] [Издание Н. Н. Пантусовым «Газат дер мулки чин» и «Тарихи Шахрухие»] //ТВ. 1879. № 50 (раздел «Известия и заметки»).

«Худайар-хан» и «Абдеррахман Афтобача»[33] наглядно демонстрировала бедность познаний востоковедов о КХ: в этой работе почти не использовались источники кокандской историографии.

Почти одновременно с ТШ вышел в свет труд В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства»[34]. Эта работа (ТШ в ней не использовано) базируется в основном на трудах кокандской историографии; она и поныне не потеряла своей фактологической ценности. Но сами эти труды в ней не анализируются. В связи с этим рецензент Н. И. Веселовский, по-видимому, слишком сурово писал, что она изложена «без соблюдения необходимых научных требований, даже самых элементарных. Мы не встречаем в краткой истории Кокандского ханства не только цитат из рукописей, нам совершенно еще неизвестных, но даже и ссылок на них, за исключением двух-трех случаев, и если бы Н. Н. Пантусов не издал одну из местных летописей «Тарихи Шахрохи», мы не имели бы и понятия о характере их»[35]. Данное высказывание как нельзя лучше свидетельствует о значении издания ТШ и состоянии знаний о кокандской историографии.

В связи с публикацией ТШ начались первые шаги по переводу или пересказу отдельных отрывков из него на русский язык. В 1898 г. в ТВ (№ 13, 14, 35, 37, 40) был помещен выполненный В. В. Бартольдом перевод отрывков под названием «Туземец о русском завоевании», где речь идет о посылке Алим-ханом в начале XIX в. торгового каравана в Россию через Южный Казахстан, взятии русскими войсками Ак-Мечети, Узун-Агачской битве 1860 г., событиях в Южном Казахстане и в районе Ташкента в 1861—1865 гг., а также в Фергане в 1862—1863, 1865—1866 гг. в связи с продвижением по их территории русских войск[36]. Кроме того, в конце этой публикации дан краткий пересказ событий в КХ за 1866—1871 гг.

Н. Г. Маллицким было переведено несколько выдержек о походе Йунус-ходжи, правителя Ташкента, в Фергану в самом начале XIX в. и завоевании Ташкентского владения Алим-ханом[37]. В 1899 г. был опубликован пересказ В. В. Бартольда «Извлечение из "Та'рӣх-и Шӑхрухӣ"» — краткое изложение примерно одной трети текста источника,

---

[33] *Boulger D. C.* Central Asian portraits; the celebrities of the khanates and the neighbouring states. London, 1880. P. 168—178 (Khudayar khan), 179—191 (Abderrahman Aftobacha).

[34] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

[35] *В[еселовский] Н.* [Рец. на кн.]: Краткая история Кокандского ханства. Составил В. Наливкин. Казань, 1886, VI+215 с. 8° //ЗВОРАО. СПб., 1886. Т. I. Вып. III. С. 227—228.

[36] *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании //Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 333—349. Перевод стихотворного отрывка ТШ из этой публикации помещен В. В. Бартольдом также в труд «История культурной жизни Туркестана» (*Он же.* Соч. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 376).

[37] *Маллицкий Н.* Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие //ПТКЛА. Год третий, 1898. С. 160—164, 176.

посвященное главным образом внутриполитическим событиям в ханстве в 1845—1865 гг.[38].

Работа над переводом была возобновлена в советское послевоенное время. Е. Б. Бекмаханов в своих трудах привел в переводе несколько фраз, описывающих вторжение кокандских войск в Южный Казахстан в начале XIX в. и три бейта об Алим-хане[39]. А. М. Мухтаров перевел небольшой отрывок о разграблении Ура-Тюбе войсками Алим-хана[40]. В работах Р. Н. Набиева встречается перевод или пересказ отрывков и отдельных фраз об обстоятельствах создания ТШ, Ташкентском восстании 1847 г., некоторых событиях в Фергане в первой половине и середине XIX в., ирригационных и строительных мероприятиях Худайар-хана и др.[41]. Ценность работ этих ученых в связи с интересующим нас вопросом заключается в том, что в них параллельно переводу дается текст оригинала.

Ю. Нейман перевел в стихах шесть бейтов о саде Худайар-хана (которые А. Кадыри включил в свой роман «Скорпион из алтаря»), А. Джуванмардиев — на узбекский язык семь отдельно взятых им бейтов, содержащих та'рих (хронограмму) того или иного события, а В. А. Ромодин — четыре небольших отрывка (один из них — об Узун-Агачской битве 1860 г.— повторно, вслед за В. В. Бартольдом), относящихся к истории киргизов в основном середины XIX в.[42], где, впрочем, есть и некоторые материалы по истории других народов Средней Азии и Казахстана. Имеются сведения, что В. А. Ромодину принадлежит «сравнительно полное изложение перевода» ТШ, который не был опубликован[43]. Наконец, М. К. Кутлугов привел в переводе небольшой отрывок о кокандско-восточнотуркестанских связях при Алим-хане[44].

Таким образом, полный перевод ТШ не выполнен и поныне. В общей сложности опубликован перевод около одной девятой части текста,

---

[38] См.: ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI. С. 105—114. Обе вышеуказанные публикации В. В. Бартольда см. также в кн.: *Бартольд В. В.* Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 333—349, 350—359.

[39] *Бекмаханов Е.* К истории взаимоотношений казахов со среднеазиатскими ханствами //Большевик Казахстана. 1947. № 5. С. 35; *Он же.* Казахстан в 20—40 годы XIX века. Алма-Ата, 1947. С. 16, 156—158; *Он же.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 99. См. также: *Шоинбаев Т. Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982. С. 94.

[40] *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 43—44; *Он же.* Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX — начале XX вв. Душанбе, 1969. С. 73.

[41] *Набиев Р. Н.* Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг. //ОНУ. 1961. № 7. С. 39, 40; *Он же.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966. С. 14, 19, 29, 31, 55, 56, 71, 77, 78; *Он же.* Из истории Кокандского ханства: (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. С. 9, 32, 55—56, 58, 76, 106, 168, 199—200.

[42] *Кадыри А.* Скорпион из алтаря. М., 1964. С. 120; *Жувонмардиев А.* Харфлар ракамларга айланганда. Тошкент, 1966. С. 26, 35, 36, 57; *Ромодин В. А. и Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории Киргизии //Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 131; МИКК, I. С. 233—237.

[43] *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 59.

[44] *Кутлугов М.* Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством //Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 203.

поэтому подавляющая часть этого труда остается не введенной в широкий научный оборот. Переводы предпринимались для осуществления какой-либо узкой цели, в большинстве случаев использовался только изданный текст. Некоторые переводы не всегда точно, на наш взгляд, передают содержание оригинала, в них имеются пропуски труднопереводимых мест и стихов. Все это вынуждает исследователя в будущем заново перевести некоторые из этих отрывков.

Выполненный В. В. Бартольдом пересказ событий 1845—1865 гг. верно передает их основной ход, но почти не затрагивает фактов социально-экономического содержания и к тому же в отдельных местах не всегда точен, т. е. страдает теми же недостатками, что и переводы. Например, пересказчик пишет: «Кипчаки двинулись на Ташкент, прошли до Чимкента, где разрушили несколько казацких аулов, и на обратном пути осадили Ташкент»[45]. Вот этот же отрывок на языке оригинала:

بطرف دشت قبچاق عازم گردیدند در اندك روز قطع راه نموده
در بالای تاشکند رسیدند از آنجا گذشته در بالای چیمکنت رفتند
و زکواة و بعضی آلغات و سالغات قزاقیه را گرفته باز گشت
نمودند باز در بالای تاشکند آمده در گرمی۶ تازباز سر گرم بودند

Здесь же приведем для сравнения с пересказом и дословный его перевод: «Отправились в сторону Дашт-и Кипчака. Преодолев путь за небольшое количество дней, достигли Ташкента. Оттуда прибыли в Чимкент и, собрав закат и некоторые налоги и подати с казахов, повернули назад. Снова подойдя к Ташкенту, находились в пылу увлечения грабежом [его окрестностей]...»[46].

В истории изучения ТШ как исторического источника можно выделить различные этапы определения его исторической ценности. Первые исследователи довольно скептически оценивали ТШ как источник. Некоторые из них полагали, что сумма фактических данных, заключенных в сочинении, не сопоставима по объему и качеству с показаниями других, более ранних трудов кокандской историографии. Не чуждо было такое мнение даже издателю текста ТШ Н. Н. Пантусову. Но, чем ближе к нашему времени, тем высказывания специалистов о значении ТШ становятся все более точными, полными. И, как следствие этого более глубокого подхода, оценка источниковой ценности ТШ становится все более высокой, вплоть до признания значительной его оригинальности, высокой ценности даже его компилятивных частей. Со временем изменяются представления о ТШ, которые постепенно, одновременно с развитием востоковедения вширь и вглубь, обретают все более прочный научный фундамент и, как следствие этого, приходят во все более точное соответствие с эмпирией широкого использования

[45] *Бартольд В. В.* Извлечение из Та'рӣх-и Шӑхрухӣ //Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С 351.

[46] ТШП. С. 186.

фактических данных ТШ в научных исследованиях, что само по себе является опровержением скептического отношения к этому труду кокандской историографии.

Первый этап, на котором господствовал скептицизм в отношении ТШ, продолжался со времени его открытия до 30-х гг. XX в.

Начало изучения ТШ положил Н. Н. Пантусов статьей «Теварихи-Шахрухие» (ТВ, 1876, № 30). Возможно, автор посчитал излишним определять источниковую ценность ТШ, коль это очевидно по самому факту издания этой статьи, и не предпослал тексту специального источниковедческого введения. Так, он писал: «Сведения о событиях последних 74 лет, от Нарбуты-хана до Худояр-хана, изложены частью на основании рассказов современников их, частью сохранились в памяти автора этой книги, который и описал их в своем сочинении, как очевидец и участник многих событий. ...Автор этой книги здравствует еще и теперь, хотя очень стар»[47].

Н. Н. Пантусов отмечал, что «как сочинение риторическое, написанное по повелению хана, Теварихи-Шахрухие изобилует иногда многословием, довольно бессодержательным и в отношении правления Худояр-Хана, во всяком случае, не может пользоваться большим доверием... Особенное внимание обращает Мухаммед-Нияз на хронологическую сторону своего труда, изощряется в составлении хронограмм...»[48]. Н. Н. Пантусов отметил филологические особенности ТШ (неправильное написание отдельных слов, характер грамматических ошибок, недостаточная степень знакомства автора с арузом) и различия в содержании двух найденных им списков. Суждения Н. Н. Пантусова о языке ТШ в значительной мере отражают представления специалистов его времени о фарси, которые были воспитаны на изучении образцовых произведений классической персо-таджикской литературы и персидского языка современного им Ирана. Поэтому он не сумел дать сущностной характеристики языка ТШ, отражающего особый этап развития среднеазиатского фарси XIX в., т. е. таджикского литературного языка данной эпохи, потому что рассматривал его как аномалию, некое неправомерное отклонение от умозрительно представляемого им «единого» фарси, что противоречило реальной действительности (рецидивы таких воззрений наблюдаются даже в трудах специалистов нашего времени).

Н. И. Веселовский в рецензии на издание ТШ писал: «До последнего времени мы вовсе и не подозревали, что существует довольно обширная туземная литература для истории Кокандского ханства. Г. Пантусов не только указал на одно подобное произведение, но, не жалея ни трудов, ни денежных затрат на такое издание, которое не может окупиться, обнародовал обширную летопись на таджицком языке. После записок мирзы Шемса[49] это самый обширный текст,

[47] [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие.

[48] Там же.

[49] Имеется в виду следующий текст: О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре: Записки Мирзы-шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева. Казань, 1861.

сделавшийся доступным ориенталистам. Разница между записками мирзы Шемса и историею муллы Нияза та, что первый, простой торговец, писал на простонародном языке, второй же, как мулла, то есть человек в некотором роде ученый и начитанный, не мог излагать свое повествование языком народным, а считал необходимым уснастить свою речь арабскими словами и выражениями, прибегая к громким фразам»[50]. Возникновение в Фергане таких, написанных витиеватым стилем трудов, как ТШ, Н. И. Веселовский объяснял покровительством поэтам Умар-хана, при котором «усилились литературные упражнения»[51]. В действительности же, как известно, это был традиционный стиль придворной мусульманской историографии, развившейся в персоязычной литературе еще в начале XIV в., когда историком Вассафом был создан труд[52], вызвавший впоследствии ряд подражаний. Этот стиль сосуществовал с традицией написания такого рода произведений простым слогом[53]. Однако определение языкового статута сочинений кокандской историографии на фарси, свободное от лингвистического ираноцентризма, требует дальнейших серьезных исследований, хотя значительные шаги в этом направлении советскими востоковедами уже сделаны. Здесь можно согласиться с мнением Н. И. Веселовского, который считал, что в языке трудов кокандской историографии, так же, как и некоторых среднеазиатских и иных восточных историографий, наблюдается оживление особо сложного витиеватого стиля фарси, равно как и тюрки, что может быть понято только в рамках конкретно-исторического контекста. Н. И. Веселовский первый усомнился в правдоподобности приводимой в вышеуказанном труде В. П. Наливкина, а также в ТШ легенды об оставлении Бабуром в Фергане во время своего бегства младенца-сына, ставшего затем предком кокандских ханов[54].

Н. Г. Маллицкий характеризовал ТШ как «источник весьма ненадежный, далеко уступающий превосходной Мунтахаб-ут-Таварих, Хаким Хана Тури»[55].

В. В. Бартольд, постоянно использовавший в своих трудах данные ТШ и даже посвятивший ему специальные работы, тем не менее скептически высказывался о ТШ. Он полагал, что это «далеко не лучший»[56]

---

[50] *Веселовский Н.* Новые материалы для истории Кокандского ханства //Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886. Ноябрь. Ч. 248. С. 175—176.

[51] Там же. С. 176.

[52] Об этом см., например: *Полякова Е. А.* Некоторые сведения о «Тарих-и Вассаф» //ОНУ. 1978. № 8. С. 44—47.

[53] См., например: *Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в.: (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. С. 12, 301—304; [Юдин В. П.] Бадаи' ал-вакаи' //МИКХ. С. 174.

[54] *Веселовский Н.* Новые материалы... С. 177. Ср.: *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... С. 47—50; ТШП. С. 15—16. О другой легендарной версии происхождения кокандских ханов см.: *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Западную Европу //Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 407.

[55] *Маллицкий Н.* Несколько страниц из истории Ташкента... С. 159.

[56] *Бартольд В. В.* Иран: Исторический обзор //Соч. М., 1971. Т. VII. С. 308.

и «далеко не самый ценный»[57] источник по истории КХ и что оттуда «едва ли... можно будет извлечь какие-нибудь новые сведения о внешних событиях»[58].

К определению В. В. Бартольда ТШ присоединился и Л. А. Зимин[59]. Говоря об авторе сочинения кокандской историографии «Мир' ат ал-футух», он писал: «Близкое же отношение автора к кыпчакам, а также то, что он был если не участником, то во всяком случае свидетелем большинства описываемых событий, сопровождавших последовательные возвышения и падения кыпчаков, дало ему возможность сообщить много интересных подробностей, которые отсутствуют в «Мунтахаб-ут-Таварих» и в "Та'рих-и Шахрохи"»[60]. Л. А. Зиминым был расшифрован та'рих смерти кокандского правителя Нарбута-хана[61].

На втором этапе изучения ТШ (с 30-х гг. XX в. по настоящее время) произошло коренное изменение представлений о ценности данного источника. На этом этапе также было высказано крайне скептическое мнение о ТШ, но оно уже не нашло поддержки у исследователей и опровергнуто источниковедческой практикой. В целом в эти годы постепенно утверждается взгляд на ТШ как на источник, значение которого трудно переоценить. Одновременно уточняются представления об историографическом методе Нийаз-Мухаммада.

А. А. Семенов назвал ТШ среди тех сочинений кокандской историографии, которые имеют выдающееся значение для исследования КХ[62].

П. П. Иванов считал, что Нийаз-Мухаммад, хотя и не может претендовать на достаточный авторитет по сравнению с более ранними кокандскими авторами, но сообщает множество интересных ценных деталей[63].

Необходимо в этой связи особо остановиться на статье П. П. Иванова «Казахи и Кокандское ханство: (К истории их взаимоотношений

---

[57] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Изд. второе. Л., 1925. С. 261. ТШ там непосредственно не называется, но в библиографии упомянуто казанское издание источника. (Там же. С. 267).

[58] *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании //Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 334.

[59] *Зимин Л.* А. Зерцало побед (مرآت الفتوح) и его значение для истории Кокандского ханства //ПТКЛА. Год 17-й, 1914. С. 31. К сожалению, эту устаревшую оценку ТШ без учета результатов последующего изучения сочинения дают и некоторые современные исследователи (*Хуршут Э.* «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков //ОНУ. 1984. № 7. С. 42).

[60] *Зимин Л. А.* Зерцало побед... С. 38.

[61] *Зимин Л. А.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще //ПТКЛА. Год 17-й, 1913. С. 102.

[62] *Semenov A. A.* Kurzer Abriβ der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikischen) Literatur (1500—1900)//Litterrae Orientales. Orientalistischer Literaturbericht. Leipzig. Heft 46: April 1931. S. 9.

[63] *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство: (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.)//Зап. ИВ АН СССР. М.; Л., 1939. Т. VII. С. 110.

в начале XIX в.)». В ней автор[64] писал, что «ставит перед собой целью освещение лишь некоторых отдельных моментов ранней истории казахско-кокандских отношений, или не получивших пока достаточного отражения в имеющейся исторической литературе, или освещавшихся недостаточно удовлетворительно с точки зрения современных научных требований»[65]. Таким образом, свои задачи автор определил весьма скромно. Между тем из-под его пера вышел прекрасный очерк казахско-кокандских отношений, написанный в основном на данных кокандской историографии, в том числе и на основе широкого привлечения ТШ.

Более того, значение его статьи выходит далеко за пределы поставленной им перед собой узкой задачи. Его работа — в какой-то мере вообще очерк истории присырдарьинских казахов до присоединения юга Казахстана к России. Значение статьи повышается еще благодаря наличию в ней многих программных положений по вопросам того, как следует изучать историю южных районов Казахстана вообще. Идеи, высказанные П. П. Ивановым в этой работе, в дальнейшем были широко реализованы историками Казахстана. Однако вопросы эти разрабатывались в основном на базе русских источников, архивных и прочих, при недостаточном привлечении материала из кокандской историографии.

Е. Б. Бекмаханов, констатируя, что ТШ — «важный источник по истории ферганских ханов», в котором «дается ценный материал о походах Коканда на территорию Старшего жуза и присырдарьинских казахов» при Алим-хане и Умар-хане, справедливо отмечал «явно апологетический характер» памятника. По нашему мнению, ученый слишком категорично писал о том, что в ТШ «совершенно отсутствует социально-экономическая история Кокандского ханства» и источниковую ценность данного сочинения связывал лишь с политической историей КХ[66].

Р. Н. Набиев, характеризуя «Тухфат ат-таварих-и хани»[67] Мулла Аваз-Мухаммада, отмечал: «Мулла Авазмухаммад описывает историю завоевания русскими войсками территории, вплоть до Самарканда и Катта-Кургана. Но по этому вопросу лучше использовать «Тарихи

---

[64] О П. П. Иванове, выдающемся специалисте по истории народов Советского Востока, погибшем в 1942 г. в осажденном Ленинграде, В. А. Ромодин писал, что он «был лучшим знатоком истории Средней Азии времени позднего феодализма (XVI—XIX вв.). Он глубоко изучал по первоисточникам политическую историю того времени, а также впервые исследовал основные черты хозяйственной жизни и социально-экономических отношений народов Средней Азии» *(Ромодин В. А.* Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии //Уч. зап. ИВ. М., 1960. Т. XXV. С. 36—37).

[65] *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство... С. 96.

[66] *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20—40 годы XIX века... С. 16.

[67] Р. Н. Набиев называет его «Тарих-и джахан-намои» (академическая транскрипция — «Та'рих-и джахан-нумай»). Это название имеет первая часть труда Мулла Аваз-Мухаммада, посвященная всемирной истории. Вторая же часть, излагающая историю непосредственно КХ, названа «Тухфат ат-таварих-и хани» *(Стори Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор. М., 1972. Ч. I. С. 487—488).

Шахрухи», так как автор его... являлся участником и очевидцем военных действий между русскими и кокандскими войсками, а Мулла Авазмухаммад получал сведения об этих событиях от других лиц.

...Однако оба труда являются оригинальными первоисточниками по истории Кокандского ханства XVIII—XIX вв.»[68]. Этот ученый дал также оценку кокандской историографии: «В некоторых из них делаются попытки «обосновать» приход к власти правящей династии минг. Авторы..., подробно излагая политические события, во многих случаях касаются не только истории Кокандского ханства, но и событий в Бухарском ханстве, Восточном Туркестане и т. д. Кроме того, они приводят немало сведений о междуплеменной кровопролитной борьбе, а также материалы, характеризующие состояние культуры, быт населения, придворную жизнь, невежество мусульманского духовенства. В этих произведениях встречаются отрывочные сведения о внутренней и внешней торговле, о ремесле и городской жизни. Ряд данных... позволяет судить о государственном строе ханства, чиновническом аппарате, состоянии войск и т. д.

Историографы ... писали свои труды по заданию ханов или их приближенных, непосредственно обслуживая интересы господствующего класса. Но даже они ... приводили материалы, хотя и отрывочные, которые позволяют составить представление о формах землевладения, способе обработки земли, состоянии ирригации, многочисленных и тяжелых налогах, поборах и варварских способах их взимания с трудящихся, использования на различных принудительных работах и т. п.»[69].

Р. Н. Набиев уделил внимание ТШ в работе, посвященной истории Кокандского ханства, представляющей значительный вклад в изучение КХ[70]. Он отметил большое значение открытия данного труда в развитии русской ориенталистики, подчеркнул, что это сочинение есть переделка раннего труда автора ТШ: «Подобная версия вполне возможна. Нам известны факты, когда составлялись разные варианты одного и того же труда под одинаковым названием. По воле государя, один из них представлялся ему. Возникает лишь сомнение относительно принадлежности автора к враждебной хану партии, т. е. к кипчакской группировке, так как в труде нет на это ни одного намека и по содержанию работы это незаметно. Вполне возможно, что в самом конце правления Худояра Мулла Нияз Мухаммад откровенно выразил свое к нему отношение»[71]. На наш взгляд, Нийаз-Мухаммад необязательно мог входить в кипчакскую группировку. У Худайар-хана были недруги и среди опальных военачальников, и в среде духовенства и т. д.[72].

[68] *Набиев Р. Н.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства //Изв. АН УзССР, 1947. № 4. С. 34.

[69] *Набиев Р. Н.* Историография Узбекистана //Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I. С. 646. См. также: *Сәфәров Ј.* ССРИ халгларынын тарихшүнаслығы (XIX әср). Бакы, 1969. С. 116—117.

[70] *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства... С. 91.

[71] Там же. С. 9.

[72] О политической направленности раннего исторического труда автора ТШ см.: *Бейсембиев Т. К.* О раннем неизвестном историческом сочинении автора «Та'рих-и Шахрухи» //Восточное историческое источниковедение и текстология. М. (в печати).

Р. Н. Набиев отметил также использование материалов ТШ в тексте кокандского исторического труда «Та'рих-и джахан-намай» («Тухфат ат-таварих-и хани»)[73].

В 1952 г. было опубликовано краткое описание рукописи ТШ № 1787 ИВ АН УзССР в I томе СВР[74], в который были включены описания наиболее ценных рукописей данного собрания.

Диссонансом на этом этапе звучит замечание А. Сагдиева, который крайне отрицательно отозвался не только о ТШ, но и ряде других исторических сочинений, написанных при дворах среднеазиатских государств XIX в.: «Как исторические произведения, они совершенно оторваны не только от окружающих мировых событий, но даже от истинного положения дел в стране и жизни своих соплеменников»[75].

В. А. Ромодин отмечал ценность ТШ при изучении истории не только указанного, но и соседних регионов: «Даже в компилятивных разделах (относящихся к XVIII в.), как правило, не повторяются сведения, имеющиеся в работах других известных нам кокандских историков. Вероятно, автор пользовался не только устными преданиями, но и недошедшими до нас письменными источниками. Для истории Ферганы в XVIII в. дается сравнительно четкая хронология. Одна из значительных черт ферганских источников XVI—XIX вв.— обилие сведений о кочевниках, населявших как Ферганскую долину, так и прилегающие к ней горные области, и игравших немалую роль в политической и в хозяйственной жизни»[76].

В 1960 г. было опубликовано краткое описание тюркской версии ТШ № 2237 АН ТаджССР[77].

А. Каюмов пишет, что «в третьей четверти XIX века в Коканде появилось довольно много исторических трудов... Они дают довольно полное описание политической и социальной жизни Кокандского ханства этого периода». И особенно он отмечает ценность приведенных в них исторических данных по второй половине XIX в., которые состоят по большей части из событий, свидетелями и участниками которых были авторы этих книг[78]. Касаясь общественной жизни, он замечает, что в ТШ встречаются «отдельные штрихи, относящиеся к литературной жизни»[79] Коканда XIX в.

---

[73] *Набиев Р. Н.* Уникальный источник... С. 34. *Он же.* Из истории Кокандского ханства... С. 10, 312.

[74] СВР. Ташкент, 1952. Т. I. С. 90.

[75] *Сагдиев А.* Историческая наука в Туркестане во II половине XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1955. С. 4.

[76] *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда //Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. Т. III. С. 61.

[77] Каталог восточных рукописей АН ТаджССР. Сталинабад, 1960. Т. I. С. 128—129.

[78] *Каюмов Азиз.* Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар). Тошкент. 1961. С. 312—313.

[79] Там же. С. 15.

А. Т. Тагирджанов описал список ТШ № 942 библиотеки ЛГУ и нашел, что она представляет сокращенную редакцию сочинения[80].

А. М. Мухтаров указывал, что в ТШ «особенно интересно освещены события, свидетелем которых был сам автор»[81]. О бухарских и кокандских сочинениях конца XVIII—XIX вв., в том числе и ТШ, А. М. Мухтаров писал, что в них «дается описание только политических событий, истории отдельных ханов, походов и побед одних правителей над другими. Авторы совершенно не касаются истории производителей материальных благ — народных масс»[82]. Действительно, для авторов кокандской историографии, сочинения которых характеризуются известным единством историографического метода, это не было прямой целью, но сведения такого рода в их трудах есть. А. М. Мухтаров ниже пишет, что «в этих трудах очень много ценного фактического материала ... Описывая победы того или иного завоевателя, авторы этих трудов сообщают немало ценных фактов о разорении, грабежах, угонах в рабство побежденного населения»[83]. Но ведь именно эти факты имеют непосредственное отношение к истории народных масс. Позднее А. М. Мухтаров во вступительной статье к изданию МТ поставил вопрос об использовании МТ автором ТШ: «В обоих сочинениях, например, почти совпадает список тех придворных кокандских сановников, которые под руководством Маъсумхана собирались для решения вопроса о воцарении Мухаммед Али хана в 1822 г.»[84]. Однако подобного списка в МТ в описании данного события нет, а в ТШ он помещен в главе о правлении Умар-хана[85] (о связи МТ и ТШ см. выше).

А. Джуванмардиев расшифровал семь та'рихов из ТШ [86], причем одного из них нет в тексте издания[87], т. е. он пользовался рукописью ИВ АН УзССР.

Н. Д. Миклухо-Маклай описал три рукописи (С 467, С 468, С 469), хранящиеся в ЛО ИВ АН СССР, и отметил, что текст списка С 468 принадлежит к несколько иной редакции, чем изданный; что ТШ написано «главным образом на основании личных наблюдений автора и устной информации, а в компилятивной своей части (рассказы о событиях XVIII в.), может быть, и на основании некоторых не дошедших до нас письменных источников», и «является ценным источником для изучения истории Ферганы (Кокандского ханства) в XVIII—XIX вв. ...»[88].

---

[80] *Тагирджанов А. Т.* Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. Л., 1962. Т. I. С. 143.

[81] *Мухтаров А.* Очерк... С. 6.

[82] Там же.

[83] Там же. С. 7.

[84] *Хакимхан Мухаммед.* Мунтахаб ат-таварих. Душанбе, 1983. Кн. 1. С. 21.

[85] ТШП. С. 107.

[86] *Жувонмардиев А.* Харфлар рақамларга айланганда. Тошкент, 1966. С. 26, 35—36, 57.

[87] Там же. С. 57; ср.: ТШ, № 1787, л. 85а. О том же см.: *Асадуллоев С. ва Оқилов М.* Абчад ва таърихҳо. Душанбе, 1972. С. 101—102.

[88] *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения: Исторические сочинения. М., 1975. Вып. 3. С. 331—332.

О. Ф. Акимушкин заметил заимствование одного стихотворного фрагмента ТШ из третьей главы (рауза) сочинения Абд ар-Рахмана Джами «Бахаристан»[89].

В. М. Плоских, констатируя большое источниковое значение ТШ, критически оценивает его историографический метод и считает, что «такие работы представляют интерес, скорее, как источники, совокупность хронологически изложенных фактов и событий»[90]. На наш взгляд, это замечание совершенно справедливо, но одновременно и сигнализирует о необходимости его детального рассмотрения как на примере ТШ, так и в целом, в отношении всех трудов кокандской историографии. Это особая проблема, которая ждет своего исследователя. Хочется лишь добавить, что изучение историографических концепций создателей трудов упомянутого круга источников имеет и большое самостоятельное значение и поможет в более глубоком освоении совокупности заключенных в них конкретных исторических данных.

Наконец, важное значение ТШ как источника с точки зрения исторического краеведения отметил А. Набиев, а с точки зрения историко-географической литературы Средней Азии — Б. А. Ахмедов[91].

Сведения ТШ использовались или учитывались (главным образом, лишь по изданному тексту) в трудах Н. Г. Маллицкого[92], В. В. Бартольда[93], М. А. Терентьева[94], Л. А. Зимина[95], А. З. Валидова[96], П. Салиева[97], П. П. Иванова[98], Н. А. Кислякова[99], Б. Г. Гафурова[100], А. Иб-

[89] *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника. М., 1976. С. 274.

[90] *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство... С. 26, 59.

[91] *Набиев А.* Тарихий ўлкашунослик: (ўлкани ўрганишнинг асосий манбалари). Тошкент, 1979. С. 12; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 127—129.

[92] *Маллицкий Н.* Несколько страниц из истории Ташкента... С. 159, 160, 169.

[93] *Бартольд В. В.* Ак-Мечеть //Соч. М., 1965. Т. III. С. 314; *Он же.* История культурной жизни в Туркестане //Соч. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 376, 394; *Он же.* К истории орошения Туркестана //Соч. М., 1965. Т. III. С. 215; *Он же.* Каратегин //Соч. М., 1965. Т. III. С. 446; *Он же.* Коканд //Соч. М., 1965. Т. III. С. 463; *Он же.* Курама //Соч. М., 1968. Т. V. С. 552; *Он же.* Маргилан //Соч. М., 1965. Т. III. С. 481; *Он же.* Отчет о командировке в Туркестан, август — декабрь 1920 г. //Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 373; *Он же.* Сарт //Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 528; *Он же.* Фергана //Соч. М., 1965. Т. III. С. 536.

[94] *Терентьев М.* Загадочный таарих //ПТКЛА. Год IV, 1899. С. 85.

[95] *Зимин Л. А.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще... С. 102—103; 106—108.

[96] *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия //ПТКЛА. Год двадцатый. 1916. Вып. 2. С. 84—85, 111.

[97] *Səlijif Polat.* Özbekistan tarьxь (XV—XIX-inci əsrlər). Samarqand; Taskent, 1929. С. 107.

[98] *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство... С. 94, 103, 107 и др.; *Он же.* Очерки. С. 231.

[99] *Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. Сталинабад; Л., 1941. С. 88, 90—91; *Он же.* Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 51—53.

[100] *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. М., 1952. С. 490. *Он же.* История таджикского народа в кратком изложении.

раева[101], А. М. Мухтарова[102], А. Р. Мухаммеджанова и Т. Негматова[103], С. Жалилова[104], А. Джуванмардиева[105], В. М. Плоских[106], Ю. А. Соколова[107], М. Кадыровой[108], М. Рахманова[109], Ф. Гаффарова[110], А. Л. Троицкой[111], Р. Н. Набиева[112], О. Ф. Акимушкина[113], М. Фазилова[114], Х. Н. Бабабекова[115] и Т. К. Бейсембиева[116]; при составлении различных справочных изданий[117]; при написании сводных трудов по исто-

---

Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. 3-е изд. М., 1955. С. 533.

[101] *Ибраев А.* Присоединение казахов Среднего жуза к России и его прогрессивное значение: Дис. ... канд. ист. наук (Рукопись отдела казахской литературы, редких книг и рукописей ЦНБ АН КазССР). Алма-Ата, 1954. С. 88.

[102] *Мухтаров А.* Очерки из истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Сталинабад, 1955. С. 4.

[103] *Мухаммаджонов А. Р., Неъматов Т.* Бухоро ва Хеванинг Россия билан муносабатлари тарихига доир баъзи манбалар. Тошкент, 1957. С. 214.

[104] *Жалилов С.* Из истории освоения земель восточных районов Ферганской долины (XIX — начало XX века): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. С. 9.

[105] *Жувонмардиев А.* Фарғонада XVI—XIX асрларда ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965. С. 126, 128, 130, 133, 140.

[106] *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965. С. 59; *Он же.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг. XIX в.). Фрунзе, 1968. С. 148; *Он же.* Вакф медресе Алымбека //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период). Фрунзе, 1975. С. 42.

[107] *Соколов Ю. А.* Установление кокандского владычества в Ташкенте //Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 27.

[108] *Кадырова М.* Надира: Очерк жизни и творчества. Ташкент, 1967. С. 114.

[109] *Рахмонов М.* Ўзбек театри тарихи: (XVIII асрдан XX аср аввалигача ўзбек театр маданиятининг тараққиёт йўллари). Тошкент, 1968. С. 419; *Рахманов М. Р.* Узбекский театр с древнейших времен до 1917 года. Ташкент, 1981. С. 34—35, 221, 306, 311.

[110] *Гаффаров Ф.* Экономические и политические связи России с Кокандским ханством в первой половине и 60—70 годах XIX века: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1970. С. 12.

[111] *Троицкая А. Л.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века //Восточный сборник. М., 1972. Вып. 3. С. 139.

[112] *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства... С. 32, 37, 44, 47, 55, 57, 62—64, 66, 68—70, 74, 82, 92, 105, 133, 164—165, 220, 273, 284, 286, 288—292, 295, 297, 303, 312, 316, 325.

[113] *Шаҳ Махмуд ибн Мирзо Фазил Чурос.* Хроника. С. 142.

[114] *Фозилов М.* Гулчини зарбулмасал ва мақолхои тоҷикию форси. Душанбе, 1976. С. 366.

[115] *Бабабеков Х. Н.* Историческая литература о Кокандском ханстве: (Русская литература 60—70-х гг. XIX в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1977. С. 13.

[116] *Бейсембиев Т. К.* «Байан-и таварих-и...». С. 62—63, 65—67; *Он же.* Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии: (на материалах сочинений кокандской историографии) //Казахстан, Средняя Азия и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 95—99; *Он же.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв.; (по некоторым сочинениям кокандской историографии) //Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 37—46.

[117] Кокандское ханство //Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XV[a]. С. 624; *K.[ropotkin] P. A., Be[alby] J. T.* Khokand //The Encyclopaedia Britannica. Cambrige, 1911. 8th ed. P. 779; *Семенов А. А.* Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии //Труды Библиогр. комиссии, бывшей при СНК ТССР. Ташкент.

рии Средней Азии[118]; при публикации «Записок» Ф. Назарова о его поездке в Коканд в 1813—1814 гг.[119] и «Собрания сочинений» Ч. Ч. Валиханова[120]. Краткая сводка данных о ТШ помещена в биобиблиографическом обзоре персидской литературы Ч. А. Стори и существенно расширена при переводе этого справочника на русский язык[121]. Отдельные востоковеды (например, А. З. Валидов и П. П. Иванов) сверяли факты из ТШ с данными других среднеазиатских источников. Первый узбекский романист А. Кадыри использовал данные из ТШ при создании романа «Скорпион из михраба»[122]. Автор ТШ является даже одним из действующих лиц этого романа.

Мы не ставили перед собой цели проследить абсолютно все случаи беглого использования данных ТШ во всей совокупности не только мировой, но даже русской и советской востоковедческой литературы, да это и вряд ли выполнимо и необходимо для осуществления нашей задачи.

Итак, даже те исследователи, которые на словах давали сдержанную оценку ТШ, широко и постоянно использовали этот источник, тем самым доказывая обратное. Так, В. В. Бартольд гораздо чаще использовал ТШ, чем может представить себе читатель, прибегая к указателям к изданию сочинений ученого.

Некоторые известия ТШ черпались исследователями из «вторых» и даже «третьих» рук, т. е. из изданных переводов и статей Л. А. Зимина, В. В. Бартольда, П. П. Иванова и В. А. Ромодина. Подобного рода использование наблюдается в монографиях М. Л. Юдина, Ф. А. Азадаева, Л. С. Толстова и др.[123].

1926. Вып. 3. С. 13; *Сабитов Н.* Библиографический указатель материалов по истории Казахстана. Алма-Ата, 1947. С. 13; Фарханги забони точики (аз асри X то ибтидои асри XX)... Ч. I. М., 1969. С. 20; Ч. II. М., 1969. С. 285, 708—709; *Иноятов Х. Ш.* Узбекская ССР //СИЭ. М., 1973. Т. 14. Стлб. 705; *Литвинский Б. А., Мухтаров А. М., Козачковский В. А.* Таджикская ССР //Там же. Стлб. 52; [*Юдин В. П.*] «Тарих-и Шаhрухи» //Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы, 1977. Т. 10. С. 563; *Barthold W., Bosworth C. E. Khokand* //The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. 5. Leyden — London, 1979. P. 29; *Мухторов А.* Муллонёзмухаммади Хуқанди //Энциклопедияи совети точик. Душанбе, 1983. Т. 4. С. 545.

[118] История таджикского народа. Т. I. Кн. 2. Поздний феодализм (XVII в. — 1917 г.). М., 1964. С. 64—65; История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 2. Ташкент 1950. С. 471; История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 718; История Киргизской ССР. Т. I. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. С. 70, 786.

[119] *Назаров Филипп.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 10—11.

[120] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 378—380.

[121] *Storey C. A.* Persian literature. A bio-bibliographical survey. L., 1970. Vol. I. Pt. I. P. 391; *Стори Ч. А.* Персидская литература... Ч. II. С. 1197—1198.

[122] *Қодирий А.* Меҳробдан чаён. Тошкент, 1959. С. 102.

[123] *Юдин М. Л.* Взятие Ак-Мечети в 1853 г. как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1912. С. 73; *Азадаев Ф. А.* Ташкент во второй половине XIX в.: Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959. С. 54, 56; *Озодаев Ф.* Тошкент тарихидан очерклар. Тошкент, 1960. С. 261; *Толстова Л. С.* Каракалпаки Фер-

В целях более живого и наглядного показа обстоятельств обнаружения и хода исследования и вовлечения в научный оборот данных ТШ мы предоставили возможность исследователям расказать об этом своим собственным языком, т. е. в данном разделе в необходимых случаях мы прибегали к методу цитирования, полагая, что это позволит передать не только динамику изучения, но и сам дух и творческую атмосферу.

Таким образом, в деле творческого освоения востоковедами указанного конкретного объекта ориенталистики были достигнуты позитивные результаты. В целом в настоящее время сложилась плодотворная традиция использования ТШ в качестве исторического источника. В исследовании его имеется немало достижений. В частности, проделаны первые шаги в сопоставлении ТШ с наиболее близкими ему сочинениями — трудами кокандской историографии. Использование ТШ позволит преодолеть односторонность наиболее широко привлекаемых источников. Данные этого источника помогали осветить политическую, этническую, социально-экономическую, военную и культурную историю Ферганы XVIII—XIX вв.; хронологию КХ; политику Коканда в Ташкенте, Южном Казахстане, Ура-Тюбе и горном Таджикистане; коканд-

---

ганской долины: (Историко-этнографический очерк). Нукус, 1959. С. 48, 54; *Она же.* Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века. Нукус; Ташкент, 1963. С. 36, 45; *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства: (XIX век — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961. С. 158; Очерки по истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964. Т. I. С. 283, 299, 301; *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 98; *Saguchi Toru.* The Eastern Trade. P. 89; *Камалов С. К.* Каракалпаки в XVIII—XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968. С. 299; *Ғаффоров Ф.* Россия билан Қуқон савдо алоқалари: (XIX асрнинг биринчи ярми) //ОНУ. 1968. № 7. С. 61—62; *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг. XIX в. Фрунзе, 1968. С. 12, 64; *Он же.* Вакф медресе Алымбека //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период). Фрунзе, 1975. С. 42; *Плоских В. М., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана //Там же. С. 70; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 59, 331; *Бекназаров Р.* Юг Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России: (по русским архивным и опубликованным материалам): Дис... канд. ист. наук. [Рукопись Научной библиотеки КазГУ им. С. М. Кирова]. Алма-Ата, 1969. С. 181, 310; *Косбергенов Р. К.* Қарақалпақстанның Россияға қосылуы. Тарийхый-этнографиялық монография. Нөкис, 1972. С. 408; *Bacqué-Grammont J.-L.* Turan: Une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après un document ottoman //Cahiers du monde russe et soviétique. XIII, No 2. 1972, P. 203, 215, 222; *Ишанханов С. Х.* Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. Ташкент, 1976. С. 30; *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Антипина К. И.* Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX — начала XX веков //Кетмень-Тюбе: Археология и история. Фрунзе, 1977. С. 167—168; *Мадуанов С.* Казахи в составе Кокандского ханства в первой половине XIX в. //Сборник по вопросам истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1978. С. 56; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд. М., 1983. С. 64; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979. С. 64; *Шуховцов В. К.* Письменные документы из города Туркестана //Казахстан в эпоху феодализма: (проблема этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 188—189; *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в.: (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С. 78.

ско-русские и кокандско-киргизские отношения и др. Достоверность и репрезентативность известий этого источника не могут более подвергаться нигилистическому сомнению, что, разумеется, не отвергает необходимой меры критичности в подходе к ТШ с позиций исторического материализма и достижений марксистского источниковедения.

Прошло около полувека, но все так же актуально звучат слова П. П. Иванова о том, что исследованию истории Кокандского ханства, которая изучена слабо, «должна предшествовать предварительная работа по выявлению и критическому исследованию имеющихся рукописных источников...»[124]. К сожалению, до сих пор главные задачи изучения ТШ еще не решены. Они состоят в более углубленном анализе источника во всех вышеприведенных аспектах при широком сопоставлении с кокандскими и другими источниками, в составлении и издании критического текста сочинения и осуществлении его полного комментированного перевода на русский язык. Острую необходимость такого перевода подтверждает широкое использование материала ТШ из «вторых рук».

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

ТШ охватывает историю КХ от начала XVIII в. до начала 70-х гг. XIX в., т. е. почти весь период его существования. Географические рамки событий включают Ферганскую долину; районы Ташкента, Джизака, Самарканда; Южный Казахстан; Таджикистан; Киргизию; Восточный Туркестан и некоторые районы Среднего Востока, в частности Северный Афганистан, Читрал и Кашмир.

После вступительной части излагается легенда о происхождении кокандских ханов. Их история начинается с воцарения Шахрух-хана в 1121/1709 г. Именно с его именем как основателя династии связано название ТШ. Другое название —«Таварих-и Шахрухиййа»— означает «Летописи [государей из рода] Шахруха» или «Шахруховы летописи».

Далее следуют главы, посвященные правлению последовательно сменявшихся кокандских правителей. Кратко описаны события, когда у власти стояли первые преемники Шахруха, к именам которых почти везде приложен титул «хан» (от Абд ар-Рахим-хана до Сулайман-хана). Начиная с рассказа о мятеже Хаджи-бека, поднятом в последние годы правления Нарбута-хана, повествование становится более подробным. Так, глава о правлении Алим-хана (1798—1810 гг.) по объему превышает (с. 41—86) всю предыдущую часть (с. 2—40). В ней рассказывается об обстоятельствах вступления Алим-хана на престол, организации им нового войска, его завоевательных походах на Ура-Тюбе и Джизак, его политике в отношении ферганского духовенства и покушении на него суфия. Затем изложены события, связанные с Курамой, Ташкентом и Южным Казахстаном: отражение нападения на Фергану правителя Ташкента Йунус-ходжи, завоевание Алим-ханом Курамы и Ташкента, поход кокандских войск в Южный Казахстан. В конце главы

[124] *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство... С. 92.

идет речь о заговоре против хана и его гибели. В тоне изложения сквозит неподдельная симпатия автора к Алим-хану.

Правлению Умар-хана (1810—1822/23 гг.) уделено несколько меньше внимания (с. 86—111). Здесь также наиболее подробно рассмотрена военно-политическая история КХ: походы в западном направлении (Ура-Тюбе, Джизак и Самарканд), завоевание города Туркестана. События часто датируются по годам правления Умар-хана. Глава заканчивается описанием смерти Умар-хана, перечислением имен видных его современников и наставлениями хану Хазрат-и Маулави Намангани.

Повествование о годах правления Мухаммад-Али-хана (1823—1842 гг.) довольно краткое (с. 111—135). Степень освещенности разных событий этого периода различна: более половины объема приходится на описание походов кокандских войск в Кашгар (с. 114—120) и изложенный в стихотворной форме рассказ о хадже Хазрат-и Сахиба, обиженного ханом и отправленного в изгнание (с. 123—132). В остальной части главы перечисляются служебные передвижения сановников и имена казненных из их числа, военные походы и новые завоеванные территории КХ. Глава завершается историей поражения кокандских войск в войне с эмиром Бухары, завоевания им Ферганы, казни Мухаммад-Али-хана, восстановления власти кокандских ханов (воцарения Шир-Али-хана) силами кочевников и оседлого населения Ферганы (с. 135—137).

События времен правления Шир-Али-хана (1842—1844 гг.) изложены в отдельной главе очень подробно (с. 138—174). Сначала сообщается о походе на Ташкент и восстановлении там кокандского господства. Затем внимание концентрируется на внутриполитической борьбе в Фергане и установлении власти глав ферганских кипчаков. Отношение к ним автора резко отрицательное. Ярко описаны безуспешные попытки подавить мятеж кипчаков, разлад среди кокандской знати, взятие кипчаками Коканда. Попутно в ряде списков сообщается о личном участии автора ТШ в этих событиях, в частности о его бегстве в Коканд и приключениях в пути после победы кипчаков под Чустом. В конце данной главы описывается антикипчакское выступление в Коканде (убийство Шир-Али-хана, кратковременное правление Мурад-хана), восстановление власти кипчаков в столице и вступление на престол Худайар-хана, его генеалогия, возведенная к Адаму.

Следующая глава (с. 175—212) посвящена первому правлению Худайар-хана (1844—1858 гг.). Подробно повествуется о мерах Мусульманкула по укреплению кипчакского господства (установление власти кипчаков в Ташкенте и г. Туркестане) и своей власти (расправа с противниками, хозяйственные и строительные мероприятия). События излагаются последовательно. Наиболее подробно описана открытая междоусобная борьба среди кипчаков, вспыхнувшая в 1852 г. и завершившаяся падением их господства. Особенно ярко освещена решающая битва при Билкилламе. Далее идет речь о взятии русскими войсками Ак-Мечети; неудачном мятеже, организованном Малла-ханом в Ташкенте; новом мятеже, поднятом им же в Фергане, и его воцарении в Коканде при поддержке киргизов и кипчаков.

Глава о правлении Малла-хана (1858—1862 гг.) (с. 212—229) состоит из двух рассказов — о походе кокандцев в Семиречье и Узун-Агачской битве (с. 216—220) и их походе в сторону Туркестана с целью помешать продвижению русских войск (с. 220—229). Последний рассказ написан от первого лица в стихах на среднеазиатском тюрки.

В следующей части ТШ (с. 230—280) подробно излагаются события 1862—1865 гг. Описан очередной этап борьбы Худайар-хана с киргизами и кипчаками за власть: призвание его «доброжелателями» в Ташкент и занятие им кокандского престола при поддержке бухарского эмира. Автор рассказывает обо всех перипетиях борьбы Худайар-хана с киргизами и кипчаками в районе Андижана, Маргилана и Коканда; поддержке его бухарскими войсками и восстановлении в КХ власти киргизских и кипчакских владетелей во главе с Алимкулом; о наступлении российских войск и ответных действиях Алимкула (сражении под Чимкентом, деле при Икане, боях за Ташкент); его гибели и взятии Ташкента русскими войсками. В финале данной части говорится о третьем воцарении Худайар-хана и примирении в этот период по его инициативе всех враждовавших в Фергане группировок.

Заключительная часть (с. 280—333) представляет серию стихотворных отрывков на фарси и тюрки, носящих панегирический характер: в них превозносится Худайар-хан и его семья в связи с некоторыми событиями в Коканде в 1866—1871 гг. Приводятся данные о строительных мероприятиях хана в столице, смерти членов его семьи и фактах, касающихся, главным образом, общественно-политической жизни столицы (в том числе — о новом халифе ордена накшбандиййа в Коканде). Ряд списков ТШ завершается описанием всеобщего пира в Коканде по случаю обрезания Урман-хана, любимого сына Худайар-хана.

По содержанию ТШ стоит в одном ряду с трудами придворной мусульманской историографии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока эпохи феодализма. Главное внимание в нем уделено военной и политической деятельности правителей. Но ТШ так насыщено фактологическим материалом, что в нем при внимательном изучении обнаруживаются данные социально-экономического, этнографического и идеологического характера.

МЕСТО «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ» В КОКАНДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ТШ представляет собой труд зрелого этапа развития кокандской историографии: он создавался в последние десятилетия существования КХ на основе сочинений кокандской историографии раннего цикла («Умар-нама» Абд ал-Карима Намангани, «Шахнама-йи Умар-хани» Мирза Каландара Исфараги и «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммад-Хакимхана тора и др.), и в нем получил дальнейшее развитие традиционный жанр исторической литературы. ТШ входит в ту группу кокандских сочинений, которая служила возвеличению Худайар-хана. К этой группе относятся сравнительно ранние сочинения о первом правлении

Худайар-хана, созданные в 50-х — начале 60-х гг. XIX в. («Джанг-нама-йи Худайар-хани» Муллы Шамси, «Зафар-нама-йи Худайар-хани» Абд ал-Гафура и «Та'рих-и Худайар-хан» Исмати), и более поздние («Тухфат ат-таварих-и хани» Аваз-Мухаммад Аттара, ТШ, «Маснави» Мукима Васфи и др.), написанные в конце 60-х — середине 70-х гг. XIX в. Последние опираются на предшествующие труды кокандской историографии, и не только «прохудайарского» направления. ТШ было использовано автором «Тухфат ат-таварих-и хани», поместившим в конце этого труда извлечение из ТШ[125]. Как логическое продолжение завершающей стихотворно-панегирической части ТШ выступают «Касида» и «Маснави» Мукима Васфи из Касана, восхваляющие Худайар-хана и законченные в 1292/1875 г.[126].

Особенности произведений кокандской историографии позднейшего периода, созданных в колониальном Туркестане в последней четверти XIX — начале XX в. после включения КХ в состав России, во многом были определены трудами ее позднего цикла и особенно ТШ. Его использовал андижанский кази Атабек при написании истории КХ под названием «Муфассал-и та'рих-и Фаргана», «которая, по словам самого Атабека, является извлечением (интихаб) и сокращением (иджмал-и махз) сочинения Нийаз-Мухаммада...»[127]. Написанное в начале XX в. на среднеазиатском тюрки Мухаммад-Фазил-беком, сыном кази Атабека, сочинение «Мукаммал-и та'рих-и Фаргана» также представляет собой компиляцию ТШ, дополненную некоторыми другими сведениями[128]. Пользовался ТШ и Мулла Мирза Алим Ташканди, автор написанного ок. 1301/1883 г. «Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин»[129].

Следует особо остановиться на отношении к ТШ Мухаммад-Салих-ходжи Ташканди, перу которого принадлежит огромный исторический труд «Та'рих-и джадида-йи Ташканд», законченный в 1887 г. в Ташкенте. С одной стороны, Мухаммад-Салих-ходжа неоднократно упоминает ТШ как один из источников своего труда и отсылает к нему, заявляя, что в ТШ изложены «несметные и неисчислимые сведения о событиях и происшествиях минувших дней»[130]. С другой — он критикует автора ТШ, обвиняя его «в полном незнании науки и правил составления книги по истории», в том, что тот не написал историю от Адама до Мухаммада, от халифов и султанов до Алтун-Бишика и не предпослал своему труду родословную ханов Ферганы. Все эти пробелы, заявляет автор «Та'рих-и джадида-йи Ташканд», восполнены в его собственном

[125] *Набиев Р. Н.* Уникальный источник... С. 34; *Он же.* Из истории Кокандского ханства... С. 10, 312.

[126] В основной части «Маснави» описывается объезд Худайар-ханом своих ферганских владений, вероятно, в начале 70-х гг. XIX в. (см.: МВ, л. 55а—261б).

[127] *Валидов А. З.* Восточные рукописи... С. 310.

[128] Сохранился I том «Мукаммал-и та'рих-и Фаргана», охватывающий события от воцарения Шахруха (ок. 1709 г.) до победы Худайар-хана над кипчаками (1852 г.). Мы пользовались копией данного сочинения, хранящейся в ИВ АН УзССР (инв. № 5971).

[129] АСТХ, л. 13б, 67а (ср.: ТШП. С. 21—22, 179).

[130] ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 62, 111, 128.

труде[131]. Мухаммад-Салих-ходжа, считая, что в ТШ неверно освещены обстоятельства падения Алим-хана, привел на этот счет другую версию[132]. Причина такого резкого отношения Мухаммад-Салих-ходжи к ТШ и его автору объясняется, на наш взгляд, следующим. Согласно некоторым данным второго тома «Та'рих-и джадида-йи Ташканд», его автор тесно общался с проживавшими в 70—80-гг. XIX в. в Ташкенте отпрысками кокандской династии (например, Наср ад-Дин-хан поручил ему обучение своих детей)[133]. Вероятно, именно членам рода кокандских ханов, оставшимся в живых к 1887 г., Мухаммад-Салих-ходжа посвятил свой труд и для того, чтобы представить его в выгодном свете перед последней официальной хроникой КХ—ТШ,— прибегнул к ее критике.

ТШ использовалось и другими восточными авторами. Печатавшийся в «Туркестанской туземной газете» в 1908—1915 гг. и вышедший в 1915 г. в Ташкенте отдельным изданием «Та'рих-и Туркистан» Мулла Алим-Махдума-хаджи (на среднеазиатском тюрки) освещает историю, главным образом, КХ и является в значительной мере пересказом ТШ с сохранением ряда его структурных особенностей (изложение фактов начинается с легенды о происхождении кокандских ханов, и события описываются последовательно — по годам их правления). Широко цитируются стихотворные фрагменты с та'рихами из ТШ[134]. Привлекали данные ТШ восточнотуркестанский историк Мулла Муса Сайрами в своей хронике «Та'рих-и амнийа», завершенной в 1903 г., кази Исхак-хан в своем труде «Та'рих-и Фаргана», составленном в 1331/1912—13 г. и Махмуд Хаким Сайфани Фаргани в краткой истории кокандских правителей «Хуллас ат-таварих», написанной в 1332/1913—14 г.[135].

Основанное на предшествующих трудах традиционной мусульманской историографии, ТШ в силу значительного объема, разнообразного содержания, официального характера и распространенности (о чем говорит количество дошедших списков) возвысилось над массой средних и мелких сочинений и оставило глубокий след в кокандской историографии. Раздававшаяся в адрес ТШ критика лишний раз подчеркивает, какой известностью это сочинение продолжало пользоваться в местных кругах Туркестана спустя годы после ликвидации КХ. Сочинение оказало определенное влияние на труды восточных историков, созданные уже в начале XX в.

---

[131] ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 76—77.

[132] Там же. С. 79—97.

[133] ТДТ. Т. II. Ч. II. С. 175—176, 187—188.

[134] ТТ. С. 10—12, 19, 22—24, 51—52, 98—99, 102—103, 118—123 и др. Ср.: ТШП. С. 21—22, 33, 37, 40—41, 86, 179, 183, 224—228 и др.

[135] [*Юдин В. П.*] Та'рих-и амнийа //МИКХ. С. 480—481; ТФ, л. 1а (та'рих составления — «Фарган»), л. 20б (ссылка на ТШ); *Махмуд Хаким Сайфани Фаргани.* Хуллас ат-таварих. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 1220, л. 4б, 7а—б, 8а, 14а, 16б, 23б, 26а, 28б (ср. та'рихи и рассказ о Нарбута-хане и Хаджи-беке: ТШП. С. 30, 38—39, 40, 86, 98 136, 144, 297).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА ПО «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ»

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФЕРГАНЫ

В ТШ вкраплены сведения о природно-климатических условиях и географическом положении территориального ядра КХ — Ферганы,— позволяющие сделать определенные выводы об экологии среды обитания ее населения и связях ее с внешним миром и более выпукло осветить основные вопросы истории КХ, изложенные в ТШ.

Фергана, по ТШ, отличается разнообразием рельефа и ландшафта. Это страна широких степей и высоких гор[1], богатая водой и со здоровым климатом (с. 15). Потоки, которые стекают с окружающих Фергану гор и впадают в Сырдарью, по полноводности в несколько раз превышают реку Зеравшан (Кухак)[2]. Поэтому Фергана — это «величайший вилайет Мавераннахра», благоустроенный как райский сад, а Коканд— «Второй Рум» (с. 96—97, 140—141, 160). Неоднократно упоминаются сады, посевные и орошаемые пространства, т. е. культурные районы (абадани) (с. 15, 135, 212)[3]. В XIX в. в Коканде был квартал садовников (с. 20). Встречаются сведения о заповедных угодьях — курук (расположенных западнее Шахрихана и около Канибадама) (с. 100, 155); степных и аридных зонах (дашт, бийабан), где жили кочевники (пустынные районы на севере Ферганы, степь Чахар-баг-и дивана — букв. 'Сад юродивого' — севернее Коканда, степь Саманчи, солончак (шор) ниже Кувы) (с. 62, 84, 157, 205, 207, 240)[4]; о низинных участках по берегу Сырдарьи с камышовой и тростниковой растительностью и о заболоченных местностях, о существовании которых свидетельствуют название *Кул-и Билкиллама* (букв. 'Озеро-трясина') и осушительные канавы в Коканде (с. 60, 135, 166, 191, 193). Сообщается о лесной чаще под Кокандом (с. 84). Косвенно указывало на наличие сыпучих барханов в Фергане, надвигавшихся на районы оседлого земледелия, сравнение изобильного урожая зерна при правлении Нарбута-хана с засыпающим дома песком (с. 34). Это подтверждают и более поздние данные: в

[1] ТШП. С. 209; ТШ, С 468, л. 23а.
[2] ТШ, С 468, л. 23а.
[3] См. также: ТШ, С 468, л. 22б—23а.
[4] С 468, л. 28а.

начале XX в. пески пустынных территорий Ферганы занимали около 1,5 тыс. кв. верст и двигались (в частности, барханы высотой до 15 м) по направлению господствующих ветров на восток и северо-восток[5]. Сообщение о многочисленных оврагах, образовавшихся от селевых потоков в окрестностях Чуста (с. 161), говорит о губительном воздействии селя на Северную Фергану.

О богатстве животного мира свидетельствует тот факт, что в начале XVIII в. близ Коканда водились тигры (с. 17)[6]. Многократные упоминания в ТШ о конных массах воинов-кочевников, кавалерии как ударной силы Кокандского войска (с. 19, 43, 61, 167, 188, 191—192), широком использовании верблюдов в качестве вьючного средства (с. 58—59, 76), а овец как товара (с. 34), указывают на то, что в Фергане великолепно приживались лошади (чего нельзя сказать, например, об Индии) и другие виды домашних животных.

В целом благоприятные географические и природные факторы способствовали созданию в Ферганской долине оптимальных условий для человеческой жизнедеятельности. Равнинный в основном рельеф был весьма благоприятен для ирригации. Компактность территории[7], сухой и теплый климат, наличие источников водозабора обусловили соответствующую высокоинтенсивную для того времени систему земледелия, позволявшую выращивать помимо зерновых ряд субтропических и теплолюбивых культур, развивать шелкопрядство. Одни районы долины отличались от других различной степенью благоприятности природных условий. В этом смысле ее южная часть (районы Коканда, Маргилана и Андижана) была наиболее пригодна для занятий сельским хозяйством. Поскольку крестьянское хозяйство было экономической основой феодализма, на базе которой возникали города, эта часть Ферганы должна была стать территориальным ядром КХ. Первая крепость-резиденция будущих кокандских правителей была заложена в окрестностях Коканда в начале XVIII в. на месте слияния двух потоков (сай), которые, «подобно двум морям, словно два поглощающих степь дракона, с грозным, как гром, звуком слившись, заключили в объятия степь»[8]. Наличие ила в водах Сырдарьи, об илистом дне которой упоминает автор ТШ (с. 165), делало их особенно благоприятными для орошения. Неслучайно в середине XIX в. от нее (точнее, от одного ее притока — Карадарьи) был отведен арык Чини-Абад, который стал главным каналом для мелких арыков (с. 184). Наконец, содержащийся в источнике факт использования арб во время военных действий Ху-

---

[5] *Масальский В. И.* Туркестанский край //Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. СПб., 1913. С. 31.

[6] Они названы не совсем точно — словом *шир* (лев). О тиграх в Фергане XIX в. см.: *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства: (Феодальное хозяйство Худоярхана). Ташкент, 1973. С. 158.

[7] Фергана занимает площадь в 22,2 тыс. км^2, с окружающими горами — 80 тыс. км^2 при длине долины почти в 300 км и наибольшей ширине — 170 км. В пределах долины она меньше Бельгии (30,5 тыс. км^2), а с окружающими горами — континентальной Португалии (88,6 тыс. км^2).

[8] ТШ, С 468, л. 32б.

дайар-хана против кипчаков (с. 195, 243) свидетельствует об удобстве рельефа долины для путей сообщения.

Не менее благоприятна была Фергана для развития экстенсивного животноводства, кочевого и полукочевого в «вертикальном» направлении. Пойма Сырдарьи, Карадарьи и пустынная зона как нельзя больше подходили для зимовок скота, зимних и ранневесенних пастбищ; лессовые равнины (с. 192, 195, 241)[9], предгорья и среднегорья — для весенних и раннелетних; высокогорья — для летних; среднегорья — для осенних; лессовые предгорья и равнины, зона пустынь и полупустынь с наступлением позднеосенних дождей — для позднеосенних.

Таким образом, экосистема Ферганы определила как кочевое и полукочевое (которое здесь в эпоху феодализма было широко распространено), так и оседло-земледельческое хозяйство.

Как отразилось в ТШ сосуществование этих двух типов хозяйства? Кочевники — пришельцы из «широких степей и высоких гор», не признающие скученного оседлого образа жизни (с. 209), изображены как стихийная сила, сеющая хаос и разорение. Так, автор пишет: «Поток волнения и беспорядка низвергнется с этих гор (т. е. гор, окружающих Фергану.— *Т. Б.*), где обитает беспечная толпа кочевников, на посевы, орошаемые широким каналом этого вилайета, результатом чего будет смута» (с. 212). Автор не скупится на эпитеты в их адрес: «разбойники», «хищники пустыни», «степные волки», «саранча в человеческом образе», «саранча степей Бухары и Самарканда», «демоны пустыни» (с. 77, 84, 139—140, 158). Это отношение к кочевникам объяснялось не только политико-экономической, но и экологической причинами.

Результаты экологических исследований показывают, какой колоссальный ущерб окружающей среде наносит экстенсивное скотоводство. Периодическое значительное скопление скота на определенной территории вело к оскудению растительного покрова; пастбище захватывало сорное мелкотравье, которое приходило на смену высокопродуктивным видам трав. В результате нарушения экологического равновесия наблюдалось опустынивание пастбищных зон. Создавались все условия для обильного размножения грызунов. А борьба с последними осложнялась тем, что отлов хищников, поедающих этих грызунов, не регулировался. Таким образом экологическая проблема еще более усугублялась. Кроме того, здесь создавалась реальная опасность роста численности насекомых и саранчовых. Установлено, что бедствия, связанные с перелетами саранчи по большей части порождены перевыпасом (мы уже говорили о связи нашествия на оазисы Бухары и Самарканда саранчи с вторжением кочевых масс из Дашт-и Кипчака в Мавераннахр в 20—30-х гг. XVIII в.), который может стать также и причиной эрозии почвы. Если слишком большое количество травоядных животных долгое время оказывает давление на ограниченную площадь, то почва становится очень уплотненной, ее продуктивность понижается, может

[9] На лесс указывают замечания об огромных клубах пыли, поднимаемых конными массами во время военных столкновений в Фергане.

не восстановиться и после удаления животных. Результатом чрезмерного выпаса будет пустыня[10].

В условиях феодальной Ферганы подобные последствия проявлялись очень ярко. Этому способствовали: 1) небольшая для ведения кочевого хозяйства территория, из которой следует исключить массивы, занятые оседлым населением, и земли непригодные для кочевания; 2) относительная замкнутость Ферганы; 3) частое сосредоточение множества кочевников в отдельных районах, связанное, например, с политической нестабильностью. Значительные пустынные пространства в долине — результат указанных факторов. Они, разумеется, оказывали негативное влияние не только на кочевое и полукочевое хозяйство, снижая его продуктивность и тормозя развитие, но и на оседлое. Необходимость пересекать при «вертикальном» цикле кочевания (по меньшей мере — дважды в год) зону оазисов, полукольцом окаймлявшую долину, постоянная потребность у кочевников в пастбищах на такой ограниченной территории, как Фергана, особенно в годы засухи, приводили к потравам посевов, служили препятствием для освоения земель оседлыми жителями. Итак, наличие на локальной территории кочевого скотоводства, оседлого земледелия и ремесла при нарушении оптимальных хозяйственных и социальных параметров было неблагоприятным для развития производительных сил Ферганы.

Материалы источника позволяют создать представление о связях Ферганы с внешним миром в период ее вхождения в КХ (приложение 3). Анализ показывает, что больше всего Фергана была связана с Ташкентом и примыкавшими к ней районами Курамы и юга Казахстана. На втором месте стояли центральные районы Средней Азии (Бухара, Самарканд; Джизак и Ура-Тюбе). Далее шли Горный Таджикистан и прилегающие районы Среднего Востока (или Кухистан), Восточный Туркестан и другие области и страны. Среди походов из Ферганы выделялись два основных направления: северо-западное (на Ташкент и присырдарьинские районы Казахстана) и западное (на Ура-Тюбе, Джизак и Самарканд). Угроза Фергане исходила также с запада (прежде всего — со стороны Бухары). Этому способствовало существование Ходжентского прохода (танги-йи Худжанд) (с. 132). Еще в XVI в. Бабур писал: «Вокруг Ферганы находятся горы; с западной стороны, где Самарканд и Ходжент, гор нет; зимой ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти»[11]. Как видно, географическое положение и относительная замкнутость Ферганы в значительной мере ограждали ее от вторжений извне, но вместе с тем длительное время мешали наладить широкие и разносторонние связи с Европой.

В ТШ указывается на некоторые другие географические факторы,

[10] *Вальтер Г.* Растительность земного шара: Эколого-физиологическая характеристика /Пер. с нем. М., 1975. Т. III. С. 220—224; *Одум Ю.* Основы экологии /Пер. с англ. М., 1975. С. 533—534; *Леме Ж.* Основы биогеографии /Сокр. пер. с франц. М., 1976. С. 245. См. также: *Юсупов М.* Некоторые особенности исторического развития сельского хозяйства Андижанской области Узбекистана //Известия Узбекистанского филиала Географического общества СССР. Ташкент, 1962. Т. 6. С. 111—113.

[11] Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 11.

влиявшие на ход исторических событий в Фергане. Главная водная артерия долины — Сырдарья — была серьезной преградой для войска. На этом был построен стратегический замысел Алим-хана, когда в Фергану с северо-запада ок. 1803 г. вторгся правитель Ташкента Йунус-ходжа. Алим-хан приказал Раджабу кушбеги, находившемуся в районе Ходжента, перейти на правый берег Сырдарьи, вдоль берега пройти со своим войском к Гурумсараю, где находилась переправа, с тем, чтобы не дать противнику форсировать реку. Во время боя между Раджабом кушбеги и Йунус-ходжой к левому берегу подоспели части Алим-хана. В итоге Йунус-ходжа был наголову разбит силами Раджаба кушбеги (с. 59—63). Рассказывается о том, как в 1844 г. переправа на лошади через Сырдарью во время половодья едва не стоила Нийаз-Мухаммаду жизни (для этого сооружались плоты, но тогда они были затоплены по распоряжению кипчаков) (с. 163—166). Таким образом, во время паводка конники и пехотинцы не могли преодолеть реку без вспомогательных средств.

Не меньшее значение имели во время военных действий горы. Так, претендент на трон Малла-хан в 1858 г. укрылся в горах у киргизов Уч-кургана и оттуда начал борьбу (с. 204—205). В 1863 г., когда войско бухарского эмира, преследуя кочевников Ферганы — киргизов и кипчаков,— дошло до Узгенда и очутилось в «каменистой степи и горной теснине», дальнейшая борьба с ними стала бесполезной. Это заставило эмира начать отступление (с. 261—263). Повествующий об этих событиях бухарский источник «Тухфа-йи шахи» не только подтверждает данный факт, но и приводит красноречивую деталь: укрывшиеся в горах кочевники не потеряли ни одного человека, в то время как посланное против них 20-тысячное бухарское войско понесло ощутимый урон[12]. Как показывает источник, оседлым феодалам победить кочевников в горах было чрезвычайно трудно.

Немногочисленные сведения ТШ о природных условиях Ферганы являются важными. На основе данных ТШ, трудов кокандской историографии и других источников можно в дальнейшем воссоздать историческую географию и экологию человека в Фергане, что поможет объяснить ряд проблем истории КХ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Основу экономики КХ, согласно автору рассматриваемого сочинения, составляла совокупность двух основных оседло-земледельческих хозяйств (в Ферганской долине и Ташкентско-Кураминском районе) с торгово-ремесленными центрами в городах, окруженных зоной кочевого и полукочевого животноводства. По ряду деталей, приведенных в ТШ, можно в той или иной мере воспроизвести уровень развития экономики ханства. Сведения о запруживании воды в районе Коканда, строительстве в Фергане в XIX в. каналов (с. 15, 184, 312—314) свидетельствуют о распространении поливного земледелия. Во время

[12] Тухфа-йи шахи, л. 193б.

подготовки в 1842 г. к обороне столицы в Коканд из окрестных кишлаков привозили сено и зерно (с. 139); кипчаки, осаждая в 1862 г. в окрестностях Маргилана крепостцу, бросали вовнутрь подожженные снопы пшеницы (с. 248). Все эти факты не являются неожиданными, так как Фергана была областью с традиционно развитым земледелием, где выращивались злаковые культуры. Упоминания о садах в Коканде и его окрестностях, приведенная выше оценка Ферганы Нийаз-Мухаммадом говорят о том, что оседлые районы представляли собой полосу культурных оазисов.

Снаряжение Алим-ханом ок. 1810 г. каравана из 300—400 отборных верблюдов с товарами для России, факты чеканки монет кокандскими правителями в XVIII—XIX вв., раздачи ханами своим приближенным серебряных и полновесных («ашрафи»—«благородный») золотых монет, существование денежных налогов (например, «улав-пули» и «тила-пули» в 30—50-х гг. XIX в.), а также то, что в 1870 г. рынок торговли ситцем в Коканде насчитывал не менее 240 лавок (столько сгорело при пожаре) (с. 34, 65, 76, 113, 201—202, 316)[13], указывают на значительное распространение товарно-денежных отношений и развитие ремесла в ханстве. О масштабах караванной торговли с Россией позволяют представить данные о том, что в 1852 г. оттуда в Ташкент прибыло три каравана по 4—5 тыс. верблюдов в каждом (всего около 15 тыс. верблюдов с товарами, принадлежащими кокандским, самаркандским и бухарским купцам)[14]. Отмечается, что наиболее удобный сезон для отправки каравана в Россию — зима (с. 76).

О кочевом хозяйстве сведений содержится меньше. Ферганские кочевники занимались коневодством, так как из их среды постоянно пополнялись конные войска. Кипчаки, жившие в междуречье Карадарьи и Нарына, в 50-х гг. XIX в. вели, возможно, полукочевое хозяйство, потому что урочище Мангур-кул, или Билкиллама, было их постоянным «приютом» (ма'ва) (с. 193)[15]. В Ташкентском районе в начале XIX в. в хозяйстве номадов были лошади, овцы, верблюды и крупный рогатый скот (именно эти виды животных были захвачены во время грабежей) (с. 69). Некоторые роды курамы к 40-м гг. XIX в. вели также полуоседлый или уже оседлый образ жизни. Об этом говорит факт наличия у рода тама укрепленного поселения Бука (с. 146—148).

На основе отдельных данных и фактов политической истории можно выявить главные этапы экономического развития КХ. Основавшего Коканд в 1153/1740 г. Абд ал-Карим-хана автор называет «причиной благоустройства страны». При Ирдана-хане благосостояние Ферганы возросло и достигло еще большего расцвета в годы правления Нарбута-хана, при котором царили изобилие и дешевизна (с. 29, 31, 34). Это стало причиной стечения в Фергану поселенцев (с. 35). При Алим-хане

[13] См. также: РТШ, л. 27б—28а; ТШ, № 1787, л. 87б; ТШ, С 467, л. 64а; ТШТ, л. 127б—128а.

[14] ТШТ, л. 212б.

[15] См. также: ТШТ, л. 229б.

(1798—1810 гг.), судя по замечанию автора о том, что до него процветания государства еще не было достигнуто (с. 141), экономика Ферганы поднялась на более высокий уровень, чему способствовало территориальное расширение КХ. До 1842 г. были все условия для благоприятного развития хозяйства, так как в это время ханство не подвергалось нападениям извне при постоянном расширении его территории. Вследствие того, что длительное время не было необходимости в защите Ферганы от подобных нападений, в 1842 г. к моменту вторжения войск бухарского эмира Коканд не имел никаких укреплений (с. 134). В дальнейшем нашествия войск эмира и междоусобные войны в 40—60-х гг. XIX в. нанесли большой урон производительным силам ханства, хотя и в эти годы предпринимались шаги по укреплению экономики Ферганы. Так, ок. 1851 г., примерно за год до падения власти кипчаков Мусулманкул вывел из Сырдарьи канал Чини-абад и основал у места, где был конец канала, кишлак Бахр-абад[16].

Междоусобицы препятствовали нормальной торговле. Так, в 1852 г. упомянутый караван с 15 тыс. верблюдами, прибывший в район военных действий между Мусулманкулом и его противниками под Ташкентом, был полностью разграблен, а некоторые купцы погибли, защищая имущество[17]. После третьего воцарения Худайар-хана (1865 г.) наступило временное затишье в междоусобной борьбе и наметился подъем экономики. В 1867 г. в Коканде были построены торговые ряды, в 1285/1868 г.— канал в районе Асака, а в 1286/1869 г. начато и в 1287/1870 г. закончено строительство канала Улуг-нахр, отведенного из Сырдарьи (с. 280—281, 302—304, 312—314)[18]. События 1874—1876 гг. прервали эти мероприятия, а дальнейшее развитие экономики связано с деятельностью русской администрации, что не рассматривается в нашем источнике.

Итак, в течение XVIII в.— первой половины XIX в. (до 1842 г.) наблюдался в КХ некоторый экономический рост. 1842—1876 годы вследствие внутриполитических потрясений отличались в целом хозяйственной застойностью.

Теперь обратимся к социальной структуре этого региона.

В начале XVIII в. власть в ряде районов Ферганы осуществляли ходжи, у которых были вооруженные слуги и воины (с. 18—19). Т. е. до возникновения КХ в Фергане в примитивном виде существовала государственность в форме теократии. Переворот, совершенный узбекской верхушкой, и воцарение ее ставленника Шахрух-хана в 1121/1709 г. (с. 18—19) означали смену теократии светской властью и обновление высшего состава господствующего класса. Духовенство продолжало сохранять огромное влияние на различные слои населения, держало в духовном порабощении народные массы, в чем была объективно заин-

---

[16] РТШ, л. 77—78а. Дата проведения канала — 1271/1854 г. — дана, вероятно, неточно.

[17] ТШТ, л. 214б.

[18] В ТШП вместо عسكه (Асака) неправильно напечатано عكه. Правильное написание устанавливается по оригиналу (ТШ, ПНС 174, л. 245а).

тересована центральная власть. Поэтому она стремилась использовать духовенство в качестве идеологического орудия своего господства. И в частности, символизировал святость светской власти обряд вознесения нового хана на белом войлоке духовными лицами, практиковавшийся как в XVIII, так и в XIX в. (с. 21, 86, 236).

Первым мероприятием узбекской знати было строительство в начале XVIII в. крепости — резиденции правителя для упрочения власти (с. 19—21). Войско, называвшееся до начала XIX в. *кара-казан* и *кара-чайан* (букв. 'черный скорпион')[19], представляло собой, вероятно, ополчение, иногда большое по масштабам Ферганы XVIII в. (например, до 20—30 тыс. при Абд ар-Рахим-хане) (с. 25).

Налоговая политика центральной власти в период улучшения экономического состояния Ферганы в XVIII в. отличалась гибкостью. Ирдана-хан строго наказывал чиновникам взимать налоги умеренно и «по взаимному согласию» (с. 31). Заинтересованное в развитии торговли (от которой в казну, очевидно, шел немалый доход) государство поощряло ее чеканкой монет. Нарбута-хан ввел в обращение *черный фулус* (*фулус-и сийах*) или *кара-пул*, за который якобы давал овцу[20]. Это, несомненно, способствовало экономическому подъему Ферганы. В покоренных областях налоговое бремя на первых порах смягчалось — отменялись непредусмотренные шариатом налоги (бид'ат)[21]. Этим правители Коканда стремились, во-первых, привлечь на свою сторону местное население, во-вторых, поставить благополучие местных феодалов в зависимость от центральной власти, лишив их права самочинно взимать «незаконные» налоги. Случалось, что хан вынужден был освобождать разоренные его войсками районы от всяких налогов. Так, овладев Курамой, Алим-хан направил ее ограбленным жителям письмо, освобождающее их от налогов («рук'а-йи тархани»)[22]. Подобный факт приводится в кокандском сочинении «Гарайиб-и сипах», согласно которому Алим-хан, завоевав Ходжент, освободил его население от налогов на семь лет, так как оно сильно пострадало в ходе семилетней войны за свою независимость[23].

Верховным правителем КХ считался хан. Данным титулом в ТШ наделялись и правители, правившие до Алим-хана и фактически не носившие его. Ханом мог быть только потомок по агнатической линии основателя династии Коканда Шахруха. Данные по политической истории показывают, что личная власть правителя была во многом номинальной, символичной. В XIX в. она, максимально усилившись при Алим-хане, была постепенно сведена на нет, особенно в период регенства Алимкула (1863—1865 гг.). Вместе с тем при Худайар-хане в 1852—1858, 1862—1863 гг. и с 1865 г. предпринимались попытки поднять ее престиж, о чем свидетельствует факт написания ТШ. Ханская власть, будучи слабой, никогда не была прочной. За 156 лет — с 1121/1709 г.

[19] ТШ, С 468, л. 56а.
[20] ТШ, С 468, л. 46б; ТШП. С. 34.
[21] ТШ, С 468, л. 31б, 36б.
[22] Там же, л. 88а.
[23] ГС, л. 4б.

по 1282/1865 г.— в Фергане сменилось 18 правителей, один из которых Худайар-хан занимал трон трижды.

Факты, относящиеся к XIX в., свидетельствуют о довольно сложной системе государственного аппарата с многоступенчатой иерархией чинов, титулов, должностей военных и административно-придворных (приложение 4). Функции и статус некоторых из них с течением времени менялись.

К военным относились такие должности и звания, как *амир-и лашкар* (главнокомандующий), *мингбаши* (тысяцкий), *батурбаши* (войсковой начальник), *найиб столицы, пансадбаши* или *пансад* (пятисотник), *йузбаши* (сотник), *тугбеги* (знаменосец-прапорщик, хорунжий), *дахбаши* (десятник). Нижними чинами считались *батур/бахадур, мирган, махрам, джаван, сарбаз, тупчи.* Ряд административных и придворных чинов и должностей составляли *кушбеги, мирзабаши, аталык, диванбеги, кази-калан, кази-ра'ис, парваначи, хазиначи, 'инак, дастурханчи, шарбатдар, саркар, курбаши, накиб, шигаул, рисалачи, караулбеги, ишикакабаши, худайчи, мирахур, йасаул, бакаул, мирза, мунши, сурначи, чапкунчи, шатир, агалык, арбаб, амин, аксакал.* Из духовных званий в ТШ названы следующие: *шайх ал-ислам, ходжа-йи калан, халифа, а'лам, шайх, ахунд, судур;* из титулов — *вални'ми* (от «вали-йи ни'мат» 'благодетель'), *амир, мир, бекларбеги, шах, дадхах, бек.* По упомянутым в ТШ чинам, званиям и титулам выявляется большое сходство их с титулатурой Бухарского эмирата. Но одинаковые звания в Коканде и Бухаре не всегда говорили о совпадении их значений и мест в соответствующей иерархической лестнице. Поэтому содержащий бухарский «табель о рангах» «Маджма' ал-аркам»[24] требует осторожного подхода при работе над кокандским терминологическим материалом.

Должность амир-и лашкара в КХ существовала во время крупных военных предприятий. В этой должности числились мингбаши, или аталык, или ханский сын; и последний иногда номинально (как, например, в 1842 г. малолетний Малла-хан). Только в период своего регентства Алимкул занимал ее постоянно. *Мингбаши* был высшим военным чином. В отдельные периоды человек, получивший его (например, Мусулманкул), мог захватить и верховную власть. Мингбаши пребывал в столице и стоял на ступень выше кушбеги и парваначи, так как последних производили в этот чин. На батурбаши возлагалось командование войсками вилайета (с. 154). Он ведал также делами йурта, т. е. кочевников в своем вилайете[25]. Найиб столицы отвечал за артиллерию (с. 270). Пансадбаши, или пансад, мог командовать частью, превышающей 500 чел. Например, в 1860 г. семь пансадбаши возглавляли 7 тугов и 7 тыс. гала-бахадуров столицы (с. 216)[26], т. е. пансад-

[24] Мирза Бади'-дивани. Маджма ал-аркам (Предписания фиска): (Приемы документации в Бухаре XVIII в.): Факсимиле рукописи /Введение, перевод, примечания и приложения А. Б. Вильдановой. М., 1981. С. 92—100.

[25] РТШ, л. 61б.

[26] См. также: ТШТ, л. 250б.

баши имел власть над 1 тыс. человек. Тугбеги командовал, очевидно, 50 воинами, потому что столько пеших стрелков и один конный тугбеги были поставлены у кокандского знамени в битве при Гурумсарае (ок. 1803 г.) (с. 60—61). Термин *дахбаши* упоминается среди кокандского войска при осаде Алим-ханом Джизака (начало XIX в.) (с. 51).

Его мероприятия положили начало существованию постоянного войска, расквартированного частью в столице. При Алим-хане это были гала-бахадуры и более 5 тыс. горцев, объединенных этнонимом *таджик* (с. 42—44). В состав войска входили рабы или «бек-бача»[27]. Встречается применительно к военным и термин *мир-бача* (с. 48, 50). Велся письменный учет войска, причем сыновья погибших воинов (джаван) заступали на места своих отцов и назывались в 40-х гг. XIX в. *ата-углийан* (с. 42, 50, 161, 168). Войско состояло из пехоты, конницы и артиллерии и обеспечивалось за казенный счет (с. 44). Войсковыми единицами были *туг* (около 1000 чел.) и *байрак* (ок. 100 чел.)[28]. Кокандское знамя было белого цвета (*ак-йалав*), символизировавшего, видимо, ханскую власть (ср. обряд вознесения хана на белом войлоке) (с. 21, 61, 236). Пехота состояла из стрелков (мирган) из ружей (с. 60—62). Конница была вооружена пиками и саблями, а артиллерия — пушками (туп) и фальконетами (джазайир) (с. 61, 192—193). *Джаван* и *бахадур/батур* обозначал конного воина, *тупчи* — артиллериста (с. 83, 192, 207—208), а *сарбаз,* вероятно,— пехотинца. В 30-х — 40-х гг. XIX в. личную охрану хана составляли *кырк батур, кырк мирган,* т. е. сорок конных и сорок стрелков-пехотинцев и махрамы; последние были потомственными воинами (ата-углийан) (с. 117, 132—133, 168)[29].

Наряду с постоянным войском, продолжало существовать иррегулярное. В экстренных случаях (например, в 1862 г. в Коканде) формировалось городское ополчение *кара-калтак* (букв. 'черная палица') (с. 246, 255). При проведении походов из кочевого и оседлого населения порабощенных областей принудительно набирались *кыл-куйрук* (букв. 'лошадиный хвост') и *аламан,* используемые на вспомогательных работах (с. 50—51, 66, 71). Так, *кыл-куйрук* из населения восточной части Ферганы набрали кипчаки, когда они поднялись против центральной власти в 1844 г. (с. 156). Целью военных походов в основном была нажива. О бедах (помимо грабежей и насилия), причиняемых мирному земледельческому населению этими походами, свидетельствует такой факт: во время осады Алим-ханом Джизака понадобился лес для осадных сооружений — для этого были вырублены плодоносящие и другие деревья окрестных садов (с. 51). Для грабежей отряжались части *чапаул* и *ираул;* добыча, как правило, делилась между всем конным войском (с. 63, 69—70, 89; ТШ, С 468, л. 102б). Роль военщины в политической жизни ханства была огромной, а в 40—60-х гг. XIX в., в пе-

---

[27] РТШ, л. 19а.

[28] ТШТ, л. 250б; ТШП. С. 87.

[29] *Кырк батур* и *кырк мирган* обнаруживают параллель с *кырк кызлар* в гареме кокандского хана. О кырк кызлар подробно повествует А. Кадыри (см.: *Қодирий А.* Мехробдан чаён. Тошкент, 1959. С. 116—121).

риод междоусобиц — решающей. Крупные военачальники часто стояли во главе подобных группировок.

Ханство делилось на вилайеты, которыми управляли хакимы или вали. Первым человеком в столице был михтар (начало 20-х гг. XIX в.), который ведал также финансами (мог ввести новый налог) и караванной торговлей (с. 76, 106, 113). Пользовавшийся доверием Умар-хана Базаркул михтар командовал, кроме того, тугом афганов, таглыков и Пангази (с. 106). Вилайетом могли управлять аталык, кушбеги, диванбеги, парваначи, хазиначи и дадхах. При этом звание *кушбеги* было выше звания *диванбеги,* так как приводится факт пожалования Умар-ханом Раджабу диванбеги и Лашкару диванбеги звания *кушбеги* за их заслуги[30].

Встречаются следующие названия вилайетов КХ: Андижан, Куба́, Маргилан (Йар-Мазар), Уч-курган, Ходжент, Чимион, Ура-Тюбе, Курама, Ташкент и Дашт-и Кипчак (приложение 5). Крупнейшим был вилайет Ташкент и Дашт-и Кипчак. Хаким Ташкента в 1810—1830 гг. Лашкар обладал титулом *бекларбеги.* В 1852 г. (накануне свержения власти кипчаков) вторым человеком в Ташкенте после кушбеги был мирзабаши[31]. Крупные населенные пункты — Туркестан, Чуст и Шахрихан (см. прилож. 5) — также управлялись хакимами, как правило, в звании *'инак* или *парваначи,* либо с титулом *дадхах.* Эти хакимы стояли ниже хакимов вилайетов. Значит, *парваначи* и *'инак* следовали по старшинству за *мингбаши, аталыком, михтаром, кушбеги, диванбеги* и *хазиначи.* Все перечисленные звания, а также *кази-калан* и *казира'ис* носила высшая администрация КХ.

Отдельные факты раскрывают иерархию среднего административного звена. Так, известно, что на Абд ар-Рахмана шарбатдара и Дамулла Ер-Назара ахунда возложили посольство к турецкому султану (1831—1833 гг.) (с. 116—117). Камбар шарбатдар был пансадбаши в 1852 г. (с. 187)[32]. Мухаммад-Нур-ходжа получил ок. 1810 г. от Умар-хана звание *худайчи,* золотой посох и командование сотней отборных воинов с байдаком (значком) (с. 87)[33]. В 1842 г. Мухаммад-Нийаз худайчи был направлен от кокандского войска в кураминскую крепость Бука с требованием капитуляции (с. 146), т. е. ему тоже поручили ответственное дело, но менее важное, чем миссия в Стамбул. Отсюда вытекает, что *шарбатдар* был выше *худайчи.* Установить по ТШ функции и иерархию других званий не представляется возможным без широкого привлечения других источников. Но можно отметить, что *дастурханчи, ишикакабаши, курбаши, караулбеги, мирахур, накиб, шигаул* и *рисалачи* приравнивались к средним званиям, потому что они перечисляются в ТШ наряду с лицами в ранге *пансадбаши* и *шарбатдара,* или упоминаются отдельно (с. 169, 171, 173, 182, 187, 320)[34], что указывает на их заметное социальное положение. К низшим придвор-

[30] ТШ, С 468, л. 127б.
[31] ТШТ, л. 216а—б.
[32] См. также: ТШТ, л. 215а.
[33] См. также: ТШТ, л. 97б.
[34] См. также: ТШ, С 468. л. 140а; РТШ, л. 57а, 78б; ТШТ, л. 194а, 228б.

ным званиям относились *йасаул, бакаул, мирза, мунши, сурначи, чапкунчи* и *шатир* (стремяной, звоном колокольчика предупреждавший о движении ханского кортежа) (с. 94).

Административным лицом в сельской местности был аксакал. В Кураме и Ташкентском районе он выступал главой деревни или городка (с. 66, 92, 154). То же самое, по-видимому, было и в Фергане. Городские и квартальные старшины тоже назывались аксакалами (с. 71, 110, 188). Среди городской верхушки были также агалыки, арбабы и амины (с. 71, 248)[35].

В разряд высших входили следующие духовные звания: *шайх ал-ислам, ходжа-йи калан* и, вероятно, *халифа* ордена накшбандиййа в Коканде. По ТШ можно установить иерархию двух средних званий — *ахунда* и *судура.* Выше отмечалось, что *ахунд* наряду с *шарбатдаром* был членом посольства в Стамбул, т. е. соотносился со званием *шарбатдара* и, соответственно,— *пансадбаши.* Звание *судур* упоминается наряду с *йузбаши* (с. 167), а в двух списках ТШ отмечается, что Мухаммад-Салих судур был йузбаши отряда махрамов[36]. Таким образом, согласно данной градации, *судур,* по-видимому, стоит ниже *ахунда.* В одном месте автор ТШ присоединяет к своему имени звание *ахунд* (с. 123). Вероятно, на склоне лет он удостоился этого звания.

В XIX в. духовенство продолжало играть важную роль в государстве. Поход Алим-хана на Кураму был предпринят с его благословения (с. 64—65). Его духовный наставник Шайх-Насир проводил в ханском дворце с участием самого хана мистические радения (зикр) с громкими песнопениями (джахриййа), во время которых были равны «шах и нищий», таким путем в сознание масс внедрялась иллюзорная идея равенства всех мусульман. Некоторые шейхи и «рассказчики» (нукала) убеждали, что молитвы участников зикра, на котором присутствует экзальтированный падишах, будут приняты Аллахом (с. 57). Таким образом, суфизм был сильным средством идеологического воздействия господствующего класса на угнетенных.

Влияние духовных лиц на государственные дела было колоссальным при Умар-хане (с. 107—110). В 40—60-х гг. XIX в. в периоды политической нестабильности авторитет официального духовенства снизился, о чем говорит следующее признание автора при передаче событий 1860—1861 гг.: «Люди перестали соблюдать шариат, у шаха иссякли справедливость и правосудие. Улемы, не поступая согласно знанию (‘илм), не успокоились, не обратившись [за советом] к эмирам, не стали наставлять шаха на [истинный] путь фетвы; что бы ни сказал шах, [они] повторяли за ним. Улемы отдали распоряжение на совершение ереси (бид‘ат) и сделали то, чего не совершали халифы» (с. 227).

Титул *амир* прилагается к Алим-хану (вместе с лакабом *Сахибкиран*) и к эмиру Бухары (с. 41—42, 44—50 и др.); *вални‘ми* — к независимому правителю Шахрисябза в первой половине XVIII в.[37]; *мир,*—

[35] См. также: РТШ, л. 80б.

[36] ТШ, С 469, л. 91б; ТЩ, № 942, л. 98а.

[37] ТШ, С 468, л. 36а (в ТШП. С. 25 — опечатка — والنيعجى).

главным образом, к ханским родственникам Хаджи-беку и Му'мин-беку и к независимым правителям Ура-Тюбе (с. 35—36, 69, 99); *шах* — к правителям Кухистана и некоторым горным таджикам (Кана'ат, Кудрат, Зинат) (с. 75, 87)[38]. Титул *дадхах* (букв. 'радеющий о правосудии') носили различные чины от йузбаши до правителя вилайета (см. прилож. 4).

Есть сведения о налоговой политике в КХ в XIX в. При Алим-хане взимались как «законные» (предусмотренные шариатом), так и «незаконные» (бид'ат) налоги. Умар-хан отменил бид'ат, оставив харадж, закат, танаб и тарка (с. 86—87). Во время своей поездки в Ташкентский вилайет, он освободил от налогов верхушку, включая аксакалов селений (с. 92). Можно предположить, что такая политика проводилась и в других вилайетах, т. е. господствующий класс обладал налоговым иммунитетом. При Мухаммад-Али-хане в 20-х гг. XIX в. был введен налог (бид'ат) *улав-пули* и *тила-пули,* взимавшийся при организации каждого похода и позже как «противоречащий шариату» отмененный Малла-ханом (1858—1862 гг.) (с. 113)[39]. Периоды пребывания у власти ферганских кочевников (40—60-е гг. XIX в.) отличались особо жестоким налоговым гнетом. Так, кипчакские главы после захвата власти «трясли рукою гнета ворот ра'иййатов» (т. е. податного населения) и довели положение налогоплательщиков и подданных до крайности (с. 184—185). С казахов кипчаки взимали закат и ряд налогов, объединенных термином *алугат-у-салугат* (с. 186). В 1864 г. с казахов собирали харадж и закат[40].

Государство осуществляло функцию общественных работ. Так, в 1842 г. оседлые жители Ферганы были привлечены к срочному возведению укреплений вокруг столицы. Они трудились под надзором аксакалов, между которыми распределялись участки работ (с. 139). По инициативе верховной власти проводилось строительство каналов, медресе и других построек, разбивка садов.

Хотя в ТШ нет прямых фактов о существовании в КХ крепостной зависимости, имеется указание на нечто, похожее на нее: захват массы пленных и поселение их в Фергане во время набега Йусуфа мингбаши в сторону Самарканда (ок. 1812 г.) (с. 88—89). Есть данные и о рабстве в Фергане, причем рабами были неферганцы — главным образом, выходцы из Кухистана (с. 44, 87)[41].

В описываемом источнике нет сведений о частном феодальном землевладении в КХ, следовательно, преобладающей формой феодального землевладения была, вероятно, государственная.

Остановимся теперь на вопросе о составе господствующего класса. В него входили ханский двор, служилое войско, чиновничество, среднее и высшее духовенство, городская и сельская верхушка. Высшие и часть средних слоев господствующего класса составляли знать, принадлеж-

[38] См. также: ТШ, С 468, л. 115а; РТШ, л. 44б.
[39] См. также: ТШ, № 1787, л. 87б; ТШТ. л. 127б—128а.
[40] ТШ, С 469, л. 143а.
[41] См. также: ТШТ, л. 97а.

ность к которой не была юридически оформлена, а ее нижняя социальная граница была расплывчатой. В XVIII в. господствующим классом выступала узбекская знать (в первую очередь, из рода минг) и знать сартов Ферганы. Но уже в конце XVIII в. в его состав входили и выходцы из Кухистана, например Раджаб кушбеги (с. 41)[42]. В XIX в. состав правящих кругов расширился за счет верхушки покоренных областей и пришельцев из горного Таджикистана и сопредельных областей Среднего Востока и Восточного Туркестана.

Таким образом, господствующий класс ханства был открытой социальной категорией, т. е. доступ в него не регламентировался какими-либо правовыми установлениями. Представители неродовитой (если родовитой считать родоплеменную и коренную оседлую знать Ферганы) прослойки правящего класса занимали в XIX в. высокие посты (Раджаб кушбеги, Базаркул гулам, Йусуф Кашгари, Хаккули йуз). Отсюда можно заключить, что в социальном плане в ханстве существовала вертикальная мобильность: индивид мог быть поднятым с любой общественной ступени на самый высокий государственный пост. Так, Базаркул михтар, Зухур диванбеги были из рабов (гулам), Йа'куб-бек дослужился на кокандской службе от махрама Мухаммад-Али-хана до хакима Ходжента в 1862 г. (с. 106)[43], а впоследствии, как известно, стал независимым правителем Восточного Туркестана.

Одним из основных признаков принадлежности к классу феодалов была чиновность. По источнику, у каждого представителя данного класса, как правило, имелся определенный чин и соответствующая должность. Знатное происхождение как условие превращения класса феодалов в замкнутое сословие имело второстепенное значение[44], несмотря на то, что, согласно автору, оно должно быть неотъемлемым качеством представителей господствующего класса[45].

Эксплуатируемый класс составляла подавляющая часть податного населения КХ (ри'айа, фукара). К нему относились крестьяне (рустаийан) и ремесленники (ахл-и хираф), обязанные платить налоги (с. 162—163, 171, 184—185). Среди последних были «малые и большие» (с. 185), т. е. имела место социально-имущественная дифференциация. Высший слой налогоплательщиков, в первую очередь, торгово-ремесленную верхушку, следует отнести к господствующему классу. На трудящихся помимо налогового бремени и поборов в форме различных подношений властям[46] ложилась также обязанность выполнять общест-

[42] См. также: ТШ. С 468, л. 118а.

[43] См. также: РТШ, л. 30а, 80а.

[44] По замечанию византиниста А. П. Каждана, «знатность, зиждущаяся на благородстве происхождения и наследственной собственности, имеет тенденцию к замыканию, к стабилизации, к образованию устойчивой кастово-сословной структуры» (*Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 254). Такой принцип знатности был характерен для средневековой Западной Европы.

[45] Это видно из сетований Нийаз-Мухаммада на то, что в конце 50-х — первой половине 60-х гг. ко двору Коканда был допущен «всякий сброд» (имеются в виду кочевники) (ТШП. С. 212—215, 267).

[46] Когда власть в Коканде захватил в 1844 г. Мурад-хан, жителям всех кварталов столицы было приказано явиться к нему с «необходимыми» подарками и подношениями (ТШП. С. 171).

венные работы и, вероятно, нести воинскую повинность во время крупных военных предприятий. Все это усугубляло и без того тяжелое положение их. Самые жестокие испытания народные массы вынесли в 40—60-х гг. XIX в. в период смут. Тогда произвол властей, грабежи и бесчинства были обычным явлением. Нийаз-Мухаммад пишет, что обладавшие верховной властью кипчакские главы, «почтя беззаконие и беспорядок за правило и порядок, сделали это законом, а для себя — нормой. Они ввели правила, не свойственные защитникам султаната, а обычаи предшествующих государей выбросили от взглядов своих косых себялюбивых глаз и устранили, а сами стали творить жестокие дела...» (с. 185).

Единичные факты в какой-то мере освещают уровень классового сознания масс и характер классовой борьбы того периода. В этой связи интересен случай неудачного покушения на жизнь Алим-хана некоего «вора», под видом юродивого пробравшегося на суфийское радение, где был хан (с. 57—58). Алим-хан имел врагов в лице старой узбекской знати (позднее свергнувшей его). И он ввел новые налоги, что не могло не вызвать народного недовольства. Если покушение и было проявлением классового недовольства (согласно существующей в литературе точке зрения)[47], то, по существу, оно носило суфийскую окраску и было в интересах враждебной хану группировки внутри господствующего класса. Скрытой формой классового протеста можно считать отказ столичных горожан явиться с подношениями к Мурад-хану.

Наибольший интерес представляют сведения о характере участия народных масс в политической борьбе в Фергане в 40—60-х гг. XIX в. Как мы уже говорили, подняв мятеж в 1844 г. против центральной власти, кипчаки создали в междуречье между Карадарьей и Нарыном кыл-куйрук, прибыли в Тора-курган и стали собирать войско из сартов и кочевников. Кокандское войско из-за измены некоторых предводителей не оказало кипчакам сопротивления. Находившийся в нем Нийаз-Мухаммад ночью тайком бежал, направляясь в Коканд, но его схватили в местности Гадай-тапмас (Северная Фергана) окрестные жители, которым кипчаки приказали задержать, обезоружить и выдать им всех сартов или таджиков, намеревавшихся перейти Сырдарью. Тогда Нийаз-Мухаммад, прибегнув к хитрости, сказал, что между двумя войсками царит единогласие, и, если хан узнает о плохом обращении или даже убийстве его, одного из потомственных воинов (ата-углийан) ханского двора, то им не поздоровится. Угрозы подействовали, и будущий автор ТШ был отпущен с извинениями. Один старец от имени жителей оправдывался тем, что деревням, лежащим вдоль одного из берегов Сырдарьи, были разосланы грозные послания, запрещавшие переправу через реку и приказывавшие хватать всякого, кто попытается это сделать (с. 156—163).

Таким образом, участие народных масс в разыгравшихся событиях совершалось в принудительном порядке. Приход к власти кипчаков

[47] *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966. С. 57—58.

для трудящихся означал ужесточение гнета. Поэтому участие сельских жителей районов Андижана, Шахрихана и Междуречья в военных действиях на стороне киргизов против кокандских войск в 1862—1863 гг., по-видимому, не было добровольным, ибо деятельной силой выступали кочевники и их предводители (с. 249—264).

Народные массы поддерживали «своих» оседлых феодалов в борьбе против последних. Когда Худайар-хан в 1862 г. со своими сторонниками был окружен кипчаками в районе Маргилана, население Коканда, собравшись в соборной мечети, создало кара-калтак и силой заставило Хазрат-и ишан Сахиба, влиятельного в то время суфия, возглавить поход на выручку хану. В походе участвовали пешие и конные — вероятно, бедные и зажиточные горожане. Находившийся в Маргилане знатный военачальник Мулла Султан уговорил прибывших ополченцев вместо Хазрат-и ишан Сахиба сделать начальником себя. В пути на ополчение напали кипчаки. Конные кокандцы с двумя-тремя пушками, бросив на произвол судьбы пеших, пробились к хану. Пехота была полностью разгромлена кипчаками (с. 245—248). Итак, данное активное выступление городских масс носило в известном смысле освободительный характер, но в силу низкого уровня классового сознания приняло проханскую и суфийскую окраску.

Вопрос о роли кочевого общества в социально-экономической истории ханства необходимо разобрать отдельно. Это объясняется различием между кочевым хозяйством и оседло-земледельческим и соответственным этносоциальным отличием кочевого общества от оседлого, что отразилось в ТШ, где кочевники, как было уже сказано, представлены как чужеродный элемент.

В социальном отношении общество кочевников не было однородным. У кипчаков и киргизов имелись предводители (ру'аса, саркардаха, сарамад) (с. 184, 186, 249). В критических случаях племя могло пожертвовать вождем и его сторонниками, возложив на них вину и ответственность за неудачи. Так поступили кипчаки с Мусулманкулом в 1852 г. после их разгрома, выдав его вместе с его сподвижниками Худайар-хану (с. 195—196). Главой кочевников вилайета Ура-Тюбе в начале XIX в. был аталык (с. 105), главами казахов, каракалпаков и кочевников Курамы — бии (с. 66, 75, 154, 232—233). Умар-хан освободил биев от уплаты налогов (с. 92). Бии утверждались кокандской властью (с. 75). Следовательно, Коканд опирался в степной политике в отличие от царской администрации Оренбурга и Омска не на султанов-чингизидов[48], а на предводителей родов биев. У кочевников были знатные лица (бек, акабир, а'йан, каланан) и их окружение (таби'), включая многочисленных сородичей (с. 181—185). Например, окружение Нар-Мухаммада кушбеги кипчака составляло около 500 чел.— дети, родственники, «ученики» (шагирдпиша)[49]. Наконец, выделяется основная масса соплеменников (гурух, джама'а, каум, илатийа) (с. 156,

[48] История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Алма-Ата, 1979. Т. III. С. 111—114, 156, 165.

[49] ТШТ, л. 221а.

181—182, 185—186). О классовом антагонизме в среде кочевников сведений в источнике не содержится[50].

Взаимодействие кочевого общества с оседло-земледельческим проявляется в участии номадов в политической жизни страны с целью захвата власти. Некоторые факты конкретизируют экономические мотивы политической активности кочевников. Одержав победу в решающей битве у ворот Коканда (1844 г.), кипчаки, грабя, раздели всю толпу бежавших в панике горожан (с. 168—169). Во время мятежа ферганских кочевников в 1858 г. оседлая верхушка вилайетов Ферганы предложила доставлять им необходимое продовольствие (в том числе — зерно) и фураж за счет оседлых жителей. Предложение кочевниками было принято (с. 205—207).

В ходе борьбы за власть кочевники временно объединялись, становясь грозной силой. В 1858 г. возник союз всех кочевников Ферганы, в котором главная роль принадлежала киргизам и кипчакам (с. 204—205, 209). Это свидетельствует об иерархической структуре кочевых этносов Ферганы. Во главе такого объединения становился верховный военачальник (в 1844 г. им был Мусулманкул) (с. 155—157). О том, что происходило при захвате кочевниками власти, повествует следующий отрывок о предводителях кипчаков: «Ради владычества они грубо наложили руку притеснения на дела султанские и властвование хаканское и присвоили себе власть. И каждый из тех эгоистов и [из той] компании безумцев, [действуя сообразно] суждению, [свойственному] их неотесанной [натуре] и воле, [проистекающей из их] неуместной грубости, каждый из них приписывал себе должность аталыка, минг-баши, парваначи и дастурханчи и другие должности — также каждому из своих... Посчитав себе дозволенной кровь улемов, шейхов и эмиров, убили улемов — толкователей Корана; шейхов, познавших истину; великих саййидов и благородных эмиров...» (с. 184).

Таким образом, лишив верховной власти хана, знать кочевников разбирала чины и должности, иерархия которых становилась своего рода проекцей иерархического положения родоплеменных групп, представляемых ею. Значительная часть оседлых феодалов при этом сметалась кочевниками. Не зная в достаточной мере механизма государственного управления, новая власть пользовалась еще более грубыми и жестокими методами администрирования, чем прежняя. Неумение кочевников управлять неоднократно подчеркивается автором ТШ (с. 212—215, 265). Степень эксплуатации оседлых производителей, приобретая хищнический характер, возрастала из-за резкого увеличения (особенно сразу же после установления новой власти) числа эксплуататоров за счет большой массы кочевников. Упрочив свое положение, верховный

[50] Согласно одной из точек зрения в советской исторической науке, у кочевников «при сильной имущественной и социальной дифференциации процесс классообразования не был завершен» и «по большей части отсутствовали феодальные производственные отношения» (*Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 304, 306. Об этом см. также: *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов //Становление классов и государства. М., 1976. С. 286—287).

правитель, окружал себя верными людьми, независимо от их этносоциальной принадлежности[51], противопоставляя себя основной массе соплеменников (с 181). Так, Алимкул, получив верховную власть, «постоянно противился советам своего народа (каум)» (с. 265). В этом заключалась одна из основных причин непрочности власти кочевников: ведь именно на военную силу соплеменников для удержания в повиновении оседлого населения приходилось опираться правителям подобным Алимкулу.

Межэтническая рознь и кочевой образ жизни также мешали кочевникам установить прочную власть. Это подтверждают следующие слова автора: «...Все эти разобщенные [степняки], объединившиеся поневоле, решили создать всеобщую смуту. В этой стране оседлое проживание этих жителей пустыни и сих диких оборотней невозможно, так как все они пришли с дальней дороги из широких степей и высоких гор и не считают для себя нужным вести мучительное существование «живым в могиле» (т. е. так им представляется скученная оседлая жизнь.—*Т. Б.*). В конце концов [они] разъединятся и рассеются» (с. 209).

Источник позволяет выделить две формы контроля кочевниками за оседлыми областями в истории КХ: установление ими прямой власти либо положения, при котором господство кочевников осуществлялось через посредство соглашательской политики верхушки оседлых районов (последняя форма была характерна и для Ташкентского района в периоды его политической самостоятельности, о чем речь пойдет ниже).

Итак, социально-экономический строй КХ, отраженный в ТШ, является конкретно-историческим подтверждением положения К. Маркса о существовании на Востоке трех ведомств (финансового, военного и общественных работ) и большой роли там центральной власти в экономике[52]. В КХ государство в эксплуатации трудящихся играло главную роль. Бóльшая часть прибавочного продукта присваивалась государством в форме централизованной ренты — налогов — и распределялась среди господствующего класса в виде жалования, подарков и т. п. В этом — основное отличие кокандского феодализма от западноевропейского, для которого было характерно распространение сеньориальных форм ренты. Важнейшим признаком принадлежности к эксплуататорскому классу в ханстве, как мы уже говорили, была сопричастность к государственной власти — чиновность. Так как последняя не определялась знатным происхождением, она придавала господствующему классу социально открытый характер. Но эти качества делали правящий класс КХ в силу пестрого этносоциального состава и низкого уровня организации «рыхлым» и «аморфным» и, создавая почву для внутриполитической нестабильности, слабым перед внешней силой, прежде всего,— кочевниками.

Как отмечал Ф. Энгельс, необходимость в искусственном орошении на Востоке делает несамостоятельным отдельного производителя,

[51] Так, ставленником Мусулманкула в Ташкенте был Азиз-бача Чусти (ТШП. С. 181).

[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 132.

порождает контроль над ним общины и государства[53]. Вследствие этого на Востоке сложилась система устойчивых, замкнутых самодовлеющих общин с присущими им религиозностью и поклонением единому объединяющему началу в лице восточного государства[54]. Данное обстоятельство объясняет отсутствие в КХ широкого распространения крепостничества, ибо в этой высшей форме феодальной зависимости не было необходимости в силу низкого уровня классового сознания и классовой борьбы дехкан и ремесленников[55].

Засилье кочевников как иноэтнического элемента, особенно в периоды их господства, также мешало углублению классовой борьбы внутри оседлого общества. Общество кочевников было особым социальным организмом, стоявшим на более низкой стадии развития, чем оседло-земледельческое общество КХ. Данный организм, в хозяйстве которого преобладало скотоводство, в силу жизненной необходимости в продуктах ремесла и земледелия вступал во взаимодействие с социальным организмом оседлых районов, что было главной причиной участия кочевников в политической жизни. Они стремились захватить власть в этих районах для получения продуктов земледелия и ремесла путем эксплуатации. Такое взаимодействие для оседло-земледельческого общества не являлось исторической необходимостью на пути прогресса и было тормозом в его развитии. Архаичный общественный строй в сочетании с отрицательным воздействием кочевого общества были причиной застойного состояния КХ вплоть до включения его в состав России.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Этнический состав населения КХ и сопредельных районов отличался, по ТШ, пестротой. К оседлым жителям Ферганы относились сарты[56], таджики и узбеки (с. 19, 156, 192—193, 209)[57], к кочевым и полукочевым — кипчаки, киргизы, тюрки, каракалпаки, чон-багыши и калмаки (с. 205). Из контекста явствует, что кипчаки расселялись в районе Шахрихана, Балыкчи и Междуречья Карадарьи и Нарына (с. 155—156, 190—197)[58], а киргизы кочевали главным образом в окружающих Фергану горах и горных котловинах (Кетмень-Тюбе, Алай) (с. 170—171, 182, 204, 216). В Ташкентском районе и Кураме оседлыми жителями были сарты, таджики и «анди», кочевыми и полукочевыми — казахи и курама, причем для обозначения понятий «все казахи» и «все анди» употреблялись соответственно выражения «алтын сан алаш» и

---

[53] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 221, 228.

[54] *Виткин М. А.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972. С. 58, 60, 64.

[55] По вопросу о крепостном праве в Средней Азии см.: *Набиев Р. Н.* Источники по истории крепостного права в Средней Азии //Археографический ежегодник. М., 1964. С. 87—105.

[56] Этноним «сарт» (сартиййа) имеет в ТШ и более широкое значение, обозначая все оседлое население Ферганы в противоположность кочевому (илатиййа) (с. 156).

[57] См. также: ТШ, С. 467, л. 113а.

[58] См. также: РТШ, л. 78а.

«торт сан анди» (с. 73, 92, 148, 151)[59]. В районе Чиназа кочевали каракалпаки (с. 233), в Южном Казахстане жили казахи и «анди» (с. 77). Оседлыми жителями Ура-Тюбинского владения были сарты и таджики, кочевыми — йузы и кырки (с. 48, 105). Близ Самарканда и Джизака кочевали хитай-кипчаки и каракалпаки (с. 99).

Кипчаки причисляли себя к одному из 92 племен узбеков, что указывает на этническую близость ферганских кипчаков и оседлых жителей, обозначаемых этнонимом *узбек* (у них общее даштикипчакское происхождение) (с. 261). К узбекам автор ТШ относит и племя минг (с. 41). При передаче событий 1858—1865 гг. несколько раз употребляется этноним *киргиз-кипчак* или *кипчак-киргиз* как синоним слов *кипчак* и *киргиз* (с. 205, 207, 209, 212, 214, 271—272). Употребление этого этнонима приходится на период военно-политического объединения двух данных этносов против центральной власти. Вероятно, объединение носило форму племенного союза. Из родоплеменных групп киргизов упоминаются мундуз, дуз и аваһат (с. 172, 229). Среди казахов, живших в районе Ташкента и Курамы, называется племя санчклы (каз. *шаныш̧ылы*) (с. 61, 149, 224), а среди кураминских родов — тама, владевший крепостью Бука (с. 147—148). Известно, что первое входило в состав Старшего, второй — в состав Младшего жуза[60]. Таким образом, этническое объединение *курама* имело в своем составе помимо узбекских и казахские группы из разных жузов. Из родоплеменных групп Бухарского эмирата упоминаются мангыт и митан (с. 47, 49, 55, 134—137, 147 и др.).

Точных сведений о численности этносов в ТШ нет. Указывается только, что население города Ура-Тюбе составляло в начале XIX в. 12 тыс. чел. (с. 49). На основании частотности упоминаний отдельных этносов в источнике и выявления их роли в политической истории можно выделить наиболее многочисленные из них. В Фергане таковыми являлись сарты, кипчаки и киргизы, в Ташкентском районе и Кураме — сарты, курама и казахи, и особенно — племя санчклы.

Есть данные об антропологическом типе населения КХ. Автор ТШ замечает, что у кочевников «косые глаза», всех кочевников он объединяет эпитетом «косоглазые» (кадж) (с. 185, 205, 209). Тем самым кипчаки, как и другие кочевники, по своему физическому типу отличались от европеоидного в основном оседлого населения Ферганы, к которому принадлежал Нийаз-Мухаммад. Это свидетельствует об относительно ярко выраженной монголоидности кочевников КХ.

ТШ двуязычно. В тексте памятника, изложенном на среднеазиатском фарси, имеется большое количество тюркских языковых элементов, как явных, так и скрытых (например, *фармудан* в значении «посылать»). В результате специального анализа нами выявлено более 250 лексических, синтаксических и семантических тюркизмов (включая старые монгольские заимствования в тюркских языках: например, *мирган* 'стрелок'). Эти факты свидетельствуют о распространении среди

[59] См. также: РТШ, л. 59б—60а.
[60] Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. С. 325.

оседлого населения Ферганы XIX в. тюркско-таджикского двуязычия.

Интересные данные содержатся в источнике об этнокультурных связях Ферганы с Джунгарией, восточнотуркестанским Семиградьем и Средним Востоком. В рассказе о Баба-беке сообщается, что он был взят калмаками в заложники после осады ими Коканда (1740-е гг.), жил среди них в местности Кайнар, под Кокандом, и ок. 1752—1753 гг. был даже их ставленником на кокандском троне (с. 30—31)[61]. По другим данным известно, что в 1740-х гг. Фергана подвергалась вторжениям джунгар[62]. Следовательно, часть джунгар с тех пор оставалась в Фергане , оказывая влияние на внутренние ее дела в середине XVIII в., а их потомков с этнонимом *калмак* можно было обнаружить в составе ферганских кочевников и в середине XIX в. (с. 205). Этимология имени кокандского правителя Ирданы (монгольское *эрдэнэ* 'драгоценный камень, сокровище, драгоценность' из санскритского *ratna*), жившего в середине XVIII в. (с. 32)[63], тоже может указывать на джунгарское влияние.

Об этнических контактах Ферганы с Восточным Туркестаном свидетельствует расселение в Кашгарии выходцев из Средней Азии под названием *андиджани* (с. 75), упоминание этнонима *таглык,* обозначавшего в Средней Азии выходцев из Кашгарии[64], переселение в Фергану нескольких тысяч кашгарцев с семьями после подавления движения Джахангир-ходжи (1827 г.), захват кокандцами в плен китайских и ойратских (калмак) воинов и доставка их в Фергану во время похода кокандских сил на Кашгар в 1830 г. (с. 116—118)[65]. На существование военнопленных маньчжуро-китайских поселенцев, возможно, указывает название *Чини-абад* — арык, вырытый в начале 50-х гг. XIX в. на востоке Ферганы (с. 184).

Основная часть известий ТШ о связях Ферганы с Памиром и Средним Востоком группируется вокруг связей КХ с Кухистаном. В начале XIX в. в сформированное Алим-ханом новое войско вошли 3700 каратегинцев и ваханцев (вахйачи) и 2200 дарвазцев, бадахшанцев, шугнанцев, рушанцев, читральцев (чатрари), гунтцев (гунди) и иранцев из свободных и рабов, проживавших в Фергане (с. 43—44). Приведенные цифры говорят о значительном числе переселенцев из Кухистана

---

[61] См. также: РТШ, л. 12а.

[62] *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1983. С. 64.

[63] См. также: РТШ, л. 13а.

[64] Ч. Ч. Валиханов писал: «Таглык — горец есть нарицательное название, распространяемое на всех малобухарцев для отличия от низовых туркестанцев (кокандцы кашгарских эмигрантов называют таглыкскими)» *(Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах //Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 179).В ТШ упоминаются отряд (туг) таглыков у Умар-хана в последние годы его правления, кокандский сановник Йусуф мингбаши таглык (он же — Кашгари), служивший при Умар-хане и Мухаммад-Али-хане, кокандские ворота Таглык, Таглыкская дорога (на восток от Коканда) и кокандский военачальник Йунус таглык, перешедший на сторону кипчаков в 1844 г. (ТШ, С. 468, л. 138а; ТШП. С. 106, 111, 113, 140—141, 160, 167—168).

[65] См. также: ТШ, С 468, л. 150а—б.

в Фергане XIX в. В ТШ поясняется также, каким образом они очутились в Фергане: одни вынуждены были уйти из родных мест из-за притеснений шахов, других последние прислали в подарок кокандскому хану (с. 87)[66].

Кухистанцы отличались от ферганцев одеждой и говорили на особом диалекте таджикского языка (приводится образчик их речи (с. 46)). Об их социально-имущественном положении можно судить по эпитетам «беспомощные» , «лишенные всего»; презрительным высказываниям местной кокандской знати, в которых они именуются «праздными маслобойщиками, неклейменными рабами, занятыми на грубой работе» (с. 43—45). По-видимому, выходцы из Кухистана в массе своей не владели в Фергане землей и поэтому были чернорабочими, занимались маслобойным и другими промыслами. Тем самым они включались в производственную жизнь и становились полезным трудовым элементом КХ. С течением времени многие из них натурализовались.

Интересна специфика употребления в ТШ этнонима *таджик*. Именно он прилагается к представителям воинских частей, сформированных Алим-ханом из горцев (с. 46—48, 50, 53, 60, 71—74, 77, 81—82). В двух списках ТШ слово *таджик* заменено словом *галча* 'горный таджик'[67]. Ниже этноним *таджик* прилагается, как правило, к воинским формированиям КХ (с. 87, 92, 146, 162, 185, 193, 218, 223—224). Следовательно, этот этноним обозначал в ТШ преимущественно горных таджиков и близких им народностей Кухистана, а также натурализовавшихся в КХ их потомков. К последним принадлежал, вероятно, и автор ТШ. Если это так, то написание ТШ свидетельствует об активном участии выходцев из Кухистана в культурной жизни Ферганы.

Упоминается в ТШ и этноним *афган*. В начале 20-х гг. XIX в. в Коканде был отряд (тӯб) афганов[68]. В 1864 г. кокандской артиллерией командовал знакомый с военным делом по европейскому образцу Джамадар афган (с. 270), или Джамадар Кабули[69]. Этим этнонимом в Средней Азии могли обозначаться не обязательно афганцы. Известна индоязычная группа «афғон», расселенная между Термезом и Душанбе[70]. По другим источникам, Джамадар афган был хиндустанцем[71], точнее — выходцем из Пенджаба[72]. Очевидно, он в свое время служил в сипайской армии в Индии, и его прозвище *Джамадар* (букв. 'гардеробщик') является искажением *джам'дар* — англ. *jemadar* (зафиксировано уже в 1763 г.) 'туземный офицер в сипайском полку, соответст-

---

[66] См. также: ТШТ, л. 97а—б.

[67] ТШ, С 467, л. 48б; ТШ, № 1787, л. 62б. Ср: ТШП. С. 74.

[68] ТШ, С 468, л. 138а.

[69] ТШ, № 1787, л. 213а.

[70] *Оранский И. М.* Индоязычная этнографическая группа «афгон» в Средней Азии //Советская этнография. 1956. № 2. С. 117—124.

[71] ТДТ. Т. II. Ч. I. С. 290.

[72] *Баранова Ю. Г.* Сведения уйгурской хроники «Та'рих-и амнийа» о восстановлении цинского господства в Синьцзяне в 1875—1878 гг. //Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978. С. 96.

вующий [по званию] лейтенанту'[73]. Сообщение британского посланца в Коканде в 1860—1861 гг. Абд ал-Маджида, назвавшего этого человека *Lahore Jemadar* (Лахорский *jemadar*)[74], подтверждает нашу гипотезу.

В ТШ упоминаются следующие выходцы из Восточного Туркестана и Кухистана, занимавшие высокие посты: Лашкар кушбеги[75], Йусуф мингбаши Кашгари, Раджаб кушбеги Кухистани, Хазрат-и Маулави Кабули, Зинат-шах[76], Мухаммад-Нур-ходжа и его сын Му'мин-ходжа таджик[77], Мулла Иззаталлах Кухистани, Кана'ат-шах[78] и его брат Дауран-бек дадхах, сын последнего Суфи-бек, Мирза Даулат таджик из Кухистана, Ходжа-йи калан Кашгари и Джамадар афган.

На литературные связи Ферганы со Средним Востоком, помимо цитирования в ТШ стихотворных отрывков Фирдоуси, Джами и Бедиля, указывает упоминание об исполнителях песен на стихи Бедиля (с. 95), что обычно для кокандской историографии. Одна деталь — употребление конской узды из кожи яка — подчеркивает наличие хозяйственных связей с Кухистаном (с. 165).

Таким образом, ТШ содержит немногочисленный, но показательный материал по этнической истории КХ. В развитии этнических связей с учетом социально-экономического и политического фактора можно выделить две тенденции. С одной стороны, низкий уровень материального производства, соотношение конкретных и этнических сил (в том числе,— сложный этнический состав) делали неизбежной в ханстве межэтническую вражду как одно из проявлений политической борьбы.

Вместе с тем материал ТШ, подтверждаемый другими источниками, свидетельствует о тесных и разнообразных связях между народами Среднего Востока, Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана (включая Джунгарию). Заметная роль принадлежала в этом Кухистану. Развитие естественно-исторических связей ломало политические перегородки. В Фергану иммигрировали жители как из смежных областей, так и из Афганистана, Ирана, Пакистана (Читрала, Пешавара), Индии и Восточного Туркестана. Играя активную роль в истории Ферганы, они становились неотъемлемой частью общественного организма КХ. Некоторые из них возвышались до положения крупнейших государственных деятелей Коканда. Те из них, кто не принадлежал к тюркоязычной народности, вовлекались в процесс тюркизации. Эти факты надо рассматривать как проявление дружественных взаимосвязей народов (в данном случае тюркских, иранских и других народов) в тех условиях.

Даже походы за пределы Ферганы вызывались не только алч-

[73] The Shorter Oxford English Dictionnary on historical principles. Third ed. Oxford, 1955. S. v.

[74] Report of a jorney to Kokan //Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department. No XXXIX. Calcutta, 1863. P. 11.

[75] Согласно ЗНХ (л. 52а), он был рабом из Читрала.

[76] По ТТХ (л. 174б), он был каратегинцем.

[77] По ЗНХ (л. 57а), его отец — Мухаммад-Нур ишан — был знатным ходжой из Вахана.

[78] Он был родом из каратегинского кишлака Самсалык (*Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 59).

ностью ханов, но и естественно сложившимися хозяйственно-экономическими связями между областями. Сами походы, несмотря на жестокости и причиняемые народу страдания, показывают, что в данных районах действовали интегрирующие силы, которые на данной стадии общественного развития могли проявляться только в такой форме.

Таким образом, даже немногочисленные сведения из ТШ показывают, что различные области этого вышеочерченного региона были связаны тесными историческими узами. Сведения эти отличаются односторонностью: они раскрывают в основном связи в направлении Ферганы. Дальнейшая разработка этой проблемы на базе прежде всего среднеазиатских, восточнотуркестанских, афганских и других источников позволит осветить ее во всей полноте, глубине и разнонаправленности.

ИДЕОЛОГИЯ

Как отмечалось выше, целью написания ТШ было возвеличение династии кокандских ханов. В связи с этим соответствующая политическая концепция определила подбор фактического материала.

Рассмотрим вопрос об обосновании права кокандских ханов на верховную власть. Для этого обратимся ко вступительной части сочинения. Здесь декларируется приверженность к ортодоксальному исламу суннитского толка (басмалла, похвала Мухаммаду и четырем «праведным» халифам). Далее следуют восхваление преемников «праведных» халифов — государей, следовавших шариату, и Худайар-хана, а также рассуждения об обязанностях верховного правителя (с. 7—12), преемственности светской власти от Мухаммада и четырех первых халифов, т. е. предписанности ее свыше, богоданности и праве верховного руководства мусульманами, основанного на божественном законе — шариате. Эти элементы вступления посвящены обоснованию светской власти.

Средством обоснования власти правителей Коканда является легенда о происхождении кокандских ханов. Содержание ее сводится к следующему. Тимурид Бабур, генеалогия которого возводится к роду Чингиз-хана (см. полную родословную Худайар-хана в приложении 6), спасаясь от врагов, оставил в своем утраченном домене — в Фергане — младенца-сына. По РТШ (л. 2б), Бабур при этом обязал своего человека — Искандар-ходжу — тайно следить за ребенком, пока его не обнаружат и не подберут местные жители. Мальчика нашли узбеки селений Таргава, Сарай и Джанкент в окрестностях будущего Коканда. Догадываясь о знатном происхождении ребенка по ценным вещам (в том числе, золотой колыбели), узбеки разделили находку по жребию на три части: мальчика получили жители Таргавы, вещи — Сарая, колыбель — Джанкента. Узбеки Таргавы отдали мальчика на воспитание праведной (парса) женщине. Имя этого мальчика было *Алтун-Бишик* (букв. 'Золотая Колыбель'), который и стал основателем рода кокандских ханов (с. 15—17). Правнуком Алтун-Бишика был Мухаммад-Амин-султан. Титул *султан* он стал носить потому, что в браслете, оставленном на руке Алтун-Бишика и доставшемся жителям Сарая, было обнаружено письмо Бабура с его печатью, которое подтверждало

высокое происхождение Мухаммад-Амин-султана и давало ему и его потомкам право носить титулы султана, хана и мирзы[79]. Внуком последнего был Асил-зада (букв. 'благородного происхождения'), нареченный на основании утверждения некоего суфия (мард-и худа) о знатности происхождения ребенка и отмеченности его признаком главенства (рийасат)[80].

Сыном Асил-зада был Чамаш-бий, первоначальное имя которого — Тангрикули-бий. Чамаш-бий, будучи муридом Лутфаллаха Чусти, снискал его особое расположение. В доказательство того, что Чамаш-бий является его самым достойным учеником, Лутфаллах Чусти на собрании избранных совершил чудо, вызвав, не выходя из жилища, Чамаш-бия, который явился с хурджином, наполненным кислым молоком (джургат). Так как он проводил ночи в религиозном бдении, его стали называть *Шаб-маст-бий* 'бий, упоенный ночным бдением', искаженное разговорным языком в *Шаһмас-бий*. По другим словам, пишет автор, Абдаллах-хан, направляясь в паломничество к Трону Сулаймана (под Ошем), сделал остановку в Қайнаре, которым тогда управлял Шахмаст-бий. За усердную службу Абдаллах-хан сказал ему: «Шаһ баш!» («Будь шахом!»), а на обратном пути пожаловал пышную одежду и йарлык на ханствование (ханиййа). Слова Абдаллах-хана были восприняты слышавшими как *Шамаш,* а узбеки постепенно стали произносить *Шамас-бий*. «Теперь,— сообщает Нийаз-Мухаммад,— [его] называют *Чамаш-бий*»[81].

Итак, легенда включает следующие моменты: 1) возведение генеалогии кокандских правителей по агнатической линии к роду Чингиз-хана через тимуридов (родоначальник кокандских ханов Алтун-Бишик — сын Бабура, предок тимуридов Бартан-хан — дед Чингиз-хана); 2) сопричастность узбеков селений Таргава, Сарай и Джанкент к судьбе Алтун-Бишика; 3) сопричастность суфиев, в том числе — влиятельного ферганского шейха Лутфаллаха Чусти,— к судьбе ближайших потомков Алтун-Бишика; 4) сопричастность шайбанида Абдаллах-хана к судьбе потомка Алтун-Бишика Чамаш-бия.

Остановимся на некоторых существенных деталях легенды, за которыми скрываются определенные конкретно-исторические реалии. В первую очередь, отметим, что легенда об общем происхождении Чингиз-хана и Тимура была известна задолго до написания ТШ. Еще в начале XV в. при тимуридах генеалогия Тимура возводилась к роду Чингиз-хана по линии «предок Тимура Қаджули — брат прадеда Чингиз-хана Қабул-хана»[82]. Балхский историограф первой половины XVII в. Махмуд ибн Вали, говоря о династии Великих Моголов, основанной, как известно, Бабуром, приводит по существу аналогичное ТШ генеалогическое построение: «Владетели трона страны Хиндустан — из

---

[79] ТШ, С 468, л. 25а—б.
[80] Там же, л. 25б—26а.
[81] Там же, л. 26а—27б.
[82] *Шараф ад-Дин 'Али Йазди.* Зафар-наме. Ташкент, 1972. Л. 23б. Ср.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 29, 32.

потомков эмира Караджар-нойона и *происходят от рода дяди Чингиз-хана»* (курсив наш. — *Т. Б.*)[83]. Сведения о воспитании Алтун-Бишика праведной женщиной наводят на мысль, что в этом деле определенную роль играло духовенство. Тем более, что в более позднем сочинении кокандской историографии воспитательница Алтун-Бишика прямо названа суфием[84]. Указанной в легенде группе Сарай соответствует реальное узбекское племя сарай, а группа Джанкент — одна из четырех групп, на которые делились по происхождению жители Коканда в 60-х гг. XIX в.: самарканди, кашгари, *чанкати* и кухистани[85]. Представлявшая общину Коканда группа Джанкент, получив по разделу золотую колыбель, закрепляла за своим городом право быть столицей с вытекающим отсюда особым положением ее жителей в иерархической структуре локальных групп населения КХ.

Не исключено, что участвующие в разделе три группы аллегорически представляли кочевников (Сарай), духовенство (Таргава) и горожан, в широком смысле оседло-земледельческое население (Джанкент), и отражали модель Кокандского государства, частное проявление трехчленной структуры мироздания и сознания людей той эпохи (этот вопрос нуждается в дальнейшем анализе).

Коснемся только одного из вопросов — какое место занимает лицо, скрывавшееся под именем Чамаш-бия, в истории кокандских ханов. Согласно одному из вариантов легенды, поддержка Лутфаллахом Чусти (ферганским суфием, претендовавшим после смерти Махдум-и Азама в 1542 г. на руководство мощнейшим суфийским орденом в Средней Азии накшбандиййа) Чамаш-бия как своего самого достойного ученика и постулируемое чингизидско-тимуридское происхождение последнего — все это свидетельствует о праве потомков Чамаш-бия на ханскую власть в Фергане. Такой вывод не удивителен. Авторитет Лутфаллаха Чусти в Средней Азии, особенно в Фергане, был необыкновенно высок, а в периоды ослабления ханской власти, раздробленности и смут орден накшбандиййа поднимался в политической жизни Средней Азии иногда до уровня решающей силы. Этим и объясняется обращение в легенде к имени Лутфаллаха Чусти: признание его особого благоволения, в данном случае равнозначное благословению, достаточному для обоснования права на верховную власть.

Следующим заслуживающим внимания фактом в рассказах о Чамаш-бие является его имя, которое находится в прямой связи с выражением *шаһ баш!* 'будь шахом!'. Вероятно, именно *Чамаш* легло в основу данного выражения, так как этимология последнего прозрачна в отличие от слова *Чамаш*. Диалект, на котором произносили имя *Чамаш*, по консонантизму относился к кипчакско-ногайской подгруппе тюркских языков (современные языки — ногайский, каракалпакский,

---

[83] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (география). Ташкент, 1977. С. 33.

[84] АСТХ, л. 9б.

[85] ТТХ, л. 55а. О племени сарай в Фергане см.: *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в.: (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С. 64.

казахский и кипчакские диалекты узбекского языка), т. е. общетюркское *ч* звучало в нем как *ш*, а *ш* — как *с*, и имя *Чамаш* — как *Шамас*. Форма *Шамас* является ключом к *шаһ баш*. В форме *шаһ* на базе целенаправленной народной этимологии и фонетических закономерностей тюркского и таджикского языков было «восстановлено» выпавшее в разговорном языке в конце слова и слога *һ*, а появление *баш* вместо *мас* объясняется тюркским чередованием *б*||*м* и диалектным *ш*. *Шаһ баш* в данном случае выступает как истолкование значения собственного имени *Чамаш*||*Шамас* с одновременным сообщением ему магического смысла.

Деталь легенды — молочный продукт (джургат) — указывает на происхождение ее в среде кочевников-животноводов и лишний раз подтверждает ритуальное значение этого вида продуктов у кочевников.

Таким образом, легенда, в составе которой выделяются различные хронологические и этнографические пласты и уровни, зародилась, вероятно, в среде ферганской узбекской знати даштикипчакского происхождения, когда у ней появилась возможность претендовать на власть. С течением времени, когда власть правителей Коканда стала реальностью, не без помощи различных слоев и групп господствующего класса она обросла деталями, в которых обосновывалась близость тех или иных групп к трону. Материал ТШ по политической истории показывает, что все противоборствовавшие силы в КХ использовали легенду как истинную и как руководство к действию, выдвигая своими ставленниками на троне только лиц из рода кокандских ханов. Не принадлежавшие к этому роду временщики не осмеливались, например, претендовать на титул хана или открыто узурпировать власть[86].

Легенда превратилась в общепринятую идею, ставшую структурным элементом господствующей идеологии. Эта идея овладела сознанием населения Ферганы и определила его поведение. Согласно ей, верховная власть должна принадлежать роду Чингиз-хана. Поэтому для обоснования права на ханский титул кокандских правителей необходимо было создать вымышленную генеалогию, к которой была подключена легенда о происхождении рода Тимура от общих с Чингиз-ханом предков и в которой был использован авторитет некоторых влиятельных духовных и политических деятелей Средней Азии XVI в. (Лутфаллаха Чусти и Абдаллах-хана).

Утверждение в Фергане династии кокандских ханов означало, по легенде, восстановление власти «законных» наследников Чингиз-хана и Тимура на части территории их бывших империй. Одновременно этим оправдывались захватнические походы кокандских ханов. Для апологии грабительских походов в Кашгарию и действий против рус-

[86] Так, в 1844 г. противники кипчаков, совершив в Коканде переворот, провозгласили ханом сына Алим-хана Мурада и убили Шир-Али-хана. Глава кипчаков Мусулманкул был вынужден признать Мурад-хана верховным правителем. Но затем, подойдя со своим войском к столице, Мусулманкул провозгласил ханом сына Шир-Али-хана малолетнего Худайар-хана, вошел в Коканд и расправился с Мурад-ханом, правившим всего 9 дней (РТШ, л. 70б—72б; ТШП. С. 171—173).

ских отрядов в ТШ используется также исламский лозунг священной войны за веру (с. 114—120, 198—200, 216—220 и др.).

Прием возведения генеалогии к предшествующим династиям известен на Среднем Востоке издревле. Например, царская власть в Парфии обосновывалась возведением рода ее правителей к Ахеменидам как могущественнейшей династии древнего Ирана[87], чем и доказывалась законность отвоевания парфянами иранских земель у эллинистических царей. Древним является сам по себе сюжет рассмотренной легенды. Он, например, имеет аналогию в предании о туркменском роде буркас, основателем которого считался сын Тимур-Тоглы-хана, найденный младенцем и воспитанный не имевшим сыновей Исык-Исмаилом[88]. Сюжет проник в средневековую арабскую народную литературу[89].

Открывая собой историю кокандских ханов, легенда определила структуру основной части ТШ, где историческое время членится по периодам правлений последовательно сменявшихся ханов. Поскольку в этом сочинении реализуется соответствующая историческая концепция с ярко выраженной политической направленностью, то, согласно ей, человеческие судьбы складываются по воле верховных правителей, в действиях которых реализуется промысел всевышнего. Однако такая общая установка выдерживается в ТШ не всегда: ведь были годы, когда фактическая власть не принадлежала хану. С этими временами автор ТШ связывает бедствия, постигшие КХ: внутренние смуты (в периоды господства кочевников) и вторжения извне (бухарского эмира и царских войск)[90]. Причины неудач Коканда в борьбе с русскими войсками, потери им юга Казахстана и Ташкента он (для убедительности подтверждая свою точку зрения символикой увиденного им вещего сна) видит в том, что верховная власть находилась тогда в руках Алимкула, не обладавшего ни заслугами (хасаб), ни знатным происхождением (насаб) (с. 271—272).

Для завоевания и упрочения власти хан должен был опереться на сильное и надежное войско. На конкретных исторических примерах, особенно в главе о правлении Алим-хана, автор показывает, что пренебрежение хана нуждами преданных воинов приводит в конечном счете к его падению и даже к гибели. В ТШ отводится немало места прославлению преданности хану и доблести таджикских и сартских воинов (с. 46—47, 49—54, 60—62, 72—74, 77, 191—193, 218, 257—259). Такой опорой хана призвано быть, по данному источнику, сарто-таджикское войско, прежде всего—потомственные воины, к категории которых при-

---

[87] *Кошеленко Г. А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 213. Об этом см. также: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1971. С. 246, 284.

[88] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 74.

[89] Халиф на час: Новые сказки из книги «Тысячи и одной ночи». М., 1961. С. 326—328 и сл.

[90] Выдвинута даже идея совместных действий кокандских, бухарских и хивинских войск против русских сил (ТШП. С. 199).

надлежал сам Нийаз-Мухаммад («один из старых слуг этого [высочайшего] порога, [стоящего на] страже справедливости») (с. 143). Известно, однако, что в водовороте политических событий середины XIX в. многие «старые слуги» двора часто оказывались оттесненными на задний план. В значительной мере это касается и автора ТШ. В связи с этим возникает вопрос о политической направленности раннего исторического труда Нийаз-Мухаммада, на основе которого было создано собственно ТШ.

Обратимся к РТШ, который, как мы предполагаем, является неполным списком этого раннего сочинения. В нем перечисляется семь кокандских военачальников — Мухаммад-Нийаз кушбеги, Мухаммад-Касим парваначи мингбаши Оши, Мухаммад-Раджаб курбаши, Камбар шарбатдар, Каримкули пансадбаши, Мирза Каландар пансадбаши, Мухаммад-Йа'куб-бек кушбеги, которые сыграли, согласно РТШ, решающую роль в низвержении ферганских кипчаков и обеспечили Худайар-хану первое самовластное правление в 1852—1858 гг. Напомним, что на описании именно этих событий 1852 г. обрывается текст РТШ. По другим источникам известно, что почти все эти военачальники к 1858 г. либо умерли, либо оказались в немилости у Худайар-хана[91]. Возможно, Нийаз-Мухаммад в своем раннем труде в завуалированной форме хотел показать, что потеря преданных военачальников неизбежно привела к падению Худайар-хана в 1858 г. Таким образом, и в ТШ, представлявшем собой переработанный вариант раннего труда, носившего неофициальный характер и выражавшего интересы оттесненной на задний план и недовольной своим положением части военного сословия, хотя сильно заглушена, но окончательно не устранена прежняя глубинная направленность сочинения. Именно в этом контексте становятся понятными взгляды Нийаз-Мухаммада на знатность по заслугам (хасаб) и происхождению (насаб).

Немаловажное место уделено в источнике (особенно, в его первой редакции) вопросу взаимоотношения светской власти и духовенства. Закончив рассказ о смерти Шахрух-хана от магических действий оби-

---

[91] Так, Мухаммад Нийаз кушбеги был назначен мингбаши ок. 1854 г. и умер, вероятно, в 1857 г., так как тогда на этот пост после его смерти утвердили Фазил-бека дастурханчи (АСТХ, л. 93а—б; ТТХ, л. 320б—322а; ТАЛ, л. 32а). Мухаммад-Раджаб умер в 1854—1855 г. в должности найиба — начальника «салатан» (артиллерийской части) (ТМ, л. 76а). Мухаммад-Касима мингбаши ок. 1854 г. едва не казнили, а затем ок. 1855 г. вместе с Камбар-беком и Мирзой Каландаром изгнали в Каратегин (АСТХ, л. 93а—94а; ТАЛ, л. 32). Каримкул в последний раз упоминается под 1856/1857 г. в должности михтара (АСТХ, л. 94б). Позднее Касим мингбаши на короткое время в 1858 г. вновь стал мингбаши в разгар борьбы Худайар-хана с Малла-ханом, но по воцарении последнего опять был изгнан в сторону Каратегина и Дарваза (ТАЛ, л. 11а, 13а). Дальнейшая его судьба неизвестна. Более полны данные о жизни Йа'куб-бека кушбеги. Он также оказался в немилости у Худайар-хана и ок. 1853 г. перешел на службу в Бухару. В конце 1860 г., будучи хакимом Джизака, он попал в плен к Малла-хану, стал хакимом Курамы. В 1862 г. выступал против Худайар-хана. Впоследствии стал независимым правителем Восточного Туркестана (ТТХ, л. 330а; ТАЛ, л. 37а—б, 42а—б; *Исиев Д.* Якуб-бек //СИЭ. М., 1976. Т. XVI. Стлб. 865) Его имя в ТШ не упоминается. Вероятно, Худайар-хан так и не простил ему прошлого.

женного им шейха, автор ТШ наставляет: «Расстройство сердец божьих людей — признак заката жизни и государства» (с. 23). Как бы иллюстрируя эту мысль, далее идет такое изложение событий, где за повествованием о нанесении обиды Хазрат-и Сахибу (главе ордена накшбандиййа в Коканде) и его изгнании Мухаммад-Али-ханом сразу же следует рассказ о падении власти последнего, его гибели и завоевании Ферганы мангытами (с. 123—136). И, наоборот, третье воцарение Худайар-хана и последовавшее вскоре возвращение в Коканд Хазрат-и Сахиба, возобновление им там богоугодной деятельности связывается с наступившим в Фергане процветанием (с. 280 и сл.). В ТШ неоднократно признается похвальным, когда правитель с почтением относится к улемам и действует согласно их советам (с. 12, 31, 107—110). Итак, автор ТШ ратовал за «гармоничное» разделение функций и власти между светскими и духовными феодалами при сохранении верховенства светских правителей.

Что касается отношения правителя к подданным, автор ТШ, одобряя управление страной «внешне грозно, а внутренне — милосердно» и умеренное взимание налогов (с. 31, 59), осуждая чрезмерный гнет (с. 184—185), разделяет традиционные взгляды об управлении в средневековом мусульманском государстве.

Таковы основные черты идеологии ТШ, выражавшей интересы оседлых феодалов КХ, прежде всего их наиболее влиятельной прослойки — военной. Соответствовала ли изложенная в ТШ политическая программа реальной действительности? КХ к 70-м гг. XIX в. показало полную несостоятельность ханской власти. Уровень развития производительных сил, идеология и соотношение конкретных политических сил не позволяли достичь стабильности в стране. Политическая заостренность ТШ, столь ярко выразившая отношение оседлых феодалов ханства к знати кочевников Ферганы, свидетельствовала о том, что и накануне 70-х гг. XIX в. проблема взаимоотношений ханской власти с кочевниками осталась нерешенной во внутренней политике КХ, и это было чревато новыми потрясениями в данной сфере.

Итак, реакционная сущность идеологии ТШ состояла, в первую очередь, в том, что она была важным средством в попытке укрепления нежизненной и бесперспективной ханской власти.

Легенда о происхождении кокандских ханов, являясь источником права КХ, свидетельствует о том, что идеологические и правовые нормы, порожденные феноменами Чингиз-хана и Тимура и стоявшими за ними силами, сохранялись вплоть до конца XIX в. Представления о роли конкретных лиц в истории, включаясь в систему идеологии кокандского общества, воспринимались как догма, а история рода — как основополагающий элемент универсальной истории и составная часть картины мира. Таким образом, общественное сознание Средней Азии, черпая фонд ценностей из того, что было создано в XIII—XIV вв. и даже намного раньше, находилось в плену его вплоть до присоединения названного региона к России.

Анализ легенды о происхождении кокандских ханов и других идей, заключенных в ТШ, вскрывает архаичность, застойность и реакционность идеологии КХ. Эта идеология, дополненная другими элементами (в частности, религиозными), оставалась, однако, стадиально и типологически на уровне идеологии эпохи Чингиз-хана и Эмира Тимура. Выяснение состояния идеологии, отражавшей глубинные процессы общественного развития, проливает свет на другие вопросы истории КХ, в частности, согласно положению об обратном влиянии надстройки на базис, позволяет правильно осмыслить некоторые аспекты экономической жизни Ферганы прошлых веков.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА ПО «ТА'РИХ-И ШАХРУХИ»

СЛОЖЕНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

История КХ открывается рассказом о воцарении Шахрух-хана в 1121/1709 г. и основании Коканда (с. 17—21). Здесь приводятся две основанные на устной узбекской традиции версии на эту тему. Согласно первой, восемнадцатилетнему Шахрух-хану, который отличился, охотясь в окрестностях будущего Коканда в свите одного падишаха, последний в знак особого благоволения передал власть над этой округой. До самой смерти Шахрух-хан жил в селениях Таргава и Чамашбий. У него было три сына: Абд ар-Рахим-бий, Абд ал-Карим-бий и Шади-бий. После смерти Шахрух-хана ему наследовал его старший сын Абд ар-Рахим-бий, который основал крепость и арк под названием Иски-курган.

Краткий пересказ второй версии приведен в первой главе. В этой версии содержится ряд любопытных деталей. Тогда будущий Коканд окружали селения Таргава, Чамашбий, Джанкент, Палахан, Токай-тепа, Партак, Тепа-курган, Кайнар и др. В них жили узбеки и сарты. Узбеки этих селений, решив освободиться от власти чадакских ходжей, провозгласили Шахруха как потомка Алтун-Бишика своим ханом в Таргаве. Указывается точное расположение крепости Иски-курган, основанной Шахрух-ханом. Теперь, как указывает Нийаз-Мухаммад, это место называется Кöктунлук-Ата; город был основан восточнее Сая, где теперь — квартал садовников (махалла-йи багбанан), а крепость — у обрывистого берега на месте слияния двух потоков (сай), называемом Кöктунлук-Азизлар.

Далее изложена легенда о смерти Шахрух-хана в 1134/1721 г. (с. 22—23)[1]. Мурида Шайх-Базара Намангани — пира Машраба — забрали на принудительные работы. Шейх стал просить хана освободить мурида от них. Хан отказал. Тогда шейх ушел в Токай-тепа, нарисовал на земле изображение Шахруха, бросил в него стрелу, попавшую в плечо изображаемого, и в ночь на пятницу уехал в Наманган. В пятницу днем Шахрух-хан скончался.

[1] О содержании легенды см.: *Бейсембиев Т. К.* Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» как исторический источник //Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1977. № 4. С. 62.

Эти рассказы отражали реальные политические изменения в Фергане первой половины XVIII в.— рост влияния узбекской знати (представителем которой был Шахрух), который сопровождался снижением роли ходжей в управлении Ферганой, и сопротивление последних этому процессу.

О правлении старшего сына Шахрух-хана Абд ар-Рахим-хана, имевшего почетное прозвище «Сахиб-киран», наиболее ценные сведения содержатся в РТШ[2]. В 1138/1725 г., воспользовавшись политической слабостью Бухары, Абд ар-Рахим-хан с 20-тысячным войском «из узбекских бахадуров и прославленных сартов» покорил Ходжент и взял в плен его правителя Акбута-бия. Затем в 1139/1726 г. он овладел Ура-Тюбе, где правил один из потомков Кулика, а в 1142/1729 г.— Самаркандом. По некоторым спискам (№ 942, л. 24а; С 469, л. 16а), Самарканд был покорен через шесть лет после Ура-Тюбе, т. е. в 1145/1732 г.; по С 467 (л. 19б) и № 1787 (л. 18б),— через шесть-семь лет; причем здесь приводится следующая деталь: у Самарканда Абд ар-Рахим простоял два-три дня и затем по мирному соглашению овладел городом, где был заключен брак его с дочерью правителя Шахрисябза Алим-бека вални'ми. По ТШ, № 942 (л. 25б) и С 469 (л. 17б), через шесть месяцев после того, как Абд ар-Рахим-хан уехал в Фергану из Самарканда, последний захватил эмир Бухары. Тогда хан прибыл в Ходжент . Здесь он заболел и скончался в 1146/1733 г. и здесь же был похоронен.

Достоверность известий об Абд ар-Рахим-хане подтверждается с некоторыми расхождениями бухарскими источниками, сведениями из «Диван-и Шухи» и «Мунтахаб ат-таварих»[3], при этом в «Мазхар ал-ахвал» прямо заявляется, что его убили родственники. Но в этих источниках не приведены ценные хронологические данные, встречающиеся в РТШ.

О правлении Абд ал-Карим-хана (1146/1733—1164/1750 гг.) (с. 29—31)[4] сообщается, что в 1153/1740 г. он перенес резиденцию из Иски-кургана в Иски-урду и основал там город с дворцом (во времена написания РТШ (л. 11а), на этом месте был базар, стояли дворец и медресе). Его обнесли стеной. Были воздвигнуты ворота Исфаринские, Катаган, Маргиланские (Маргинан), Ташкентские (Ташкандийан) и Хайдар-бека, которые сохранили свои названия и в XIX в. Таким образом, по ТШ, ок. 1740 г. был основан нынешний Коканд.

Что касается внешних событий, то интересен рассказ об осаде Коканда джунгарами (в источнике — калмак), пришедшими со стороны Кайнара[5]. Абд ал-Карим-хан вынужден был отдать им в заложники (ак-уйлук) Баба-бека, старшего сына Абд ар-Рахим-хана.

---

[2] РТШ, л. 9а—11а. Ср.: ТШП. С. 25—28.

[3] МА, л. 48а—50б; ТСУ, л. 10а; *Шухи.* Диван-и Шухи. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2313, л. 174а; МТ, л. 338а—340а.

[4] См. также: МИКК, I. С. 233.

[5] Согласно географической схеме, кишлак Кайнар располагался в окрестностях Коканда на юго-западе (*Масальский В. И.* Туркестанский край. Т. 19. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. С. 423).

После смерти Абд ал-Карим-хана, прожившего 49 лет, на трон взошел его сын Абд ар-Рахман-хан, но из-за молодости и малоопытности он не мог осуществлять власть. Через девять месяцев его отправили в Йар-Мазар и сделали хакимом Маргилана. Кокандским правителем стал сын Абд ар-Рахим-хана Ирдана-хан (ок. 1165/1751 г.). Через год (ок. 1166/1752 г.) живший среди джунгар в Кайнаре Баба-бек предъявил свои права на трон и правил в Коканде 10 месяцев. Затем (ок. 1167/1753 г.) по совету знати решено было послать кокандские войска в поход на Ура-Тюбе. Во время похода в Беш-арыке Баба-бек был убит и верховным правителем вновь провозглашен Ирдана-хан[6]. В РТШ это событие передано наиболее точно. Достоверность его подтверждается русскими и кокандскими источниками, в которых, однако, нет ряда ценных данных, сообщаемых нашим источником, в частности о Баба-беке.

Ирдана-хан обладал, по словам автора ТШ, похвальными качествами и милосердием. При нем росло благосостояние государства. Прожив 43 года, он умер в 1176/1762 г.[7].

После его смерти «все узбеки и сарты» единодушно решили, что прошел черед Абд ар-Рахим-хана и Абд ал-Карим-хана и настала очередь вступить на престол Сулайман-хана — сына Шади-хана, который был самым младшим из сыновой Шахрух-хана. Однако Сулайман-хан оказался низким, глупым человеком и окружил себя презренными людьми. Поскольку он не поддавался никаким увещеваниям, визири и эмиры через шесть месяцев свергли его и убили в 1177/1763 г. Он прожил 31 год[8].

Это известие помимо хронологической стороны ценно тем, что свидетельствует о существовании в КХ определенной традиции престолонаследия, по которой право на трон имели по старшинству все сыновья (или их потомки) основателя династии.

Эта степная традиция, уходящая в глубь веков, отражена, например, в порядке наследования у Шайбанидов[9].

Следующим правителем стал четырнадцатилетний Нарбута-хан, сын Абд ар-Рахман-хана[10]. Его привезли из местности Кара-тепа, которая, по словам Нийаз-Мухаммада, теперь называется Муй-и Мубарак, и против его воли сделали ханом. На власть претендовал его старший брат Хаджи-бек. В конце концов оба брата стали править сообща.

В ряде списков ТШ приведены очень подробные обстоятельства воцарения Нарбуты. Яснее всего они изложены в ТШТ, № 4463 (л. 35а): Нарбута не хотел занять престол потому, что «некоторый сброд» наме-

---

[6] РТШ, л. 11б—12а; ТШП. С. 30—31.

[7] РТШ, л. 12б—13а; ТШП, С. 31—32.

[8] РТШ, л. 13а—б; ТШП. С. 33. По ТТХ (л. 70б), он прожил 25 лет и правил 3 месяца.

[9] *Dickson M. B.* Uzbek dynastic theory in the sixteenth century //Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Москва. 9—16 августа 1960. М., 1963. Т. III. С. 208—217.

[10] РТШ, л. 13б—15а.

ревался сделать ханом его брата Хаджи-бека; большинство же не одобрило этих притязаний по причине несовершеннолетия Хаджи-бека и насильно посадило на престол Нарбута-хана. Правление последнего отличалось спокойствием и процветанием.

За один-два года до его смерти Хаджи-бек решил поднять мятеж. Заручившись поддержкой правителя Ура-Тюбе (потомка Кулика-бия) и владетелей Курамы, он направился в Тора-курган и привлек на свою сторону его жителей. Затем он прибыл в Андижан. Местная знать, узнав об истинных намерениях Хаджи-бека, на словах соглашалась с ним, но тайно известила обо всем Нарбута-хана. Тот с войском подошел к Андижану. Хаджи-беку, лишенному реальной поддержки, ничего не оставалось, как принять милостивое предложение брата пойти на примирение. Во время трапезы якобы Хаджи-бек не хотел взять первым ложку (чумча) для разливания супа (аш-и суйук), уступая право на это Нарбута-хану. Тогда тот ответил: «Почему с догадливостью ты проявил предупредительность, что разливную ложку не нашел для себя нужным взять первым, а на верховную власть посягнул?! Терпи, ибо, если божья милость одобрит [твои дела] и окажет тебе поддержку, в скором времени черед [в правлении] дойдет и до тебя, ведь сколько тысяч [таких, как] я и ты, господь [прибрал и еще] приберет к себе!» (с. 39).

Не все в данном рассказе является бесспорным. Во-первых, по другим источникам, например по «Тухфат ат-таварих-и хани», Нарбута подавил мятеж своего брата силой оружия[11]. Во-вторых, Хаджи-бек приходился Худайар-хану дедом, и в уста Нарбута-хана вложен почтительный в отношении Худайар-хана намек на последующие события, когда «черед» в правлении дошел до потомков Хаджи-бека. Характерно, что этих деталей нет в РТШ. Вообще прием, когда автор вкладывает в речь исторических лиц свои собственные мысли, встречается в ТШ довольно часто.

В год смерти Нарбута-хана, в 1213/1798 г., было завершено строительство медресе близ усыпальницы Ирдана-хана[12]. Оно известно как медресе Мир[13].

После смерти Нарбута-хана образовались четыре группировки, каждая из которых имела претендента на трон. Это были сыновья Нарбута-хана — Алим-хан, Умар-хан (оба от одной матери Минг-айим), Рустам-бек — и брат Нарбута-хана Хаджи-бек. Победили минги, которые возвели на трон Алим-хана. Несогласные с этим некоторые узбеки и сарты из окружения Нарбута-хана стали открыто требовать воцарения Рустам-бека, любимого сына покойного. Опасаясь их, Алим-хан казнил приближенных Нарбута-хана Пир-Мухаммад йасаула, его сына Таш-Мухаммад мирзу, Бузрук-ходжу, а также Хаджи-бека и Рустам-

[11] ТТХ, л. 81а—б.
[12] ТШ, С 468, л. 54а.
[13] РТШ, л. 15а.

бека[14]. Другие его противники и их дети, такие, как Раджаб кушбеги таджик, его сыновья Мирза Рахим и Баба-Рахим и т. д. (в том числе отец и дядя автора ТШ) бежали в Бухару.

Алим-хан, к имени которого прилагается почетное прозвище «Сахиб-киран», приступил к организации войска. Сначала была создана отборная часть из опытных воинов, названных гала-бахадурами. «До этого,— замечается в ТШ,— тюрки называли войско «кара-казан» и "кара-чайан"»[15]. Опираясь на войско, хан подавил мятежи в подвластных вилайетах. Затем при содействии приближенных, выходцев из Кухистана, к которым хан питал особую симпатию[16], были сформированы два отряда; в один вошло 3700 каратегинцев, в другой — было привлечено 2200 человек из свободных и рабов — дарвазцев, бадахшанцев, шугнанцев, рушанцев, гунтцев и иранцев, из общего числа которых, равного 2200 чел, добровольно вступило 500. Оба отряда были снабжены за казенный счет одеждой, оружием и лошадьми. На часть из них была возложена охрана дворца. Они были как бы противопоставлены «старому» войску (с. 42—44)[17]. Новые формирования обозначаются в ТШ терминами «мир-бачаган» и «бек-бачаган» 'дети миров' и 'дети беков', а составляющие их люди — этнонимом «таджик» (с. 45, 47, 48).

Через год Алим-хан выступил в поход на Ура-Тюбе. Когда войско, пройдя через Ходжент, остановилось в Аксу, военачальники, такие, как Ирискули-бек, Му'мин-бек (они были братьями матери хана)[18] и Джум'а-бай Кайтаки-йи каракалпак[19], хотя и были недовольны тем, что хан опирается на новые части, и презрительно относились к новобранцам, тем не менее попытались получить командование этими частями. Но хан ответил им отказом и сохранил за собой право командования (с. 44—45).

Приведенные сведения и факты открыто выраженного насмешливого отношения сановников к особенностям говора горных таджиков (с. 46) свидетельствуют о том, что с созданием Алим-ханом нового войска внутри военного сословия возникло соперничество между ними и выходцами из Кухистана.

Поход завершился штурмом и взятием Ура-Тюбе в результате решительной атаки таджиков, которые вместе с ханом первыми ворвались в город, после чего засевший в арке (цитадели) Муг бухарский гарнизон (мангитийа) во главе с Ер-Назаром диванбеги сдался. Потери осаждавших составили 444 убитых. Ура-Тюбе было отдано на разграбление таджикам и бек-бачам. Город с населением в 12 тыс.

[14] ТШ, С 468, л. 55а—56а. В первой редакции ТШ (ТШП, С. 41) и в РТШ (л. 16а), вероятно, ошибочно среди казненных указан и Хан-ходжа, который, по ТТХ (л. 92а), был казнен по приказу ташкентского потентата Йунус-ходжи. В РТШ (л. 16а) Пир-Мухаммад йасаул среди казненных не значится.

[15] ТШ, С 468, л. 56а.

[16] По ТШ, С 467 (л. 28а), у хана были доброжелатели — бадахшанец, дарвазец и 10—15 каратегинцев, гиссарцев и кулябцев.

[17] См. также: РТШ, л. 13а.

[18] ТШ, С 468, л. 60а, 92б.

[19] ТШ, С 468, л. 116а.

жителей и с окрестностями до Йама и Замина был включен в кокандские владения. Хакимом вилайета Ура-Тюбе был назначен Кадам ‘инак таджик, из мирбачей, а аксакалом — Мулла Рахматаллах (с. 46—49).

После возвращения Алим-хана в Коканд эмир Бухары пытался отвоевать Ура-Тюбе, но 17-дневная осада эмиром города была безрезультатной (с. 48—50)[20]. Подоспевший с войском на помощь осажденному гарнизону Ура-Тюбе Алим-хан, воспользовавшись отступлением эмира, двинулся на Джизак. В составе его войска был кыл-куйрук из оседлого и кочевого населения Ура-Тюбинского владения.

В повествовании об осаде кокандцами Джизака сообщаются интересные данные о приемах ее ведения. В решающий момент узбеки и кыл-куйрук из-за начавшегося голода оставили хана, что вынудило его вместе с верными ему таджиками снять осаду и вернуться в Коканд (с. 50—55).

По РТШ (л. 22б), завоевание Ура-Тюбе произошло на третьем году правления хана (т. е. ок. 1800 г.), а осада Джизака — на четвертом (ок. 1801 г.), причем перед возвращением из-под Джизака в Коканд Алим-хан направил к эмиру Бухары посла.

После неудачно проведенной осады Алим-хан продолжал уделять большое внимание войсковому делу. Через два года (т. е. ок. 1803 г.) он устроил проверку деятельности шейхов и суфиев. «Нечестивых» он принудительно определял в погонщиков верблюдов. Вскоре после этого во время публичного радения «джахриййа» в ханском дворце некий «вор и мошенник» пытался убить хана, нанеся ему удар ножом. Рана оказалась легкой, покушавшийся был схвачен. Хан, не производя дознания, приказал его казнить (с. 56—59)[21].

В это время правитель Ташкента Йунус-ходжа собрал войско из «анди» и казахов, в том числе из племени санчклы, и выступил в поход с намерением завоевать Фергану и устроить в Коканде праздник по случаю обрезания своих сыновей. Он рассчитывал на поддержку населения и войска Коканда. По приказу Алим-хана правитель Ходжента Раджаб кушбеги (по С 468, диванбеги) таджик перешел со своим войском на правый берег Сырдарьи и, сделав ночной кавалерийский бросок через Самгар и Камыш-курган, достиг на следующий день Гурумсарая, куда подошло, минуя горный перевал, по Чадакской дороге войско Йунус-ходжи. Одновременно на левом берегу Сырдарьи напротив Гурумсарая появился передовой отряд Алим-хана. Раджаб кушбеги поставил возле всадника-тугбеги с белым кокандским знаменем (акйалав) пятьдесят таджикских стрелков. Атаки казахской конницы на знамя были отбиты ружейным огнем. Наскоки кавалерии Раджаба кушбеги расстроили неприятельские ряды. В итоге деморализованное казахское войско обратилось в бегство. Йунус-ходжа, спасая себя, бросил свое войско на произвол судьбы. Жители окрестных гор хватали и грабили беглецов. Победителям досталось много трофеев и пленных (с. 59—63)[22].

---

[20] См. также: РТШ, л. 21а—б.
[21] См. также: РТШ, л. 23а—б.
[22] См. также: РТШ, л. 23б—25а; ТШ, С 468, л. 78б—83б.

Вскоре после победы хан решил идти на Кураму. Знать поддержала его. Не возражал против этого и Ишан Дамулла Мухаммад-Йа'куб устаз. Войска по трем направлениям (через перевал Кендыр-даван и по дорогам Ун-икки-буйнак и Учсавар) вторглись в Кураму, грабя население. Маршрут похода Алим-хана на Кураму был следующим: Коканд — Акджар — Камыш-курган — Булак — Шахидан — Уйшун — Тиляу — Кара-хитай (Кариз) — Кереучи. Все пункты Курамы, кроме крепости Кереучи, подчинились хану, который наградил жалованными грамотами здешних биев и аксакалов. После усиленного артиллерийского и ружейного обстрела эта крепость капитулировала. В осаде ее отличились Ирискули-бек и Джум'а-бай Кайтаки.

Из Кереучи хан направил 12 тыс. человек для набега на окрестности Ташкента. В результате были захвачены крепости Той-тепа и Нийазбек. В течение 4—5 дней были уведены от местного населения все лошади, овцы, верблюды и крупный рогатый скот, обнаруженные близ Ташкента и Чимкента. Добычу распределили между хакимом Кереучи, кокандскими гарнизонами крепостей Нийазбек и Той-тепа и другими воинами. В Нийазбеке был оставлен мир Му'мин-бек с 500 стрелками-горцами, которому должен был подчиняться хаким Кереучи. После этого хан возвратился в Коканд (с. 63—70)[23].

Через двадцать дней после сбора всего войска Алим-хан выступил (по ТШ, № 942, л. 53а, через сорок дней) на Ташкент. Войско двигалось по маршруту: Коканд — Арзик-тепа — Акджар — Камыш-курган — Йан-булак — Кариз — Кереучи (здесь к нему присоединились войско и кыл-куйрук Курамы) — Той-тепа — Куйлук — берег реки Салар. Из-за вылазок находившегося вблизи Ташкента в крепости Нийазбек кокандского гарнизона положение ташкентцев ухудшилось. За лепешку родители продавали детей. После одиннадцатидневной осады, подкопа и подрыва городской стены Ташкент был взят. Первыми ворвались в город со стороны южных ворот части таджиков и бек-бачей. Йунус-ходжа бежал в Бухару. На другой день Алим-хан вступил в Ташкент и приказал прекратить грабеж. Часть опасных для завоевателей знатных ташкентцев была отправлена заложниками (ак-уйлук) в Коканд. Некоторых степняков хан приказал казнить, а своих сторонников сделал аксакалами и биями, и затем, пробыв в Ташкенте месяц, он вернулся в Коканд (с. 70—75)[24].

Далее в ТШ в своеобразной форме дается обзор внешнеполитического положения КХ. По РТШ, после всех этих событий Алим-хан решил, что КХ так или иначе связано почти со всеми соседними государствами: с эмиром Бухары заключен договор о дружбе, Ташкент завоеван, Кухистан до Кашмира, Балха и Бадахшана признал власть Алим-хана, а Семиградье (т. е. Кашгария.— *Т. Б.*) вместе с хаканом Китая поддерживает через послов дружественные отношения с Кокан-

---

[23] См. также РТШ, л. 25а—26б; № 942, л. 50а—53а.
[24] См. также: РТШ, л. 26б—27б.

дом. Теперь Алим-хан счел необходимым заключить договор с падишахом русских[25].

В других списках в этом месте есть весьма существенные расхождения. В ПНС-174, С 468 и др., помимо Ташкента среди завоеванных народов и владений указываются Фергана, Дашт-и Кипчак, йузы, казахи, киргизы и «анди». Относительно связей с Восточным Туркестаном сообщается, что его правители, несмотря на подчинение Китаю, выражая свою покорность Алим-хану, передали ему управление всеми андижанцами и другими пришлыми людьми в Семиградье, а также присылают Алим-хану вместе с податями с подвластных ему людей в Семиградье и подношения. И подчеркивается, что так как, кроме «неверных» русских, у Алим-хана не осталось врагов, поэтому якобы он и решил организовать против них газават. Решение было принято спустя год-два после покорения Ташкента (с. 75—76)[26].

Эти разночтения вскрывают интерполяции с отпечатком позднейших событий середины 60-х гг. XIX в. Этим объясняется нехарактерное для времени Алим-хана резко враждебное отношение к России и агрессивные амбиции в отношении Восточного Туркестана (учитывая возникновение там в 1864 г. мусульманского государства). Более достоверной поэтому, на наш взгляд, является версия по РТШ.

Зимой в середине месяца дальв (начало февраля)[27] хан снарядил 300 (по РТШ, 400) верблюдов, груженных товарами для торговли с Россией, и отправил их в Ташкент. Сам двинулся с войском вслед за караваном, несмотря на зимнее время, на покорение Чимкента, Сайрама и Туркестана. Были разграблены окрестные районы вплоть до Туркестана и Аулие-Аты. Осада Чимкента и Сайрама продолжалась двадцать дней. Из-за стужи положение кокандских войск ухудшилось. Алим-хан находился в это время в Ташкенте, а Умар-хан — в Минг-уруке. Этим воспользовались Ирискули-бек, Му'мин-бек, Джум'а-бай Кайтаки и др., которые с 1000 человек (по ТШ, № 942, л. 58а, с сотней), забрав Умар-хана, бежали ночью в Коканд, чтобы провозгласить его правителем. Узнав об этом, Алим-хан приказал вернуть посланные на Чимкент, Туркестан и Аулие-Ату войска и роздал им предназначенные для караванной торговли товары. Поручив своего сына Шахрух-хана хакиму Ташкента Лашкару кушбеги, Алим-хан с оставшимися силами выступил в Коканд.

Положение войска было очень тяжелым, многие отморозили конечности. Находившиеся в рядах узбекского войска сторонники заговорщиков, убежавших в Коканд, склонили во время ночлега в Той-тепа на свою сторону таджиков и бек-бачей, заявив, что, если бы Умар-хан помедлил с бегством в Коканд хотя бы неделю, все войско погибло бы при осаде от холода. В ту же ночь от Алим-хана бежали 1—2 тыс. человек. Хаким Кереучи закрыл перед ним ворота и открыл огонь.

[25] РТШ, л. 27б. По ТШ, С 468 (л. 100а), это произошло через год-два после завоевания Ташкента. По ТШП (с. 75), — через год.

[26] См. также ТШ, С 468, л. 100а—101а.

[27] По ТШ, С 468 (л. 102а), — в конце зимы, в конце месяца дальв (т. е. — в феврале).

Доброжелатели советовали хану найти защиту в Ходженте, где управлял его сторонник Ханкули мирза. Но тайные враги уговорили его идти более коротким путем на Коканд, чтобы якобы быстрее расправиться с заговорщиками. Когда, пройдя через перевал Кендыр-даван, войско Алим-хана достигло ущелья Кызыл-купрук, местные горцы завалили проход камнями и преградили ему путь. В стычке геройски погиб Байшум бахадур — отец Батура кушбеги[28]. После этого хан отпустил войско, а сам направился по дороге Кара-мазар, намереваясь достичь Коканда и предаться дервишской жизни. В результате многие его воины были ограблены кочевниками, некоторые погибли. Хан со своим михтаром Зухуром диванбеги гуламом и тремя людьми перешел через Сырдарью, поехал через степь Чахар-баг-и дивана, попал в засаду и был застрелен кем-то из ружья в местности Алты-куш (по ТШ, № 1787, Дангара). Его похоронили в ханской усыпальнице. За преданность Зухур диванбеги был введен Умар-ханом в свиту своих эмиров[29].

Алим-хан правил 12 лет, прожив 36 лет, и умер в 1225/1810 г. (с. 76—86)[30]. 1225 г. х. соответствует 6 февраля 1810—25 января 1811 г., и Алим-хан был убит где-то в начале весны, отсюда можно предположить, что это произошло весной 1810 г.

Итак, в правление Алим-хана в основном завершился длительный процесс формирования КХ от мелкого полунезависимого владения до одного из ведущих среднеазиатских ханств. В ТШ отражены основные вехи этого процесса. Как мы уже говорили, в тот период политические условия в Фергане способствовали укреплению ее как самостоятельной политической единицы. Рассказ в ТШ о подавлении мятежа, поднятого Хаджи-беком, несмотря на отдельные поздние наслоения, показывает, насколько усилилось к концу XVIII в. Кокандское владение.

Вместе с тем уже в ранний период во внутренней жизни КХ проявились негативные тенденции. Так, в ТШ намекается на факт смены ряда правителей в XVIII в. в ходе ожесточенной борьбы группировок. Серьезные расхождения с показаниями других источников обнаруживаются в датировке правлений кокандских владетелей в XVIII в. Так, по ТТХ, Абд ар-Рахим правил 10 лет (по ТШ, 12 лет), Абд ал-Карим — от 8 до 12 лет (по ТШ, 18 лет), Ирдана — от 10 до 14 лет (по ТШ, ок. 20 лет), Сулайман — 3 месяца (по ТШ, 6 месяцев) и Нарбута — 30 лет (по ТШ, 36 лет)[31]. Какое сочинение более достоверно в хронологии, установить пока трудно за исключением времени правления Ирданы и Нарбуты. По китайским данным, правление Ирданы определяется ок. 1753—1770 гг., а Нарбуты — ок. 1770—1798/99 г.[32], т. е. не противоречит данным ТТХ по времени правления Нарбуты и вместе с тем совпадает с ТШ в датировке начала второго правления Ирданы и смерти Нарбуты. Следовательно, наиболее вероятные даты их правления — 1753—1770 и 1770—1798/99 г. По сообщаемым ТШ обстоятельствам

[28] По ТШ, С 468 (л. 110б), Байшум бахадур — отец Абд ал-Карима кушбеги.
[29] По ТШ, № 942 (л. 63а), ему была поручена охрана дворцового гарема.
[30] См. также: РТШ, л. 27б—31а; ТШ, С 468, л. 101б—113а.
[31] ТТХ, л. 53б, 61б, 69б, 70б, 86а—б.
[32] *Saguchi Toru.* The Eastern Trade of Khokand Khanate //Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1965. No 24. P. 47, 50.

возведения и свержения Алим-хана можно заключить, что и в начале XIX в. верхушка племени минг, к которой, по существу, принадлежали кокандские ханы, продолжала играть определяющую политическую роль.

Как отмечалось выше, наиболее полная информация источника по рассматриваемому периоду приходится на правление Алим-хана. Не подвергая сомнению достоверность этих известий в целом, следует отметить встречающуюся неточную датировку и последовательность отдельных событий исходя из данных других источников. Если датировку создания Алим-ханом нового войска из горцев (между 1798 и 1802 гг.) и отражения вторжения Йунус-ходжи (ок. 1803 г.) еще можно считать достоверной, то этого никак нельзя сказать о покорении Ура-Тюбе, которое произошло позже, а именно — 15 саура 1221 г./4 мая 1806 г.[33] Неточно также указано, что накануне вторжения Йунус-ходжи Ходжент принадлежал Коканду. По МТ и ТТХ, Раджаб кушбеги не был тогда хакимом Ходжента. Он осаждал этот город, когда получил известие о вторжении Йунус-ходжи[34]. Неточна в ТШ и датировка завоевания Курамы. По ТТХ, между взятием кокандцами Нийазбека и покорением Ташкента прошло не несколько месяцев, а семь лет[35]. В ТШ назван правителем Ташкента накануне потери им независимости Йунус-ходжа, что также неверно. По МТ и ТТХ, им был сын последнего Хамид-ходжа[36]. Следует помнить, что материал главы об Алим-хане сгруппирован тематически — сначала идет рассказ об Ура-Тюбе и Джизаке, затем — о Кураме и Ташкенте, в результате чего и были допущены ряд неточностей и непоследовательность изложения.

Более определенно устанавливается дата покорения Алим-ханом Ташкента, так как по некоторым спискам ТШ известно, что оно произошло за год-два до его смерти, т. е. в 1808—1809 г. Дата смерти Алим-хана (по ТШ, 1225/1810) в двух источниках определяется 1224/1809 г.[37], а в двух других — 1226/1811 г.[38]; последнее упоминание об Алим-хане в китайском источнике — под 1809 г.[39] В та'рихе в МТ عمر بعدل نشست воцарение Умар-хана отмечено 1226/1811 г.[40] Таким образом, в источниках нет единства в датировке этого события. Поэтому за эту дату можно пока принять 1810 г. как среднюю между 1809 и 1811 гг. С этим согласуются использованные А. М. Мухтаровым русские архивные данные, которые свидетельствуют, что Алим-хан был убит весной 1810 г.[41].

---

[33] МТ, л. 374б.
[34] МТ, л. 370б; ТТХ, л. 95б.
[35] ТТХ, л. 112а.
[36] МТ, л. 385а—б; ТТХ, л. 113а.
[37] УН, л. 31б; Histoire d'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les derniers années de règne de Nadir Chah (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818), par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, fraduite et annotée par Ch. Schefer, t. I. Texte persan. Paris, 1876. P. 99.
[38] ТАХ, л. 80б; Та'рих-и Манзум, л. 54а (та'рих).
[39] *Saguchi Toru.* The Eastern Trade. P. 89.
[40] МТ, л. 409а.
[41] *Мухтаров А.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 172.

Но, несмотря на некоторые неточности, основная масса сведений достоверна и содержит немало уникальных или весьма редких известий. К ним относятся: рассказы о свержении власти чадакских ходжей и о смерти Шахруха; датировка захватов Ходжента, Ура-Тюбе и Самарканда Абд ар-Рахимом (с двумя версиями даты взятия Самарканда); известие о Баба-беке; некоторые данные о мятеже Хаджи-бека (о его связи с правителями Ура-Тюбе и Курамы); данные об обстоятельствах воцарения Алим-хана; большинство сведений об организации им войска; маршруты и ряд подробностей его походов на Ура-Тюбе, Джизак, Кураму, Ташкент и Южный Казахстан; уникальное генеалогическое сведение о том, что Баба-бек был старшим сыном Абд ар-Рахим-хана. Только благодаря ТШ можно составить четкое представление о ходе битвы при Гурумсарае. Сумма этих уникальных известий о правлении Алим-хана такова, что позволяет сделать вывод, что это был поворотный момент в истории ханства. Именно тогда была предпринята попытка углубления феодальных отношений внутри господствующего класса путем замены власти узбекской родовой знати твердой ханской властью. Но, как мы уже отмечали, в КХ не нашлось политических сил, способных это осуществить.

Известия ТШ проливают свет и на ситуацию в Ташкентском владении накануне его захвата Кокандом. В состав данного владения входила Курама. Опорой его правителей были казахские кочевые роды, прежде всего — санчклы, подчинение которых Кокандом привело к скорому покорению самого Ташкента.

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО В 1810—1842 гг.

Описание событий этого периода начинается в ТШ с правления Умар-хана. Отмечается, что, вступив на престол, он отменил все установления, противоречившие шариату (бид'ат), и способствовал росту авторитета ученых людей ('улама). Хан обладал поэтическим даром и написал под тахаллусом «Амири» много тюркских газелей. Он отпустил на волю рабов из таджиков и бек-бачей. По ряду списков, например, С 468 (л. 114б), рабов, насильно отнятых у их хозяев, хан возвратил владельцам. Отдельные таджики были включены в ряды гала-бахадуров. Среди оставленных на ханской службе указаны свободные пришельцы из других областей и рабы, которых шахи Кухистана послали в Коканд в качестве дара. Отличившимся таджикам и бек-бачам он пожаловал должности. Так, Мухаммад Нур таджик получил звание худайчи, золотой посох и командование сотней опытных таджикских воинов со значком (байдак). В число эмиров были введены Зинат-шах, Кудрат-шах, Кази Нийаз-Мухаммад, Абд ал-Баки и др. Все бежавшие в Бухару при Алим-хане возвратились в Коканд и получили пожалования. Находившийся при Лашкаре кушбеги сын Алим-хана Шахрух-бек был убит.

Организаторы заговора против Алим-хана Ирискули-бек, Му'мин-бек и Джум'а-бай решили теперь убрать Умар-хана, а ханом сделать

Ирискули-бека[42]. Заговор был раскрыт благодаря Раджабу кушбеги (с. 88). Последний и бывший заодно с ним Шахи парваначи Маргинани умертвили троих упомянутых заговорщиков и их людей[43]. Шахи парваначи был два года главнокомандующим (мингбаши) (с. 88)[44].

После того как он установил порядок в управлении, его сделали хакимом Ходжента, а на его место поставили Йусуф дадхаха Кашгари. Под его началом было около 12 тыс. воинов. Ему было приказано после сбора этого войска выступить на Ура-Тюбе. После смерти Алимхана Ура-Тюбе овладел с помощью эмира Бухары Махмуд-хан Ахрари. Двигаясь с предельной быстротой, Йусуф мингбаши за три дня достиг Ура-Тюбе. Оставив в Уструшане двух военачальников, он с остальным войском за четыре дня произвел конный набег от Акар-акбулака до пределов Самарканда и захватил много пленных и скота. Затем повернул назад и забрал из-под Ура-Тюбе двух военачальников. Когда он с добычей достиг Аксу, то стал передвигаться более медленно и через четыре дня вернулся в Коканд. Хан приказал разделить добычу между всеми воинами. Отличившиеся были пожалованы полным комплектом одежды (сару-па) и йарлыками (с. 88—89)[45].

Вскоре хан со свитой выступил в сторону Дашт-и Кипчака. Он побывал в Кураме, Кереучи, Той-тепа, Куйлуке и Ташкенте, занимаясь разбором местных дел (в том числе жалоб подданных) и отменяя обычаи, противоречившие шариату. По пути следования Умар-хана (от берега Чирчика до ворот Ташкента) разбрасывали динары и дирхемы. Ташкентская знать устроила ему пышную встречу с подарками и подношениями. От берега реки Салар и до ташкентского дворца для хана был выстлан ковер (пайандаз). Ханской милостью были особо отмечены Лашкар бекларбеги и его сыновья. Аксакалы и знать сартов и «анди» и «бии казахов» были пожалованы ханскими йарлыками и тарханными грамотами, т. е. освобождены от налогов (с. 89—92)[46]. Затем по совету Раджаба диванбеги Кухистани хан направил его на захват крепости Туркестан. Диванбеги совершил с таджиками и войском Ташкента трехдневный конный бросок и на четвертую ночь, приблизившись к Туркестану, неожиданным нападением овладел городом. Были захвачены казна и правитель Туркестана[47], подчинена округа. Умудренные опытом люди заметили хану, что вилайет, захваченный «воровским способом», в конце концов проявит неверность[48]. Тогда хан назначил управлять Туркестаном Шайх-Бадал дадхаха, потомственного кокандского придворного. Затем, пожаловав Лашкару диванбеги и Раджабу диванбеги звание кушбеги, хан вернулся в Коканд, собрав вто-

---

[42] РТШ, л. 31а—32а.
[43] РТШ, л. 32а—б.
[44] См. также: РТШ, л. 32б.
[45] См. также: РТШ, л. 32б—33а; ТШ, С 468, л. 116а—118а; ТШТ, л. 96б—100б.
[46] См. также: РТШ, л. 33а—35а; ТШ, С 468, л. 118а—121б.
[47] По более надежному относительно этого события источнику «Умар-нама» Фазли, правитель Туркестана Токай-тора спасся бегством (УН, л. 70б).
[48] Вероятно, это поздняя вставка в ТШ, где сделана попытка объяснить, почему Туркестан был утрачен Кокандом в 1864 г. Ее нет в РТШ.

рично на обратном пути «подарки и подношения от владений Ташкента и Дашт-и Кипчака от пределов Или (Аб-и hила) до границ Ургенча вместе с Улуг-тагом» и Курамой (с. 92—97)[49].

В 1234/1818 г. в Коканде была заложена соборная мечеть. Ее сооружение было завершено в 1235/1819 г. Раньше на месте этой мечети Алим-хан решил построить медресе. Когда высота здания была доведена до человеческого роста, покойный Хазрат-и Ишан устаз Дамулла Мухаммад-Йа'куб ахунд запретил дальнейшее строительство, заявив, что строительство подобного здания на средства, собранные от противоречащих шариату налогов, является признаком безбожия (куфр). Тогда якобы растроганный Алим-хан приказал снести постройку, а ее строительный материал использовать на застройку ханского дворца Йанги-урда. Подчеркивая значение постройки соборной мечети, автор ТШ отмечает, что единство страны исходит «от этой величественной мечети» (с. 97—99)[50].

В начале девятого года правления (1818 г.) Умар-хан, прослышав о том, что правитель Ура-Тюбе Махмуд-хан-тора-йи Ахрари хочет заключить с ним мир, двинулся туда. Сделав остановки в Кош-купруке. Тамаша-кишлаке и Сабир-тепа, он на четвертый день прибыл в Ходжент, где на другой день к нему присоединился Лашкар кушбеги с войском Дашт-и Кипчака. На шестой день кокандское войско достигло Ура-Тюбе. Из уважения к алидскому происхождению Махмуд-хана-тора Умар-хан направил к нему посланца, делая вид, что намеревается заключить мир. Правитель Ура-Тюбе, поверив этому, вышел из арка Муг, был задержан в ханской ставке и отправлен в Коканд. Ему было решено передать в управление Маргилан или Андижан. Хакимом Ура-Тюбе назначили Раджаба кушбеги.

Вскоре после ухода кокандского войска Мухаммад-Рахим аталык, один из предводителей йузов и кырков, опираясь на эти два племени, вступил в Ура-Тюбе и через день-два заставил Раджаба кушбеги сдать арк. Кушбеги вернулся в Коканд. В войске пошел слух, что Раджаб кушбеги и Мухаммад-Рахим аталык — друзья со времен их пребывания в Бухаре и что первый тогда еще обещал второму побудить кокандского хана на захват Ура-Тюбе, и в случае успеха Раджаб уже в качестве хакима якобы обещал передать Ура-Тюбе своему другу. Прослышав об этом, хан на десятом году правления (ок. 1819 г.) назначил хакимом Тора-кургана Ер-Назар-бека диванбеги — «из доверенных дядей по матери (тагайан)» и отправил вместе с ним Раджаба кушбеги. Затем к Ер-Назар-беку послали нарочного с приказом убить Раджаба кушбеги и бросить его тело в Сырдарью, что и было сделано (с. 103—105)[51].

В том же году хитай-кипчаки и каракалпаки — кочевники окрестностей Самарканда и Джизака — направили Умар-хану послание с

[49] См. также: ТШ, С 468, л. 122а—128а.

[50] См. также: РТШ, л. 35а—б; ТШ, С 468, л. 128а—129б. В ряде списков отмечено, что закладка и завершение строительства соборной мечети произошли на шестом (ок. 1815 г.) и седьмом (ок. 1816 г.) годах правления Умар-хана, что неточно.

[51] См. также: ТШ, С 468, л. 134б—138а.

просьбой выступить на Джизак и оказать им поддержку. Собрав войско Ферганы, хан выступил в поход. Делая остановки в Кош-купруке, Бешарыке, куруке Канибадама и Каракчикуме, он на пятый день прибыл в Ходжент. После трехдневного отдыха, выступив на четвертый день, войско остановилось в Коштегирмане. В этот же день к нему присоединились Лашкар с войском Ташкента и Дашт-и Кипчака и начальники Курамы со своими силами, пройдя через Хайрабад. На военном совете решили оставить в тылу без внимания ура-тюбинских йузов как врагов, не представляющих для них никакой угрозы, и двигаться на Джизак. Пройдя через Хавас и Йам, осадили Джизак. Часть войска (чапаул) была послана для нападения на населенные пункты «вплоть до ворот Самарканда». В течение сорока дней хан принимал посланцев от кочевников Джизака, Самарканда и Мийанкала, обмениваясь с ними подарками. Между тем доведенные до отчаяния джизакцы сделали вылазку, нанеся кокандцам большой урон. Были убиты хаким Шахрихана Джилаудар 'инак и отец автора ТШ. После этого Умар-хан снял осаду Джизака. Сделав остановки в Замине и на день-два под Ура-Тюбе, он через следующие шесть дней вернулся в Коканд (с. 99—102)[52].

На одиннадцатом году правления (ок. 1820 г.) Умар-хан выдал свою племянницу, дочь Алим-хана, замуж за Саййид-хана-тора, сына Махмуд-хана-тора Ахрари.

В том же году Базаркул михтар, приближенный раб хана, помимо михтарства командовавший отрядом (туг) восточнотуркестанцев (таглик), подразделениями афганов, горцев Чадака и Пансадгази, и бекбачей, а также сосредоточивший в своих руках почти всю власть в столице, купил между махаллями Исфаринских ворот и бек-бачей большую часть дворов и стал строить для себя дворец. После его постройки на двенадцатом году правления (ок. 1821 г.) он пригласил туда хана, устроил ему пышную встречу и раздал щедрые подарки его приближенным. Воины и подданные — жители четырех махаллей, расположенных поблизости к новому дворцу,— в течение года пользовались бесплатно столом михтара. Хан гостил у него 12 дней и хотел побыть еще, но внезапно заболел и через два-три дня по возвращении в свой дворец умер[53].

Далее в ТШ перечисляются ученые, преподаватели медресе и другие знаменитости времени Умар-хана: Закир-ходжа ишан шайх ал-ислам Намангани, Ишан Маулави-йи Махдуми Намангани, Дамулла Мирза кази-калан, Дамулла Мир Джалал, Дамулла Му'мин-Джан, Дамулла Абд ал-Карим, Дамулла Махдум-и зард, Маулави Кабули, Дамулла Ариф Пискати — отец Махдум-и Хаммам — преподавателя медресе Хаммам, Дамулла Махдум — отец Дамуллы кази Баба-йи а'лам. Затем названы приближенные эмиры Умар-хана: брат бухарского эмира Хайдара Исхак-бек, Султан-хан-тора-йи Ахрари, Махмуд-хан-

[52] См. также: ТШ, С 468, л. 129б—134а. В тексте рассказ о походе на Джизак предшествует рассказу об ура-тюбинских делах (о захвате Махмуд-хана-тора, о Раджабе кушбеги и Мухаммад-Рахим аталыке).

[53] ТШ, С 468, л. 138а—139б.

тора-йи Ахрари, Ма'сум-тора-йи Махдум-и А'зами — муж Афтаб-айим — родной сестры Умар-хана, Тора-ходжа ходжа-йи калан-и Махдум-и А'зами, Ишан-хан-тора-йи накиб, Тора-хан-тора-йи накиб, Джахангир-хан-тора-йи Саййид Афаки. Этот список, как и другие сведения источника в отношении просопографии светских, духовных, должностных и других лиц, содержит дополнительный ценный материал для изучения самых различных сторон жизни КХ.

Большим авторитетом при дворе Умар-хана пользовались шейхи, саййиды и ученые, в частности Маулави Намангани (приводятся его пространные религиозно-этические наставления хану во время маджлиса) (с. 107—110)[54]. В РТШ (л. 35б—36б) перечисляются поэты времени Умар-хана, чьи стихи вошли в антологию «Маджму' аш-шу'ара», и сообщается, что он правил 12 лет и прожил 38 лет, от него осталось два сына — Мухаммад-Али-хан и Султан-Махмуд-хан — оба от Махлар-айим —«дочери ферганских ханзада».

В конце осени 1238 г. х.[55] (конец 1822 — начало 1823 г.), в год лошади на престол был возведен четырнадцатилетний Мухаммад-Али-хан. По ТШТ (л. 124а), ему было 16 лет, что согласуется с данными РТШ (л. 50а): он прожил 38 лет и правил 22 года. Церемонией возведения руководил его тесть Йусуф мингбаши Кашгари (он же —«таглык», т. е. «восточнотуркестанец»). На втором году его правления в год овцы (начало 1824 г.) Исхак-тора, сын Айчучук-айим (родной сестры Умар-хана и родственницы Мухаммад-Али-хана), был назначен вали и хакимом Тора-кургана. По ТШ, С 467 (л. 64а), С 469 (л. 66б), № 942 (л. 75б) и № 1787 (л. 87а), Исхак-тора был сыном Афтаб-айим. На третьем году правления (ок. 1825 г.) он как неугодный и опасный был изгнан в Бухару.

В том же году Йусуфа мингбаши сделали хакимом Маргилана, а на место мингбаши и главнокомандующего (амир-и лашкар) назначили Хаккули йуза. И в это же время из Бухары (по РТШ, из Пешавара) прибыл в Коканд Хазрат-и Сахиб-зада ишан, согласно приводимому здесь та'риху, он прибыл в 1242/1826 г. На четвертом году правления (ок. 1826 г.) из Коканда изгнали Ма'сум-хана-тора, а на пятом году (ок. 1827 г.) Йусуфа мингбаши изгнали в хадж, и он умер в пути. На шестом году правления (ок. 1828 г.) умерла Афтаб-айим, тетка Мухаммад-Али-хана; на седьмом (ок. 1829 г.), «стараниями клеветников», казнили Ер-Назар-бека диванбеги и Хушвакта кушбеги йуза. На восьмом году правления (ок. 1830 г.) михтаром столицы сделали Айса-бека Андижани. В этом же году Мирзой Йадгаром было завершено строительство медресе Хан, дата этого события по хиджре 1246/1830 г.[56]

Далее следует цепь известий о Восточном Туркестане[57]. Известия

---

[54] См. также: ТШ, С 468, л. 139б—143б.

[55] ТШ, С 468, л. 146а. ТШП (с. 113) дает «год лошади» (1239 г.), но 1239 г. х. соответствует год овцы или обезьяны.

[56] ТШП. С. 111—113; ТШ, С 468, л. 144а—147а; РТШ, л. 36б—38а.

[57] Подробнее см.: *Бейсембиев Т. К.* Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане //Актуальные проблемы советского уйгуроведения: (Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции). Алма-Ата, 1983. С. 244—250.

эти в основном касаются двух грабительских походов кокандских войск в Восточный Туркестан. В ТШ дана неточная датировка этих событий (см. приложение 1). По другим источникам они датируются правильно — 1826 и 1830 гг.[58]. Сначала сообщается о бегстве в Кашгар Джахангир-ходжи[59] с несколькими тысячами кашгарцев и кокандцев. На следующий год вслед за ним бежал Айса-бек михтар, который затем стал побуждать Джахангира осадить китайскую цитадель (гулбаг) в Кашгаре, что тот и сделал. Его действия были расценены кокандской знатью как авантюристические. Поэтому Мухаммад-Али-хан и его сановники решили выступить под лозунгом газавата на Кашгар, считая, что Джахангир-ходжа все равно обратится в бегство и оставит им вести дела с Китаем, ибо ходжи — слуги кокандского двора и поступки их будут отнесены на их счет[60]. В Коканде был оставлен с третью войска Мухаммад-Шариф аталык, а основные силы с ханом двинулись на Кашгар.

Джахангир-ходжа встретил хана не сходя с лошади, он снял своих воинов с осады гулбага, находившегося внутри Кашгара, для того чтобы предоставить вести ее ханскому войску. Кокандцы сделали подкоп и, заложив порох, взорвали с одной стороны стену и устремились в пролом. «Неверные» отбили три приступа. Во время четвертого хан при виде больших потерь приказал снять осаду. Всех «павших за веру» похоронили на мазаре Аппак-ходжи. После недельного отдыха кокандское войско, «благословив Джахангир-ходжу», ушло в Фергану[61]. По РТШ, хан оставил при нем Хаккули мингбаши с опытными воинами. Спустя 15 дней[62] гулбаг был взят, и Джахангир-ходжа известил об этом хана[63]. На следующий год китайское войско отвоевало Кашгар у Джахангира. Его схватили, а тысячи кашгарцев с семьями бежали в Коканд и остались при хане[64].

В следующем году было завоевано Ура-Тюбе. На другой год отправили Абд ар-Рахмана шарбатдара и Дамулла Ер-Назар ахунда с посольством к халифу в Рум (т. е. к турецкому султану.— *Т. Б.*)[65]. Посольство с дарами было принято халифом и отпущено с ответными

---

[58] *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах //Собр. соч. в 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 142, 146.

[59] Во всех списках (кроме ТШ, С 468) вместо Джахангир-ходжи ошибочно фигурирует его сын Бузрук-ходжа.

[60] ТШ, С 468, л. 148а.

[61] ТШП. С. 114—115; ТШ, С 468, л. 147а—150а.

[62] По ТШП (с. 116) и другим спискам, — через месяц.

[63] РТШ, л. 40а.

[64] ТШ, С 468, л. 150а—б.

[65] Текст письма Мухаммад-Али-хана турецкому султану см. в кн.: «Мунша'ат, нишан ва йарлигха» (рук. ИВ АН ТаджССР, № 2689, л. 93а—94а). Согласно османскому официальному документу, послы выехали из Коканда 19 октября 1831 г., прибыли в Стамбул 21 октября 1832 г. и были приняты при султанском дворе 4 января 1833 г. (*Bacqué-Grammont J.-L.* Tûrân: Une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après un document ottoman //Cahiers du monde russe et soviétique. XIII. № 2. 1972. P. 194, 198, 229).

подарками, среди коих были два обрезка ногтей и один волос пророка Мухаммада. Абд ар-Рахман шарбатдар умер на обратном пути. По случаю возвращения посольства Мухаммад-Али-хан устроил всеобщий прием (маджлис-и 'ам). На следующий год кокандское войско с лозунгом священной войны направилось против китайцев на Кашгар. Через четыре дня оно вступило в вилайет Ош и остановилось у мазара Хазрат-и Асаф. Здесь на совете было решено, что хан вернется в столицу, а Хаккули мингбаши и Мухаммад-Шариф аталык станут соответственно предводителем войска и амир-и лашкаром и отправятся в Кашгар. После трехдневного отдыха войско двинулось дальше, за четыре дня перешло через перевал и остановилось в Накара-Чалды. На другой день оно уничтожило китайскую заставу с гарнизоном в 200 чел. На следующий день был разгромлен и частью пленен отряд, состоявший из китайцев и ойратов (калмак) численностью, по одним спискам, в 3 тыс.[66], по другим, в 10 тыс. чел[67] На другой день пленные с трофеями были отправлены в сопровождении Танды 'инака к хану в Коканд, а кокандское войско вступило в Кашгар[68].

К тому времени (т. е. к 1830 г.) китайцы разрушили старый гулбаг и построили новый на расстоянии санга[69] от Кашгара. Высота глинобитных стен гулбага составляла 12, а толщина — 15 газов[70], так что по ним проезжали кокандские и китайские арбы (по РТШ, л. 42а, две арбы), а огонь кокандских пушек и фальконетов был для этих стен не опасен. Крепость была хорошо обеспечена порохом и нефтью, гарнизон укомплектован китайцами и ойратами[71].

Кокандцев встретила вся знать вилайета Кашгар. Ночью провели совет, а на другой день обложили новый гулбаг, разбив на расстоянии полета стрелы от него лагерь. Близ крепостных стен были сооружены щиты для прикрытия осаждавших. Каждый день амир-и лашкар и мингбаши объезжали крепость и, раздавая деньги, подбадривали войско. Подкопы довели до крепостного рва. Ежедневно проводилась артиллерийская перестрелка. На десятый день осады[72] на рассвете, когда войско спало в лагере, китайцы сделали вылазку и овладели осадными позициями, перебив часть мусульман. Но затем их выбили подоспевшие из лагеря силы во главе с Хаккули мингбаши и Мухаммад-Шариф аталыком. «Мучеников за веру» похоронили на мазаре Аппак-ходжи. Через два дня в крепость направили посредника, который передал китайскому главе, что кокандцы уйдут, если тот будет

---

[66] ТШ, С 467, л. 66б; С 469, л. 70а; № 1787, л. 91б и № 942, л. 79а.

[67] ТШ, ПНС 174, л. 102а; ТШ, С 468, л. 151б; ТШП. С. 117; РТШ, л. 41б и ТШТ, л. 133б.

[68] ТШ, С 468, л. 150б—152а; РТШ, л. 40б—42а.

[69] 1 санг=8,5—9,5 км. (*Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. /Пер. с нем. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 120). В РТШ (л. 42а) вместо *санга* указан *фарсах,* что, по существу, одно и то же.

[70] 1 ферганский газ=62—64 см. (*Хинц В.* Мусульманские меры и веса; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. С. 114).

[71] ТШ, С 468, л. 152а—б; ТШТ, л. 133б—134а.

[72] ТШ, С 467, л. 67а.

управлять мусульманами «с мягкостью» и не допустит вмешательства в их внутренние дела. Условия были приняты. По РТШ (л. 43б), китайский военачальник послал хану много йамбу[73], китайские товары, фарфоровые сосуды, несколько лошадей и верблюдов и много «чистого» чая, согласившись делать это каждый год; было заключено соглашение о том, что мусульманским купцам не будут чинить препятствий, а закат и пошлину (бадж) с них будут взимать сами кокандцы. Тогда войско отошло в Кашгар и, забрав сторонников кашгарцев, через несколько дней вернулось в Коканд (с. 118—121)[74].

Во время этого похода Мухаммад-Рахим-аталык-бек йуз, считая момент благоприятным, решил вернуть власть над Ура-Тюбе. Войдя туда, он остановился во дворе Салих-ходжи ишана. Тот известил хакима Ура-Тюбе Шахи кушбеги. Последний со стрелками ворвался во двор. Мухаммад-Рахим аталык был застрелен. Хаккули мингбаши, будучи родственником (кариндаш) последнего, по возвращении из кашгарского похода перед ханом неодобрительно отозвался о действиях Шахи кушбеги, ссылаясь на законное право аталыка требовать возвращения наследственного владения. Это вызвало вражду между Шахи кушбеги и Хаккули мингбаши. Следующий год (по ТШ, С 468, л. 157а, четырнадцатый год правления Мухаммад-Али-хана, т. е. 1835—1836 гг.) был ознаменован враждой между Лашкаром бекларбеги и Хаккули. В том же году имел место поход на Талас. Наконец, Шахи кушбеги, «объединившись с несколькими людьми», добился казни Хаккули. Это произошло, по С 468 (л. 157а), на пятнадцатом году правления (ок. 1836 г.). На шестнадцатом году (ок. 1837 г.) усилиями Мухаммад-Шариф аталыка и других кокандских военачальников были завоеваны Каратегин и Дарваз. Правителем (вали) Каратегина назначили Шахи кушбеги. Победители взяли с собой в Коканд хакима Дарваза Шах-Султан-Махмуда (по ряду списков, Султан Махмуд-хана). Он умер в пути, и его похоронили на мазаре Шахимардана. На семнадцатом году правления (ок. 1838 г.) изгнали в хадж Ходжу кушбеги, владельца кирпичного моста в Коканде[75].

В конце этого года был задержан бухарский посол, что послужило причиной начала смуты. В том же году кокандское войско было послано во владения эмира Бухары на Пшагар, где была заложена крепость и в ней был оставлен отряд во главе с Гадай-бай дадхахом курама. Через месяц[76] эмир Бухары взял и разрушил эту крепость. На восемнадцатом году правления (ок. 1839 г.) в районе Йама и Замина произошли встреча и стояние бухарского войска и посланных ханом сил Ташкента и Курамы во главе с амир-и лашкаром Мухаммад-Шариф аталыком. В том же году ханом был обижен и изгнан в хадж ишан Хазрат-и Сахиб-зада. Он совершил хадж дважды — в 1260/1844 и в 1261/1845 гг. На девятнадцатом году правления (ок. 1840 г.) хан, полу-

[73] Йамбу — слиток серебра, крупная денежная единица в старом Китае.

[74] См. также: ТШ, С 468, л. 152б—155а.

[75] ТШ, С 468, л. 155а—157б; РТШ, л. 43б—44б. Датировка дана по списку ТШ, С 468 как более точная.

[76] ТШ, № 942, л. 83а.

чив известие о движении войска бухарского эмира, сделал амир-и лашкаром Мухаммад-Шариф аталыка и послал его с войском навстречу. Через неделю хан сам неспеша двинулся вслед. Пройдя через Ходжент, он с махрамами и подразделениями «кырк батур»,«кырк мирган» и гала-бахадурами остановился в Ходжентском проходе. В тот день авангард эмира, достигнув Ура-Тюбе, завязал бой с ханским войском. Когда перевес в бою оказался на стороне последнего, эмир сам вступил в бой, и ханское войско было разбито. В плен попали некоторые военачальники вместе с Мухаммад-Шариф аталыком. Остатки войска, бросив обоз и обратившись в бегство, вечером достигли Ходжентского прохода. Ночью беглецы без ханского позволения в панике бежали дальше, в Коканд.

Раньше всех беглецов к хану прибыли хаким Ташкента Лашкар кушбеги с родственниками, хаким Чуста Саййид кушбеги, Бахадур (Батур) кушбеги и все другие спасшиеся военачальники и подробно рассказали о происшедшем. На следующий день хан, отпустив Лашкара кушбеги в Ташкент, отошел в Ходжент. В тот же день от эмира прибыл посол и стал побуждать хана встретиться с эмиром. Некоторые сановники поддержали посла, но другие —«кырк батур», «кырк мирган» и йузы — отговорили хана и посоветовали ему отдать Ходжент Гадайбай дадхаху курама, а самому направиться в Коканд. Когда хан, выехав из Ходжента, достиг Таш-кургана, бухарский посол еще раз пытался уговорить его выйти на встречу с эмиром, к которому, в конце концов, послали ханского сына Мухаммад-Амин-хана с подарками. Эмир занял Ходжент и Махрам и вновь направил посла в Коканд. Тот был с почестями принят и возвращен назад. Пробыв 4 дня в Махраме, эмир вернулся в Ходжент. Через 3 дня он ушел в Бухару, отдав Ходжент младшему брату хана — Султан-Махмуд-хану. Мать хана, Махлар-айим, направилась в Ходжент и примирила братьев. Султан-Махмуд-хану отдали Ташкент, а Ходжент передали Баба-Рахим 'инаку, сыну Раджаба кушбеги (по ТШП, Махмуд-Али-хану)[77].

Между тем, как пишет автор, власть хана клонилась к закату, так как он предавался излишествам и не уделял внимания государственным делам. Недовольная кокандская знать, не найдя иного выхода, тайно направила эмиру послание с обещаниями покориться. На двадцатом году правления в конце сезона скорпиона (24 октября — 21 ноября 1841 г.) эмир дошел до Махрама, но из-за отсутствия времени повернул назад[78]. На двадцать первом году правления в сезоне тельца (21 апреля — 21 мая 1842 г.) эмир пришел с огромным войском и остановился в Беш-арыке, когда в Коканд с войском Ташкента прибыл Султан-Махмуд-хан. Эмир сделал остановку в Сарыгсу и Найманча. Его передовой отряд окружил Коканд конными разъездами. Переместившись в Айим-кишлак, эмир три дня осаждал город с юго-запада. Кокандское войско сражалось без рвения, город не имел укреплений. Несмотря на это, осада длилась неделю. Наконец, благодаря

[77] ТШ, С 468, л. 157б—160а; РТШ, л. 45а—47б; ТШП. С. 122—134.

[78] По РТШ (л. 48а), это произошло в сезоне тельца этого же года (20 апреля — 20 мая 1841 г.), и эмир дошел до Беш-арыка.

превосходящей численности сторонников мангытов, которые набрали пополнение из населения окрестных кишлаков, а также из-за смуты внутри Коканда, мангыты ворвались в город. Некоторые смельчаки продолжали бой на берегу Сая возле медресе Хана, но силы были неравные. Хан и его брат ушли в Маргилан.

По приказу эмира Коканд подвергся четырехчасовому разграблению. Грабеж дошел до таких размеров, что горожане стали тайком убивать мангытов. Эмир приказал казнить Махлар-айим. Она сказала: «Эй, развратник! Если б ты с обеих сторон (т. е. с отцовской и материнской.— *Т. Б.*) был падишах-зада, ты не совершил бы такого! Ты, оказывается, не шах!» Ей немедленно отрубили голову. Казнили также еще нескольких женщин, четырнадцатилетнего Мухаммад-Амин-хана и некоторых ханских приближенных. Лицам, обосновавшимся в Фергане, независимо от их положения повелели вернуться в вилайеты прежнего жительства. Объявили, что, если не разыщется Мухаммад-Али-хан, жителей Коканда будут истреблять три дня. Тогда хан решил сдаться добровольно. С помощью Махмуд-ходжи он был доставлен на арбе к эмиру, его тут же казнили. Казнили также Султан-Махмуд-хана. После этого эмир отменил распоряжение о выселении неферганцев. Знать, ученые и умелые люди, красивые женщины были увезены в Бухару. Туда же вывезли изъятое оружие и снаряжение. Завоеванные вилайеты распределили между бухарцами. Через 17 дней эмир, оставив управлять Ферганой Ибрахим-Хайала тарйаки мангыта, отправился в Бухару. Мухаммад-Али-хан прожил 38 лет, правил 21 год и был убит в 1258/1842 г.[79]

Оценка в ТШ изложенного периода истории КХ в одном случае облечена в форму пророчества Алим-хана, заявившего, что кучка смутьянов, увезшая в Коканд «слабейшего из людей»— Умар-хана,— в конце концов «ввергнет эту страну под копыта неприятельских скакунов и под стопы врагов» (с. 79), в другом — вложена в уста приближенных эмира Бухары: «Узбеки, убрав Алим-хана, оставили государство в руках слабейших правителей, поделив между собой страну, и междоусобной враждой довели ее до погибели» (с. 141—142).

Рассказ в ТШ о периоде 1810—1842 гг., хотя и более краток, чем о правлении Алим-хана, тем не менее ценен богатством фактического материала. Несмотря на некоторую (это касается периода правления Умар-хана) и даже значительную (речь идет о большинстве событий первых шестнадцати годах правления Мухаммад-Али-хана) неточность в датировке событий, последовательность и достоверность их подтверждаются другими источниками. Неточность в хронологии может быть объяснена тем, что Нийаз-Мухаммад, строго придерживаясь принципа изложения по каждому году правления, не имел достаточного материала по некоторым годам и поэтому для заполнения пробела сознательно распределил часть материала на другие годы.

Известия ТШ позволяют заключить, что устранение Алим-хана означало возврат к прежним формам правления, при которых дейст-

[79] ТШ, С 468, л. 160а—163а; РТШ, л. 47б—50а; ТШП. С. 134—136.

вия хана контролировались той или иной дворцовой группировкой. Вместе с тем, при Алим-хане изменения в составе господствующего класса способствовали тому, что последний стал этнически более пестрым. Эта тенденция усилилась в последующие годы, когда в состав правящей элиты КХ влилась знать йузов, потомков Ходжи Ахрара и др. Возросли политическая роль и влияние духовенства, особенно при Умар-хане, что фиксировалось брачными связями с кланом кокандских ханов. С другой стороны, расправа над ханскими родственниками со стороны Минг-айим Ирискули-беком, Му'мин-беком и Ер-Назар-беком ослабили позиции клана мингов. Все это с учетом незавершенной Алим-ханом социальной перестройки господствующего класса на феодальной основе и отсутствия сильной верховной власти при его преемниках создало почву для острой борьбы дворцовых группировок, по-видимому, нередко принимавшей формы меж- и внутриклановой вражды. Появилась цепь сменявшихся временщиков и фаворитов, как правило, недолговечных. Эта борьба и обусловила ослабление КХ и завоевание его бухарскими мангытами. Обвинения в этом, бросаемые в ТШ узбекским главам, приводят к выводу о том, что эти враждовавшие группировки состояли в основном из представителей узбекской родоплеменной знати дашткипчакского происхождения.

Ярко обрисована в источнике внешняя политика, отличавшаяся большой активностью и разнонаправленностью. Приводятся ценнейшие данные о ходе, маршрутах и продолжительности походов, из которых можно почерпнуть сведения по военной истории и исторической географии, например установить темпы и скорость движения кокандских войск. Территориальные захваты при всей их масштабности не могли укрепить КХ и обеспечить защиту от нападения бухарских мангытов, так как завоеванные области представляли собой главным образом кочевую периферию и стояли на еще более низкой стадии общественного развития, чем Фергана. Значительный интерес вызывают известия о Восточном Туркестане, из которых видно, что правящие круги КХ, используя шаткость режима Цинов в Восточном Туркестане, преследовали своекорыстные цели, чуждые освободительным устремлениям народов Синьцзяна. Тем не менее, хотя Коканд не представлял для Цинов реальной угрозы, походы его войск объективно помогали освободительной борьбе народов Восточного Туркестана. И, кроме того, в КХ находили убежище тысячи кашгарцев, спасавшихся в соседней родственной стране от репрессий Цинов.

Версия истории завоевания КХ бухарским эмиром, изложенная в ТШ более кратко, чем в «Мунтахаб ат-таварих» и «Тухфат ат-таварих-и хани», во многом самостоятельна. В ней, в частности, содержатся уникальные данные о подробностях гибели популярной узбекской поэтессы Надиры (Махлар-айим) — ее предсмертные слова. Смысл этих слов более понятен благодаря замечанию в «Тухфат ат-таварих-и хани» о «низкородности» бухарского эмира Насраллаха, матерью которого была шугнанка, а отцом — мангыт[80]. Вероятно, эти слова были самым

[80] ТТХ, л. 230б.

сильным оскорблением для повелителя Бухары, что окончательно решило трагическую судьбу поэтессы.

Итак, уникальные или очень редкие факты источника по 1810—1842 гг. следующие: дальнейшая судьба формирований горцев и их военачальников; набег Йусуфа мингбаши в сторону Самарканда; обстоятельства постройки соборной мечети в Коканде; маршруты, время и подробности походов на Ура-Тюбе, Джизак и Кашгар; подробности посольства в Стамбул; бóльшая часть сведений о конкретных временщиках и фаворитах (Раджаб кушбеги, Йусуф мингбаши, Базаркул михтар, Лашкар кушбеги, Шахи кушбеги, Хаккули йуз и Мухаммад-Шариф аталык); имена ряда других представителей господствующего класса, в том числе — духовенства; поход кокандцев на Талас (30-е гг. XIX в.); ряд подробностей завоевания Ферганы эмиром Бухары. Наконец, в ТШ есть сведения по генеалогии кокандских мингов, отсутствующие в других источниках; о том, что Му'мин-бек и Ер-Назар-бек приходились Алим-хану и Умар-хану дядьями по материнской линии (Минг-айим), т е. они также были мингами; о том, что породнившийся с домом кокандских ханов Саййид-хан-тора был сыном Махмуд-ханатора-йи Ахрари. Этот брак связывал кокандских мингов как с потомком влиятельного рода Ходжи Ахрара, так и с уратюбинскими йузами, поскольку Махмуд-хан-тора был сыном сестры правителя Ура-Тюбе Худайар-бия йуза[81].

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО В 1842—1871 гг.

Власть бухарских мангытов, как отмечается в ТШ, легла тяжким бременем на ферганцев. Произвол наместника эмира усиливал общее недовольство. Через 2 месяца и 17 дней «сарты, кипчаки и киргизы в союзе со всем народом Ферганы» привезли Шир-Али-хана ибн Хаджи-хана ибн Абд ар-Рахман-хана ибн Абд ал-Карим-хана из Таласа, куда он уехал при Алим-хане, и провозгласили ханом в Сафид-булане, близ Касана. Через два дня ими был захвачен Касан, а затем после осады взята крепость Тора-курган, хаким которой Инайаталлах-ходжа Джуйбари и воины-мангыты попали в плен. Через три дня направили Кош батурбаши йуза (который был при Мухаммад-Али-хане батурбаши Тора-кургана) с «прежним» войском Тора-кургана на Чуст. Вскоре Чуст был взят, и его хаким из числа мангытов также был пленен вместе с мангытским гарнизоном[82].

Затем после сбора войска ферганцы двинулись на Коканд и, форсировав Сырдарью, остановились в Султан Байазе[83]. Наместник эмира вызвал из Ходжента военачальника Тилава Кабила, но при приближении войска ферганцев отступил в Ходжент. После въезда в Коканд Шир-Али-хан был провозглашен ханом в 1258/1842 г. Было решено обнести Коканд стеной со рвом. Через сорок дней к приходу врага

[81] ТАМ, л. 15б.
[82] ТШТ, л. 154б—155а.
[83] По ТШТ (л. 155б), Султан Байаз — мазар.

город успели окружить полукольцом стен, обращенных к западу[84]; с незащищенной стороны устроили заграждения (джиб). Эмир штурмовал Коканд три дня со стороны Айим-кишлака (с юго-запада); шесть дней с юга — со стороны Муй-и Мубарак,— откуда в город втекал водный поток (сай); семь дней с востока со стороны ворот Риштан и Алтыарык. После чего, атаковав ворота Маргилан и Таглик, мангыты через ворота Таглык проникли в город по улице Наубахар, но были отброшены. По ТШТ (л. 162б), во время этого боя кокандцы окружили, уничтожили или пленили ок. 2 тыс. человек. За два месяца осады эмир понес огромные потери. По ТШТ (л. 161б), он потерял не менее 10 тыс. сарбазов убитыми. В это время в Коканд бежали кокандские заложники эмира, такие, как Шади дадхах и Мусулманкул кипчак. Эмир снял осаду и ушел в Бухару, отдав Ходжент Ходжа-йи Калану Джуйбари. По пути, в Нау, он отпустил всех оставшихся заложников, таких, как Тангрикули (Таныркул) шигаул, Азим-бай кушбеги, Салих судур, Мухаммад-Нийаз худайчи, Танды 'инак, Мухаммад-Карим йасаул, Катурма агалык и др. Всех их приняли на кокандскую службу. После ухода эмира сооружение укреплений вокруг Коканда было завершено, и «кипчаки, киргизы и сарты стали совещаться» о государственных делах. Управление Йар-Мазаром (т. е. Маргиланом) передали Шади дадхаху б. Шахи кушбеги[85].

В Ташкенте сидел ставленником эмира Мухаммад-Шариф аталык. Когда попытки подчинить Ташкент Коканду дипломатическим путем оказались тщетными, туда направили войско из тюрков, кипчаков и сартов под начальством Малла-хана — среднего сына Шир-Али-хана и Йусуфа мингбаши киргиза. Боевой дух войска был высок, потому что в памяти были совсем свежи погромы, произведенные войсками бухарского эмира, от которых пострадали многие кокандцы. Войско, пройдя через Кендыр-даван, курук в местности Уйшун и Кереучи, штурмом взяло и разорило кураминскую крепость Бука, где вместе с родом тама укрывались 1000 сторонников эмира во главе с Гадай-баем курама и Абд ар-Рахман митаном Бухари. Гадай-бай курама и Абд ар-Рахман бежали в Ташкент.

На другой день кокандское войско двинулось дальше, сделав однодвухдневные остановки в Пскенте (Пискат) и Той-тепа. В Ташкент послали лазутчиков выяснить позицию городской верхушки — знатных кокандцев и ташкентцев, таджиков и сартов. Последние, такие, как Бек-Мухаммад аксакал, Дамулла Салих-бек ахунд, Зухур ишикакабаши таджик и все йузбаши таджиков и сартов и др., направили ночью Бек-Мухаммад аксакала с ответным посланием о готовности поддержать ферганцев, чтобы совместными усилиями «устранив... степняков-казахов», «очистить зеркало этого владения от пыли скверны этих притеснителей». Получив это известие, кокандское войско вышло из Той-тепа и остановилось в Кавардане. Мухаммад-Шариф аталык, полагаясь на казахское племя санчклы, с войском Ташкента и казахов, в котором

[84] По ТШТ (л. 159а), незащищенной осталась треть окружности Коканда.
[85] РТШ, л. 50а—54б; ТШ, С 468, л. 162б—170б; ТШП. С. 136—144.

царил разброд, перешел реку Салар и остановился в Тиллагуч-тепа, так что обе стороны разделяла река Чирчик.

На ночь в обоих войсках выставили дозоры и сторожевое охранение (ираул ва чиндаул). Утром кокандцы форсировали Чирчик и завязали бой, выдвинув вперед стрелков, за которыми укрылись главные силы, состоявшие из конницы. Не устояв перед огнем стрелков, казахское войско бежало. Атака кокандской кавалерии обратила в бегство ташкентское войско. Через несколько часов укрывшийся в арке Ташкента аталык сдался на милость победителей, которые, вновь утвердив в своих должностях городскую знать, аксакалов селений, биев кочевников и передав Ташкент на имя Сарымсак-бека, старшего сына Шир-Али-хана, назначили за отсутствием последнего хакимом Мухаммад-Карима калла Маргинани, а батурбаши — ведающим делами войска и кочевников (йурт) — Дауран-бека дадхана таджика. Мухаммад-Шариф аталык с родственниками был отправлен к хану в Коканд.

После месячного отдыха войско вернулось в Коканд. По пути домой был назначен хаким в Кереучи и присоединен Ходжент, добровольно переданный под кокандскую власть Ходжа-йи каланом Джуйбари, и покорены Нау и Коштегирман. Мухаммад-Шариф аталык и его младший брат Абд ал-Али были казнены. Через несколько дней в Ташкент направили Сарымсак-бека и людей, оставшихся из окружения Мухаммад-Али-хана (Азим-бая кушбеги, Тангрикули (Таныкули) дадхаха и др.), с тем, чтобы занять там высшие должности, а также некоторых опытных кокандских воинов[86].

Через несколько дней Мусулманкул кипчак уехал из Коканда к соплеменникам и, собрав их в местности Ак-тепа под Шахриханом, поднял мятеж. На подавление его послали войско во главе с Йусуфом мингбаши киргизом. Войско и мингбаши были настроены решительно, но Шади дадхах, хаким Маргилана, воспрепятствовал их действиям и стал посредником между враждующими сторонами. В результате было принято соглашение, по которому мингбаши и Шади поменяли в должностях, Мусулманкула сделали хакимом Андижана и передали под его ответственность кипчаков.

Спустя некоторое время Мухаммад-Назар-бек «сакав»[87], отосланный ранее в Ташкент, бежал оттуда к киргизам, родственникам жены. Затем он в союзе с батурбаши Тора-кургана Мухаммад-Назар «кулаком»[88] и по совету Мусулманкула самовольно стал хакимом вилайета Тора-курган. Мусулманкул с войском Андижана, направляясь в Тора-курган, вступил в Мир-абад. Мухаммад-Назар Кур-оглы кипчак, сын Санджар-батура[89], подчинил Шахрихан, свергнув его управителя (саркар) Танды 'инака, и присоединился к Мусулманкулу, завершив объединение кипчаков. Затем кипчаки, пройдя через Балыкчи, перешли Карадарью и остановились в Капа. Собрав в Междуречье в течение

[86] РТШ, л. 54б—62б; ТШ, С 468, л. 170б—182а; ТШП. С. 144—155.

[87] «Сакав» (узб. *соқов*) — заика, косноязычный; немой, а также тот, который звук «ш» произносит, как «с» (вероятно, прозвище).

[88] «Кулак» (узб. *қулоқ*) — «ухо», «уши» (возможно, прозвище).

[89] ТШ, № 942, л. 95б. По ТШ, С 467 (л. 84а), он — сын Санджкула.

двух-трех дней кыл-куйрук, они прибыли в Тора-курган и через пять-шесть дней намного увеличили свое войско за счет сартов и кочевников[90].

В столице решили ждать прихода Сарымсак-хана с войском из Ташкента. Однако Шади мингбаши вопреки этому решению выступил с войском против кипчаков. Перейдя Сырдарью у Гурумсарая, он прибыл в Чуст, хакимом которого был Рахматаллах дадхах (по ТШТ, л. 180а, Рахматаллах парваначи). Кипчаки приблизились к Чусту на расстояние менее санга. На следующее утро обе стороны построились в боевом порядке. Во время переговоров Шади мингбаши с Мусулманкулом последний пытался схватить его, устроив засаду. Между предзакатными и вечерними намазами Йунус таглык со своим отрядом неожиданно перешел к кипчакам, а вслед за ним — Му'мин-ходжа пансад таджик и другие сговорившиеся с кипчаками военачальники. Последними оставили Шади мингбаши, поддавшись уговорам Мухаммад-Назар-бека «сакав», махрамы и гала-бахадуры. Ночью убили Шади мингбаши, Берды-Али дадхаха йузбаши, Мир-Алима йузбаши, Худайара Йави, Мулла Изаталлаха Кухистани и некоторых других военачальников. Войско Шади ушло в Коканд. Это событие, согласно РТШ (л. 67б—68а), произошло на втором году правления Шир-Али-хана в 1260/1844 г. Хан, извещенный об этом, удалился в гарем и никого не принимал, пока через три дня не прибыл Сарымсак-хан с ташкентским войском. Через пять дней после событий под Чустом кипчаки с востока подошли к Коканду[91].

Хан выслал к ним вернувшегося из хаджа Хазрат-и Сахиб-зада с предложением мира, которое было отвергнуто. Ханское войско под общим командованием Сарымсак-хана вышло из города и развернулось вдоль восточной стороны городских стен (между воротами Маргилан и Таглык) по берегу реки Йайлама и между Таглыкской и Токайтепинской дорогами. Бой завязало ташкентское войско во главе с Дауран-дадхахом. Кипчаки в конной атаке смяли пехоту. Зрители бросились к городским воротам, подняв панику. Ташкентцы, решив, что остальные тайно сговорились с кипчаками, тоже бежали. Ханская гвардия (ата-углийан и махрамы) была загнана в городской ров. Здесь Мусулманкул обезглавил йузбашиев отряда махрамов Садык-бия и Мухаммад-Салих судура[92]. Погибло большинство опытных кокандских воинов. Кипчаки ворвались в Коканд, хватая и грабя горожан. Были убиты Азим-бай кушбеги, Тангрикули (Таныкули) шигаул, Мухаммад-Карим йасаул, Ер-Назар дадхах и др., из духовных лиц — Сулайман-ходжа шайх ал-ислам — сын Закир-ходжа ишана, Дамулла Хал казира'ис и Ал-Мухаммад кази. Сарымсак-хан бежал в Бухару; Даурандадхах, убежавший в Ходжент, был прощен кипчаками и возвращен в Коканд. Шир-Али-хан был оставлен на троне, но дела вершил Мусул-

---

[90] РТШ, л. 63а—64а; ТШ, С 468, л. 182а—183б; ТШП. С. 155—156.

[91] РТШ, л. 64а—68а; ТШ, С 468, л. 183б—189б; ТШП. С. 156—167.

[92] РТШ, л. 68б; ТШ, С 469, л. 91б. По ТШТ (л. 194а), первый был братом (дадар) Махмуда дастурханчи.

манкул. Муллу Хал-бека кипчака назначили хакимом Ташкента и отправили туда вместе с группой связанных с ним кипчаков, ташкентским войском и Дауран дадхахом.

Население Ташкента — сарты и казахи — было недовольно кипчакским переворотом. Эмир, узнав об этом, отдал Сарымсак-хану Чардару. Тогда ташкентцы послали туда Дауран дадхаха, который доставил Сарымсак-хана в Ташкент, где последнего сделали правителем, независимым от Коканда. Мулла Хал-бек и присланный позже в Ташкент Мусулманкулом Нар-Мухаммад дадхах кипчак были задержаны. В Фергане против кипчаков поднялись киргизы от Уч-кургана до Алайского хребта и осадили Ош. Мусулманкул выступил с кипчакским войском из столицы, взяв с собой малолетнего Худайар-хана, сына Шир-Али-хана. За два дня до выступления Мусулманкула киргизов разгромил со своим войском хаким Шахрихана Мухаммад-Назар Куроглы кипчак. Не успел Мусулманкул соединиться с последним, как из Коканда пришла весть о том, что Рахматаллах дадхах минг и сын Касимбек аталыка Сатыб-алды дадхах Хуканди в союзе с алайскими киргизами племени авахат привезли Мурад-хана — сына Алим-хана — и посадили его на трон, а Шир-Али-хана убили.

Горожане, однако, из осторожности не стали присягать Мурад-хану. Мусулманкул, признавая на словах власть последнего, отправился в сторону Андижана и, остановившись в Мир-абаде, казнил Мухаммад-Нийаз дадхаха худайчи, его младшего брата Мухаммад-Сабира мирахура и др. Пройдя через Балыкчи, Карук-тепа, Хазрат-и Шах-падшах и, совершив там паломничество, Мусулманкул остановился на два дня в Йулгуне[93], где провозгласил ханом Худайара. Затем, получив от жителей столицы заверения в поддержке, Мусулманкул двинулся на Коканд и вошел в него со стороны ворот Урганчи по дну втекающего в город ручья (сай) под мазаром Коктунлук-Ата. Силы Мурад-хана состояли всего из двухсот киргизов племени авахат. Поэтому он был легко побежден, а затем убит. Из кокандцев-сартов кипчаки убили Сатыб-алды дадхаха, Ахунда караулбеги — сына Ибрахим дадхаха, Мухаммад-Карим халифу, Лула халифу и др. Рахматаллах дадхах был повешен. Четырнадцатилетний Худайар-хан был возведен на престол[94]. В ТШТ (л. 72а—б) отмечается, что убийство Шир-Али-хана и воцарение Мурад-хана произошло в 1260/1844 г. Шир-Али-хан правил три года, Мурад-хан — девять дней. И вторичное провозглашение Худайар-хана в Коканде имело место в 1261/1845 г. В других списках ТШ дата воцарения Худайар-хана — 1261/1845 г.[95].

Утвердив свое господство в Фергане, кипчаки передали управление Мусулманкулу мингбаши. Задумав устранить Сарымсак-хана, они направили в Ташкент главу ордена накшбандиййа Хазрат-и Мийан-Фазл-Халил-сахиба, через которого передали Сарымсак-хану приглашение приехать в Коканд, обещая ему личную безопасность. Поверив,

---

[93] По ТШ, № 1787 (л. 132а) и другим спискам, — в Майда-йулгуне.
[94] РТШ, л. 68а—72а; ТШ, С 468, л. 189б—197а; ТШП. С. 167—174.
[95] См., например: ТШП. С. 175—177; ТШ, С 468, л. 198б—199а.

Сарымсак-хан с посланцем кипчаков прибыл в Коканд. Его сделали хакимом Балыкчи и там убили. В ТШ подчеркивается, что Мийан-Фазл-Халил был обманут кипчаками, потому что, выполняя их поручение, он не знал об их истинных намерениях. Убийство Сарымсак-хана произошло в 1263/1846—47 г. Управление Ташкентом и Дашт-и Кипчаком было передано Азизу хазиначи Чусти (Азиз-бача Чусти, Азиз-ходжа Чусти), а Кереучи — Нар-Мухаммаду кушбеги кипчаку. Кана'ат-шах таджик, которому Сарымсак-хан пожаловал управление Туркестаном, узнав от своего брата Дауран дадхаха о его убийстве, отказался подчиняться новому правителю Ташкента. Дауран дадхах ушел от брата в Бухару. Азиз, выступив из Ташкента с войском, осадил Туркестан. После семимесячной осады Азиз направил в город для переговоров сына Турсунбая чапкунчи Мухаммад-Нийаза пансадбаши, который позднее, в период первого самостоятельного правления Худайар-хана, стал мингбаши.

Кана'ат-шах сдал Туркестан с правом беспрепятственного выезда оттуда. Когда он собирался переправиться через Сырдарью, Азиз вероломно попытался схватить Кана'ат-шаха, но этому воспротивились Мухаммад-Нийаз дадхах и ташкентские пансады; и Кана'ат-шах, благополучно перейдя через реку, уехал в Бухару. Проведя 2 месяца в Туркестане, Азиз вернулся в Ташкент и через два дня получил весть о том, что Мусулманкул низложен с поста мингбаши и сослан в Аблык, а на его место поставлен Мулла Хал-бек кипчак. Азиз выразил против этого резкий протест, что заставило кипчаков вернуть Мусулманкула на прежнюю должность. Главы кипчаков — Мулла Каримкули дастурханчи, Мухаммад-Назар Кур-оглы, его сын Хал-Мухаммад дадхах и Хатимкули рисалачи, опасаясь Азиза хазиначи, побудили Нар-Мухаммад дадхаха — вали Кереучи — двинуться с войском Курамы на Ташкент против Азиза. При поддержке знати и пятисотников Ташкента Нар-Мухаммад овладел городом и выпроводил Азиза (которого Мусулманкул затем ввел в свое окружение) в Коканд. В 1266/1849 г. на пятом (по ряду списков, на четвертом) году правления Худайар-хана кипчаки обезглавили Азиза за его интриги.

В этом же году киргизы, жившие выше Намангана, восстали, но, сразившись с кипчаками в Междуречье западнее Чуджа, в окрестностях Балыкчи, потерпели поражение. Сами кипчаки вели междоусобную борьбу. Мулла Хал-бек кушбеги, Мухаммад-Йар дадхах, Джум'а-бай дадхах, Рахманкулча (Рахманча) дадхах, враждуя с Мусулманкулом, уехали из Коканда в родные места в сторону Андижана. Через четыре месяца они ворвались с войском в Коканд, но были разбиты и все четверо убиты по приказу Мусулманкула. По РТШ и ТШ, С 468, на шестом (по другим спискам, седьмом) году правления (ок. 1850 г.) вследствие междоусобиц среди кипчаков Мулла Каримкул уехал из столицы к соплеменникам, а от них — в Ташкент к Нар-Мухаммаду кушбеги. Бежали в Ташкент (вилайет Таш) также Кулбаба рисалачи и некоторые другие сановники. В 1268/1851 г. на седьмом или восьмом году правления Айса-бек, настоящее имя которого Исхак-бек, правитель Ура-Тюбе из потомков Кулика, оставил свой вилайет и поступил на

службу в Коканд. В 1269 г. х. на десятом году правления (ок. 1853 г.) была завершена перестройка Мусулманкулом дворца прежних ханов Иски-урда в медресе Худайар-хана, начатая на девятом году его правления. В 1272/1855 г., на одиннадцатом году правления, от Сырдарьи был отведен канал Чини-абад (Катта-арык), у конца которого основан кишлак Бахр-абад[96].

Когда наступил двенадцатый год правления (ок. 1856 г.), власть кипчаков вызвала всеобщее недовольство. Особенно сплотила сартских, таджикских и узбекских воинов казнь кипчаками представителей духовенства — шайх ал-ислама Намангани — муддарриса соборной мечети, халифы Сафа, Дамулла Хал-Мухаммад ра'иса и Дамулла Ходжамкули а'лама и др.

Противники кипчаков в Коканде, выбрав удобный момент, подняли знать и пятисотников Ташкента на возмущение. Тогда Мусулманкул с войском осадил Ташкент, но потерпел неудачу и вернулся в Коканд. Через месяц он вновь двинулся на Ташкент, прошел мимо него и прибыл в Чимкент, где собрал у казахов закат и некоторые налоги. Затем его войско подступило к Ташкенту. До его выступления Мулла Каримкул и другие кипчаки — враги Мусулманкула со своими сородичами, пятисотники Ташкента, Мухаммад-Нийаз кушбеги, Мухаммад-Касим мингбаши, Йа'куб-бек Каши (?) (но не Кашгари), Мухаммад-Раджаб курбаши, Камбар шарбатдар, т. е. сарты, таджики и узбеки, в союзе с ханом начали совместные действия против Мусулманкула. Мулла Каримкул дастурханчи, Кулбаба дадхах и др. тайно прибыли из Ташкента в Коканд.

В то время как войско Мусулманкула было занято грабежом окрестностей Ташкента, часть предводителей этого войска, такие, как Хал-Мухаммад дадхах — хаким Шахрихана — и их люди, послали в Ташкент весть о том, что если Нар-Мухаммад кушбеги устроит вылазку из города, то они, забрав с собой хана, перейдут на его сторону. Тогда пятисотники Ташкента устроили небольшую вылазку. В ту ночь от войска Мусулманкула в Ташкент перебежали хаким Маргилана Утамбай кушбеги кипчак и хаким Намангана. Наутро разгневанный Мусулманкул возобновил военные действия. Из Ташкента вышло войско, и произошла решительная битва, которую Мусулманкул проиграл. Его военачальники, как было условлено, взяли с собой хана и вошли в Ташкент. Мусулманкул через Аблык, Чадак, берегом Сырдарьи по дороге Уйгур-маргзар и через Уч-курган бежал в Кетмень-Тюбе (Китман-тепа) к своему тестю[97].

Хан, пробыв вместе с войском сартов, кипчаков и киргизов в Ташкенте несколько дней, назначил Утамбая (Утаббай) кушбеги на пост мингбаши и вернулся в Коканд. В Абдаллах-беке ибн Саййид-кули-беке, который временно правил на месте хана, кипчаки заподозрили претендента на трон и убили его. Через несколько дней военачальники Ташкента Мухаммад-Нийаз кушбеги, Мухаммад-Касим парваначи минг-

[96] РТШ, л. 75а—78а; ТШ, С 468, л. 199а—207а; ТШП. С. 177—184.
[97] РТШ, л. 78а—79б; ТШ, С 468, л. 207а—209б; ТШП. С. 184—186.

баши Оши, Мухаммад-Раджаб курбаши, Камбар шарбатдар, Каримкули пансадбаши, Мирза Каландар пансадбаши, Мухаммад-Йа'куб-бек кушбеги (который был один из махрамов Мухаммад-Али-хана), решив покончить с властью кипчаков, привлекли на свою сторону Нар-Мухаммада кушбеги кипчака.

В ТШТ (л. 215а—222а) эти события изложены более обстоятельно. Прежде всего в данной рукописи среди глав Ташкента, участвовавших в антикипчакском заговоре, названы также Мулла Мухаммад-Йусуф мирзабаши «атала» 'рохля, размазня, мямля', Атабек дадхах, Фазил-бек дастурханчи, Суфи-бек дадхах и Йулчи-бек дадхах, а Камбар-бек фигурирует как пансадбаши. Причиной заговора, по ТШТ, было то, что после разгрома Мусулманкула объединенное войско ташкентцев и кипчаков договорилось передать фактическую верховную власть Худайар-хану, но вскоре главы кипчаков решили восстановить свое господство путем истребления сартских предводителей. Для этого они направили Нар-Мухаммаду кушбеги — вали Ташкента — подробное письмо относительно своих намерений. Тот, однако, раскрыл их верхушке Ташкента. Это, по ТШТ, и побудило последнюю на решительные действия против кипчаков. И войско Ташкента выступило в Коканд якобы для того, чтобы проведать хана.

Прибыв в Чарбаг-и Турангу, где находился хан, они заручились его согласием на свои действия[98]. Заверения в поддержке были получены от аксакалов Коканда. Ташкентское войско вошло утром в столицу, сосредоточилось вокруг площади перед воротами дворца, по общему сигналу ворвалось в него и устроило резню кипчаков. По ТШТ, незадолго до этого штурма Нар-Мухаммада кушбеги вместе с его родственниками и приближенными числом ок. 500 чел. поместили в безопасное место под покровительство Каримкула пансадбаши. Резня в Коканде, в которой участвовали амины, аксакалы и горожане, продолжалась с утра до полудня, по ТШТ,— в течение 2—3 часов. В ней спаслись Утамбай кушбеги, благодаря покровительству хана, и Нар-Мухаммад кушбеги, которого вызволили ташкентские главы[99].

Тем временем бежавший в Кетмень-Тюбе Мусулманкул собрал войско киргизов, двинулся на Билкилламу, вошел в Междуречье, но был разбит силами начальников Шахрихана, Андижана и Балыкчи. Сын Базар батура Бай-Мурад, сопровождавший пленных киргизов, прибыл в столицу за полчаса до того, как туда вступило ташкентское войско, и погиб в резне. Затем в Коканд пришло известие о примирении и союзе Мусулманкула с главами Шахрихана, Андижана и Балыкчи и объединении всех кочевников. Хан после уговоров кокандской знати открыто перешел на ее сторону и с войском двинулся в Междуречье

---

[98] Так эти события изложены по РТШ. По другим спискам, хан занял неопределенную позицию. По ТШТ (л. 219б—220а), в пути ташкентские главы с войском шли за Нар-Мухаммадом кушбеги до берега Сырдарьи на расстоянии одной стоянки (кониш), а затем в Чихил-махраме соединились с ним и двинулись вместе.

[99] РТШ, л. 79б—80б (на этом текст РТШ обрывается); ТШ, С 468, л. 209б—213а; ТШП. С. 186—189.

на кипчаков. Перед решающей битвой отборная часть ханского войска (в источнике — войска сартов) во главе с Малла-ханом и Айса-беком йузом укрылась в засаде. После того, как кипчакская конница вышла из Кул-и Билкиллама, началось сражение. Огонь артиллерии ханского войска расстроил фланг кипчаков. Силы Малла-хана и Айса-бека йуза вышли из засады, обрушились на этот фланг, обратили неприятеля в бегство, преследовали его на расстоянии одного конного пробега[100] и повернули назад.

Другая часть кипчакского войска сокрушила часть ханских сил, поэтому возвращавшееся с победой войско сартов неожиданно столкнулось с победителями-кипчаками во главе с Мусулманкулом. В обстановке встречного боя он пытался спрятать в засаде опытных воинов, оставив на виду слабых, но решительная атака сартов опрокинула его расчеты и вынудила бежать его войско. Затем победители разыскали хана. Во время битвы стоявшие под ханским знаменем предводители — Ходжа-йи калан Джуйбари, Мухаммад-Нийаз кушбеги, Касим мингбаши, Му'мин-ходжа пансадбаши, Камбар пансадбаши, Мухаммад-Назар кулак пансад и др. (в ТШТ, л. 228б указан еще Сайф ад-Дин шигаул) — потеряли из виду в поднявшейся пыли хана и разбежались кто куда: в Ташкент, Коканд, Маргилан, Шахрихан и по кишлакам близ Андижана, Шахрихана и Маргилана. Погибли Ходжа-йи Калан и большинство столичной знати. Разгромленные кипчаки укрылись в Билкилламе. Туда, пройдя через Пай-туг, что в Междуречье (Карадарьи и Нарына), подступили ханские войска, к которым стали стекаться их сторонники. Кипчаки покорились и выдали Мусулманкула и его сподвижников. Его привезли в Коканд и выставили на несколько дней на высоком помосте на обозрение, а затем повесили. Приведенный та'рих этого события расшифровывается 1268/1851 либо 1273/1856 г[101].

Спустя несколько дней после возвращения из Междуречья хан пожаловал Малла-хану управление Ташкентом; Мухаммад-Нийаз кушбеги, бежавший с поля боя в Ташкент и управлявший там, получил вилайет Чимион; а Айса-бек йуз — вилайет Андижан. Малла-хан мечтал о верховной власти и не заботился об охране Дашт-и Кипчака. Русские войска, якобы воспользовавшись этим, пришли и осадили Ак-Мечеть — главную крепость Дашт-и Кипчака. Ее комендант Мухаммад-Али, сын сестры Шади мингбаши, дрался трое суток, пока не израсходовал весь порох и свинец. «Неверные», узнав об этом, взорвали укрепления и овладели крепостью. Все мусульмане, не желая обесчестить себя пленом, будто бы приняли мученическую смерть за веру. Это случилось, согласно источнику, в 1273/1856 г.

В том же году Малла-хан поднял мятеж, требуя от своего брата Худайар-хана повиновения по праву старшинства. Хан с войском подступил к Ташкенту. Малла-хан, выйдя ему навстречу, проиграл битву и бежал в Бухару. Хан передал управление Ташкентом Суфи-беку,

[100] По ТШТ (л. 225б), они преследовали кипчаков 1 фарсах, из чего предполагаем, что длина «конного пробега» (асптаз) равнялась 8—10 км.

[101] ТШ, С 468, л. 211б—221а; ТШП. С. 188—197. В ТШТ (л. 229б) приведено другое название Билкилламы — Мангур-кол.

сыну Дауран дадхаха таджика. Малла-хан, нашедший приют у бухарского эмира, получал от Худайар-хана подарки. И через год-два, на четырнадцатом году правления (ок. 1857 г.), хан уговорил брата вернуться в Коканд. Не прошло и одного-двух лет, как тот вновь составил заговор. Об этом донесли хану, но Малла-хан успел бежать к киргизам Уч-кургана и укрыться в горах. Брошенные вдогонку 2—3 пансадбаши вернулись ни с чем. Хана упрекали в мягкосердечии к брату. Киргизы, к которым бежал Малла-хан, поддержали его и в союзе с кипчаками подняли на смуту других кочевников — тюрков, каракалпаков, чонбагышей и калмаков.

Степняки провозгласили Малла ханом, прибыли в Асаке и разослали гонцов в Андижан, Шахрихан и Маргилан, требуя войска. Оттуда последовал ответ: разорять страну собственными войсками — все равно, что ударить топором себе по ноге; если кочевники быстро возьмут столицу,— хорошо, если же борьба затянется, вилайеты будут снабжать их продовольствием и фуражом. Согласившись с этим, кипчаки и киргизы остановились восточнее Саманчи. Ханское войско, завершив сбор во время двухдневной остановки в Саритале, выступило в Саманчи и на закате солнца встретилось с противником. В разгар боя часть Фармана курама — начальника Аблыка (Авлык)— оставила Худайар-хана и рассеялась. В ханском войске решили, что это измена. Заговорили о том, что и другие предводители, вероятно, заодно с врагом. Поэтому все войско разом обратилось в бегство. Худайар-хан, оставшись с пушкарями и пехотинцами (сарбазан), столкнулся с Малла-ханом, отметил его чело ударом клинка[102], вышел из боя и вернулся в Коканд. Малла-хан со своими сторонниками остановился в Токайтепа и пробыл там 25 дней, подчинив себе сартские и таджикские (по некоторыми спискам, узбекские и сартские) деревни вокруг столицы. Хан, поняв, что все население Ферганы насильно втянуто киргиз-кипчаками в мятеж, оставил Коканд. Жители Ходжента пытались схватить его, но он пробился и через Самарканд и прибыл в Бухару. Эмир оказал ему покровительство[103].

Малла-хан, заняв трон в 1275 г. х., в год лошади (1858 г.), передал кочевникам все государственные дела, и те управляли очень грубо и жестко. Это, отмечается в ТШ, осложнило внешнее положение ханства. Через Кана'ат-шаха, управлявшего Ташкентом, стало известно о взятии русскими войсками кокандских крепостей Уч-Алматы (в ТШТ, лл. 250б, 251б, Уч-Алмата), Токмак и Аштак. Хан направил через Куртку правителя Андижана Алим-бека киргиза, а через Ташкент — семь других пятисотников с войском столицы, к которым по пути присоединились войско Курамы и Кана'ат-шах с силами Ташкента. Согласно ТШТ (л. 250б), столичное войско состояло из 7 тугов в 7 тыс. гала-бахадуров. Следуя через Чимкент и Аулие-Ату, войско прибыло в Пишпек (Пишкак). Здесь пехотинцам выдали лошадей и вьючных животных, и

---

[102] По другому источнику (ТАЛ, л. 10б), поединок братьев на саблях действительно имел место, но никто из них не был ранен.

[103] ТШ, С 468, л. 221а—236а; ТШП. С. 197—212.

после недельного отдыха войско двинулось дальше. Подойдя к реке Чу, выслали 7-тысячный авангард во главе с Шадман-ходжой.

Русские войска находились в это время между Уч-Алматы и Аштаком в Бикате[104]. На одиннадцатый день после выхода из Пишпека к войску присоединился Алим-бек киргиз с 12-тысячным войском андижанцев и киргизов Куртки, Кетмень-Тюбе и др. Тогда же пришло известие от Шадман-ходжи о завязавшемся бое с русскими. Все войско снялось и ранним утром, подойдя к Бикату, окружило «неверных». Кана'ат-шах и Алим-бек затеяли спор из-за командования. Алим-бек из вражды отвел в сторону войско Андижана и киргизов. Часть столичного войска, силы Курамы и Ташкента бросились в бой. Две тысячи русских[105] открыли мощный артиллерийско-ружейный огонь. В результате через час казахи и кочевники бежали. Войско сартов и таджиков, в котором находились стрелки «кара-кондак», продолжало бой до полудня. Наконец, «неверные», отойдя на возвышенность, якобы бежали.

Большая часть войска вместе с Кана'ат-шахом отошла и расположилась в трех (по ТШТ, в двух) сангах от места битвы, а остальная часть преследовала «неверных» до окрестностей крепости Аштак. Ночью, послав войско, кокандцы увели всех казахов, находившихся близ Уч-Алматы и Аштака, и переселили их в окрестности Пишпека, крепости Мерке и Аулие-Аты. Затем вернулись в Пишпек и пробыли там месяц, обновляя укрепления. Кана'ат-шах отпустил столичное и андижанское войска, сам же с войском Ташкента пробыл в Пишпеке еще месяц, занимаясь местными делами.

Столичное войско на обратном пути встретило в Ходженте Малла-хана, совершившего поход на Ура-Тюбе против мангытов. Поход на Уч-Алматы произошел в 1277/1860 г. Рядовые участники похода получили всего по одной золотой тилле. Когда Малла-хан двинулся в поход на Ура-Тюбе, он повелел войску таджиков выступить на защиту Туркестана. Последние через Чимкент, где начальствовал Ибрахим-бек, прибыли в Туркестан. Через восемь месяцев русские войска взяли Йанги-курган. Хан приказал вали Ташкента Кана'ат-шаху вместе с войском Кереучи и с кураминским племенем санчклы выступить в поход. Кана'ат, прибыв в Туркестан, организовал грабеж степняков и затем роздал войску деньги и одежду. Вскоре явился гарнизон Йанги-кургана, отпущенный русскими, которые отняли у него лишь оружие и лошадей. Войско Кана'ат-шаха выступило к Йанги-кургану и увидело, что он сожжен. Кана'ат с частью сил переправился через Сырдарью; оставшиеся на правом берегу, по которому проходила дорога, были посланы в набег на Джулек.

Отряд Кана'ата, совершив ночной переход, забрал жителей Ак-Мечети и некоторых биев и повернул назад. Другой отряд напал на Джулек, продержал его в осаде один день и вернулся. После встречи обоих отрядов была заложена крепость в местности Тувак в одном переходе от Джулека на месте изгиба Сырдарьи на правом ее берегу.

---

[104] Вероятно, русское «пикет».

[105] Эта численность дается только в ТШ, С 467, л. 117б.

Закончив строительство крепости, войско по ханскому приказу возвратилось в Ташкент, оттуда двинулось в Ходжент, где Малла-хан произвел смотр его, и, наконец,— в Коканд. Поход в сторону Туркестана произошел также в 1277/1860—1861 г.

Вскоре Малла-хан, вернувшийся из Ташкента в столицу, снова направил отряд (даста) таджиков в Ташкент. Несколько дней спустя Алим-бек киргиз мундуз, Хадир киргиз дуз, Худай-Назар тюрк, некоторые кипчаки и прочие в согласии с Алимкулом киргизом составили заговор и в ночь на понедельник 24 ша'бана 1278/24 февраля 1862 г. убили Малла-хана. Мулла Алимкул, задумавший после этого убрать и соперников-заговорщиков и править самовольно, в ту ночь скрывался в своем доме, а затем демонстративно плакал над трупом хана, чтобы привлечь на свою сторону подданных. На трон возвели пятнадцатилетнего (по ТШ, С 468, четырнадцатилетнего) Шах-Мурад-хана, сына Сарымсак-хана и внука Шир-Али-хана. Шадман-ходжу сделали мингбаши. В том же 1278/1861 г. была завершена постройка медресе Хазрат-и Сахиба[106].

Когда Кана'ат-шах, находившийся с войсками Ташкента и Курамы в Туркестане, узнал об убийстве Малла-хана, он по договоренности с военачальниками и казахскими биями решил посадить на трон Худайар-хана, находившегося в Джизаке. Тот, приняв их предложение, выехал, проследовал мимо крепости Чардара, владетелем которой был Баба-Джан, и остановился у берега Сырдарьи напротив крепости Чиназ (Чинас), временно управляемой Мирза Камил-мирзой. Каракалпаки Чиназа хотели взять в плен хана, но Мирза, сообщив, что хан движется с согласия не только глав Ташкента и племени санчклы, но и всех казахов Дашт-и Кипчака, а также войск Кана'ат-шах аталыка отперевала Кендыр-даван до Туркестана, под угрозой набега убедил их отказаться от задуманного. Худайар-хан через Чиназ направился в Ташкент, был встречен около мазара Занги-Ата знатью во главе с Мулла Салих-бек ахундом и затем провозглашен ханом с письменного согласия Кана'ат-аталыка. Через день-два в Ташкент вернулся с войском Кана'ат. В ответ на это правители Ферганы с войском кипчаков двинулись на Ташкент. Пройдя через Ходжент, они покорили Нау и Коштегирман, подчинившиеся Худайар-хану, и пленили их хакима Мирза Даулат таджика; затем привлекли на свою сторону хакимов Кереучи (им был Рустам-бек ибн Казакбай аксакал Ташканди) и крепости Нийазбек и подошли к Ташкенту.

Вылазки из города сил Худайар-хана наносили урон войску кипчаков, а когда стало известно о прибытии эмира из Бухары в Самарканд, кипчаки отступили в Фергану. На берегу Сырдарьи, близ Самгара, среди них начались раздоры. Мулла Алимкул, сочтя момент подходящим, в союзе с Шадман-ходжой мингбаши и Бек-Мухаммадом худайчи[107] организовал убийство Хадира киргиза, Ирис-Али кипчака[108] и

[106] ТШ, С 468, л. 236а—252б; ТШП. С. 212—232.

[107] По ТШ, С 467 (л. 130б), он был кипчаком; в союзе с ними действовал также Минг-бай кипчак.

[108] По ТШТ (л. 272б), Ер-Али кипчака.

Худай-Назар тюрка «чулака»[109]. Затем послали в Коканд киргиза Чутана и убили Алим-бека киргиза мундуза, оставленного там перед походом на Ташкент. Худайар-хан с войском выступил из Ташкента и, не обращая внимания на Кереучи, пересек Сырдарью, прибыл в Ходжент, где встретился с эмиром, затем снова перешел на другой берег этой реки.

В ТШТ (л. 273б—274а) вставлен рассказ о делах в то время в Ходженте. Вали Ходжента был тогда Йа'куб-бача Пискати. Он побуждал некоторых ходжентских предводителей оборонять город от войск Худайар-хана и эмира. За оборону выступали Кур-Саййид Фазил, Рахим аксакал и др. Но ходжентцы, собравшись на мазаре Хазрат-и Шайх-Маслахат ад-Дина и решив покориться хану, избили Кур-Саййид Фазила, убили некоторых аксакалов, схватили Йа'куб-бачу и написали Худайар-хану прошение с присягой. Хан с противоположного берега Сырдарьи направил в Ходжент Кана'ат-шаха. Тот, передав эмиру город и Йа'куба, вернулся к хану. Худайар-хан, пройдя через Камыш-курган и форсировав Сырдарью, вступил в 1279/1862 г. в Коканд с севера через ворота Урганчи, в то время как кипчаки и Шадман-ходжа мингбаши бежали из Коканда через ворота Катаган, а Шах-Мурад-хан с тремя-четырьмя людьми — через ворота Муй-и Мубарак. Последний был схвачен в Алмураде и доставлен к Худайар-хану, который включил его в свою свиту. Через два-три дня хан и сановники, узнав о намерении эмира вступить в Коканд, стали готовить столицу к обороне. Эмир дошел до Махрама и повернул назад. Хан отправил к нему Кана'ат аталыка с подарками. По приказу эмира Кана'ата казнили, что, как отмечается в источнике, очень огорчило Худайар-хана[110].

Между тем кипчаки и киргизы стали разорять вилайет Андижан. Хан послал хакимом в Андижан Дуст йуза, вслед за ним — Мулла Султана йуза и Халик-Назар таджика. В Балыкчи был направлен Дуст-Мухаммад каракалпак[111]. Ханское войско, выступив из столицы, прошло через Маргилан, Йакка-тут, Коканд-кишлак и остановилось в солончаке ниже Кувы (Кубаh). На другой день подошли кипчаки, и разыгралось сражение. Кипчаки разделились на три группы: одна — против ханского отряда, другая — против артиллерии, третья — против частей Курамы и Йар-Мазара. Последняя группа была разбита и бежала, а хан с верными подразделениями разгромил другую группировку кипчаков, преследовал ее до крепости Нийаз-батур, вернулся назад и устроил укрепленный лагерь, окруженный арбами и заграждениями. В Андижане Дуст йуз покорился кипчакам. Мулла султан и Халик-Назар таджик пытались пробиться к хану. Первый сбился с пути и попал в Маргилан, второй геройски погиб в стычке с кипчаками. Кипчаки и киргизы кружили вокруг ханского лагеря, но не приближались к нему, опасаясь артиллерии. Через два месяца хан перенес лагерь в Куву, а затем — Йакка-тут. К нему стекались сторонники из Андижана и Шахрихана. Кипчаки пытались взять Маргилан.

[109] «Чулак» (узб. *чулоқ*) — «хромой» (прозвище).
[110] ТШ, С 468, л. 252б—261а; ТШП. С. 232—240.
[111] По ТШТ (л. 275а), он носил звание кушбеги.

Через месяц жители Коканда, собравшись в соборной мечети, решили создать ополчение — кара-калтак — и идти на выручку хану. Простой люд заставил Хазрат-и ишана Сахиб-зада возглавить поход. Когда ополчение достигло Маргилана, Мулла Султан уговорил народ освободить Хазрат-и ишана от походной обязанности, считая, что ишан может лишь духовно поддержать ополченцев. После этого ополченцы выступили в Йакка-тут. В пути на них напали кипчаки. Худай-Назар амин вместе с конным ополчением и двумя-тремя пушками прорвался к хану. Пехота была полностью разгромлена. Мулла Султан не смог пробиться к хану, вернулся в Маргилан и пал к ногам Хазрат-и Сахиба, который его ободрил. Кипчаки, разделившись на две группы, безуспешно осаждали ханский лагерь и Маргилан, обороной которого руководили Мухаммад-Назар-бек, Мирза Ахмад и Мулла Султан. Последний погиб во время вылазки в Ма'аз-джабале и был с почестями похоронен Мулла Алимкулом киргизом, предводителем войска кипчаков и киргизов.

Хан перенес лагерь в Зариллама, чтобы соединиться с маргиланцами. Потеряв надежду разбить ханское войско, кипчаки и киргизы, сочтя отпрыском Мухаммад-Али-хана сына одного из слуг этого правителя, силой провозгласили его ханом и вместе с сартами, набранными из деревень Андижана, Шахрихана и Междуречья, под покровом ночи двинулись на оставленную без войск столицу. Подойдя к ней на рассвете, они потребовали от знати и кази-калана покорности и заявили, что покончили с ханом, а его войско перешло на их сторону. Кокандцы впустили кипчаков и киргизов в город и, убедившись в обмане, решили при подходе ханских войск поднять восстание. Хазрат-и Сулайман-ходжа шайх ал-ислам тайно направил к хану гонца. Хан, узнав, что враг в столице, прибыл в Маргилан, хакимом которого был Мирза Ахмад, и вместе с последним и Мухаммад-Назар-беком выступил в Коканд[112].

В местечке Паласан хан обратился к знати с просьбой не выдавать его кипчакам и позволить удалиться от дел, если она желает союза с ними. Войско, отвергнув это подозрение, поклялось хану в верности и решимости продолжать борьбу. Ханское войско, пройдя через Ак-ер и Баг-и Исхак-тора в Йанги-кишлаке, вошло в столицу. Одновременно против кипчаков поднялись горожане. Это произошло в сезоне козерога (22 декабря 1862—20 января 1863 г.), спустя три месяца после начала военных действий в Фергане Худайар-хана против кипчаков и киргизов. Кипчаки и их мингбаши Шадман-ходжа ушли из Коканда в Саманчи. Преградившие им путь жители Рашидана и Ак-ера были разбиты. Пройдя через Паласан, кипчаки и киргизы захватили Маргилан, вновь повернули на Коканд и остановились в Саритале[113].

Тем временем эмир Бухары, приехав в Самарканд, послал на помощь Худайар-хану Али-Йар-бека с войсками Ура-Тюбе, Нау, Коштегирмана и Ходжента — йузами и мангытами, которые были назначе-

[112] ТШ, № 1787, л. 197б; ТШ, С 467, л. 139б.
[113] ТШ, С 468, л. 261а—278а; ТШП. С. 240—256.

ны на охрану кокандских ворот. Каждый день войско кипчаков нападало на столицу со стороны местности Курбан-мирган. Через некоторое время Худайар-хан неохотно удовлетворил просьбу мангытов и йузов сразиться с неприятелем. Выйдя из города, они завязали бой с кипчаками и киргизами, но последние стали брать верх. Положение спасла атака кокандских воинов-сартов. После боя йузы и мангыты воздали перед ханом хвалу доблести как кипчаков, так и сартов. Кипчаки же, узнав, что эмир уже в Ходженте, послали Кал-Минг-бая остановить его продвижение. Кал-Минг-бай, встретившись с ним в Канибадаме, отступил.

Когда эмир вступил в Коканд, кипчаки, следуя через Саритал, Дурманча, Карасу и Узгенд, укрепились в ущелье Кара-гулча. Двигаясь вслед за ними, эмир назначил хакимом Андижана Ходжа-йи калана Кашгари, разграбил Карасу и Узгенд, но, будучи бессильным предпринять что-либо еще, через два-три дня направил к кипчакам посланца, требуя подчинения и обещая сделать ханом кого-нибудь из ханских сыновей по их выбору. Кипчаки со скрытой насмешкой предложили ему, забрав Худайар-хана, убраться восвояси, дабы он не уронил своей августейшей чести явным поражением от «ничтожных» кипчаков, и лицемерно попросили поставить на место Худайар-хана другого.

Между тем состояние войска эмира ухудшилось. Он отступил к Коканду. Киргизы и кипчаки двигались по пятам. Прибыв в Маргилан, они послали Шадман-ходжу Ташканди — мингбаши кипчаков — в Ташкент, назначив управлять им. Шадман-ходжа овладел Ташкентом. Эмир, убедившись в нерасположенности к нему кокандцев, сделав вид, что выступает против кипчаков Тора-кургана, вышел из Коканда через ворота Кутур-кипчак, взяв с собой Худайар-хана, и ночью поспешно направился в Бухару. Из Беш-арыка эмир отослал в Коканд Шах-Мурад-хана с тем, чтобы его сделали ханом. Столичная знать направила его к кипчакам, чтобы он стал ханом с их согласия. Глава войска киргизов и кипчаков Мулла Алимкул немедленно казнил Шах-Мурад-хана, не считаясь с его молодым возрастом. Ханом провозгласили в Маргилане сына Малла-хана, имя которого, по БТ (л. 6б) и ТШТ (л. 303б), Саййид-Султан. Через два дня кипчаки вышли в Коканд и посадили его на трон. Повторно утвердили амир-и лашкаром Мулла Алимкула и передали ему власть. Действуя наперекор своему племени, он правил сурово и жестоко. Старая знать оказалась в опале[114].

В это время русские войска, по мнению автора ТШ, воспользовавшись ситуацией, взяли все крепости Дашт-и Кипчака и двинулись на Туркестан. Мулла Алимкул, услышав об этом, прибыл в Ташкент, «безвинно убил Шадман-ходжу», назначил вали Ташкента Нар-Мухаммада Задийани, хакимом Туркестана — Мирза Даулат таджика[115] и вернулся в столицу. Последний, собрав вокруг себя сброд и упиваясь властью, стал грабить окрестных кочевников-казахов. Поэтому они признали

[114] ТШ, С 468, л. 278а—287а; ТШП. С. 256—265.

[115] В ТШТ (л. 307б), он назван «собакой Кухистана», т. е. был по происхождению горцем.

русскую власть[116] и стали убеждать «неверных» идти на Ташкент, пока между правителями Мавераннахра идет вражда. Русские войска под влиянием, по мнению автора ТШ, этих слов казахов и «анди», выступили из Джулека и подошли к Туркестану. Мирза Даулат бросил Туркестан и ушел в Ташкент. В том же году русские войска взяли крепость Аулие-Ата. Покорение Туркестана и Аулие-Аты произошло в 1281/1864 г. Нар-Мухаммад дадхах известил об этом Мулла Алимкула. Тот, собрав войско, поспешил в Ташкент и остановился в Минг-уруке, когда пришла весть о намерении русских войск с двух сторон — из Туркестана и Аулие-Аты — идти на Чимкент. Тогда Алимкул со столичным войском прибыл в Чимкент. Туркестанский отряд русских стоял в это время в Ак-арыке. На следующий день кокандцы приняли бой, в котором погиб Абдаллах пансадбаши и много воинов.

После перемирия обе стороны разъединились. Аулие-атинский отряд русских соединился с туркестанским, и они расположились в Иски-Чимкенте в четверти санга севернее Чимкента. На рассвете войско Алимкула напало на них в пешем строю и потерпело поражение, понеся от ружейного огня большие потери. Большинство ветеранов погибло. Позволив кокандцам собрать трупы, русские войска, не обращая внимания на кокандское войско, подошли к Чимкенту и открыли артиллерийскую стрельбу. Кокандское войско на безопасном расстоянии с двух сторон окружило русские силы. Джамадар Кабули афган — найиб столицы приказал кокандским пушкарям расставить по фронту орудия и открыть огонь. Русские, подумав, что пушкари противника — европейцы (фаранги), так как бой велся по европейским правилам, отступили. Ночью кокандское войско вошло в Чимкент и бодрствовало. На следующий день, увидев, что русские ушли, Алимкул, передав Ташкент Мирза Ахмаду Хуканди и оставив нескольких военачальников с отрядом (илгар), вернулся со столичным войском в Коканд.

В начале зимы 1281 г. х. (конец 1864 г.) Алимкул вновь отправился в Ташкент и остановился в Минг-уруке. Через несколько дней кипчаки и киргизы стали попрекать его в том, что он восстановил против них «все вилайеты Ферганы и Дашт-и Кипчака». Услышав это, он заключил новый договор с ташкентцами и по дороге от ташкентских ворот Каракамыш и далее по берегу Сырдарьи направился в Икан, где стоял русский отряд в 100 человек из Туркестана. Небольшой части этого отряда удалось спастись, остальные были перебиты или взяты в плен[117]. Алимкул вернулся в Ташкент, а затем — в Коканд. Через 15 дней[118] пришла весть о взятии русскими войсками Чимкента. Кипчаки и киргизы считали, что это произошло из-за того, что Алимкул убил в Чимкенте Байзака — одного из главных казахских биев, а также Нийаз-Али, и вызвал этим враждебное отношение казахов. Противники Алимкула воздержались, однако, от открытой вражды в обстановке успехов

---

[116] По ТШ, С 469 (л. 143а), из-за притеснений кокандцев все казахи передали русским свой харадж и закат.

[117] По ТШП (с. 271), в плен попало 60 человек.

[118] ТШ, № 1787, л. 215а.

русских войск. Собрав войско, они двинулись в Ташкент. Алимкул, опасаясь за себя, вместе с небольшим отрядом гала-бахадуров и артиллерией ушел в Ташкент раньше. Остальные военачальники и пятисотники выступили туда двумя днями позже.

Подойдя к Ташкенту, Алимкул завязал бой с русскими в Шур-тепа не дожидаясь подхода основных сил. В разгар перестрелки кокандцы уже стали брать верх, когда к месту битвы подошло войско кипчаков и киргизов. Их предводители издалека наблюдали за боем. Алимкул, призывая забыть вражду и объединиться в решающий момент, попросил у них через своего посланца Мулла Йунус-Джана мунши поддержки, но от находившегося в их рядах Фулада киргиза получил грубый ответ. Когда кокандцы стали теснить противника, Алимкул был смертельно ранен. Его силы отступили в Ташкент, где он скончался в лавке бакалейщика, завещав оберегать молодого хана. Его похоронили в Шайхантауре.

Русские войска, подойдя к Ташкенту, после одно-двухчасового обстрела ворот вернулись в свой лагерь. Не участвовавшие в бою кокандские силы отошли к берегу Чирчика и ушли в Коканд. Ташкентцы убедили оставшихся кокандских воинов не покидать Ташкент, но, с другой стороны, тайно отправили к эмиру посла, изъявляя покорность. Эмир потребовал выдачи молодого хана. Когда эмирский посланец Искандар-бек увез его из Ташкента, кокандцы не могли примириться с переходом ташкентцев под власть эмира и ушли в Коканд. Эмир не прислал ожидаемого подкрепления. В этой обстановке русские войска заняли Ташкент. Большая часть его домов была якобы сожжена. Находившиеся в Ташкенте войска, проломив изнутри городскую стену, бежали. Вернувшийся к эмиру Искандар-бек Бухари был немедленно казнен. Атабек бакаул Хуканди, ставший ко времени написания ТШ найибом Коканда, и пансады ушли из Ташкента в Кураму.

Эмир, узнав о взятии Ташкента, прибыл в Самарканд и остановился там на три-четыре дня. Тем временем кипчаки, ушедшие из Ташкента в Коканд, провозгласили ханом одного из ханских родственников, собрали войско с намерением идти на Ташкент и остановились в Ермасджиде. На третий день, узнав о вступлении эмира в Ходжент, они вернулись в Коканд, но, убедившись, что его жители не в состоянии оказать эмиру сопротивления, взяли артиллерию и через Муй-и Мубарак и Дурманча отошли к Маргилану. Эмир вступил в столицу. Это произошло в 1282/1865 г. Кипчаки не собирались складывать оружие.

Эмир, убедившись в том, что он не удержит Фергану, передал ее Худайар-хану. Войска последнего, поставленные эмиром в авангард, преследовали кипчаков до перевалов, ведущих в Кашгар, и захватили трофеи, в том числе пушки и ружья, и передали все это эмиру, находившемуся в Оше[119]. Эмир вернулся в Коканд, так и не схватив кипчаков. Пробыв сорок дней, он забрал военное снаряжение, отправил в Бухару заложниками (ак-уйлук) высших духовных лиц и мастеров, таких, как Хазрат-и Ишан Сахиб-зада, Хазрат-и Сулайман-ходжа шайх ал-ислам,

[119] ТШ, С 467, л. 156б—157а.

Хазрат-и Абд ал-Ваххаб-ходжа-ишан кази-калан, Мулла Асраркул Маулави Чубин, Уста Пур-Назар тубриз (литейщик пушек), Уста Букари гилкар (гончар), Мулла Баба-Джан заргар (золотых дел мастер) и часовщик [120], а также красивых юношей и девушек, и сам ушел туда, передав Фергану и трон Худайар-хану. Последнему удалось добиться согласия между кочевниками, узбеками, сартами и таджиками. В короткий срок было изготовлено оружие (в том числе пушки и ружья) и снаряжение[121].

В 1283/1866 г. из Бухары вновь вернулся Хазрат-и Сахиб; он открыл и расширил медресе южнее ханаки и построил минарет. В 1284 г. х., в год зайца (1867 г.), Худайар-хан за полгода построил торговые ряды и три дворца: Сара-йи калан, Сара-йи пунба и Каппан. Далее в ТШ, в основном в стихах на языке тюрки и таджикском, идет рассказ о паломничестве автора ТШ по приказу Муллы Айса Аулийа к мазару Ходжа Тараб, где он молился за успехи Худайар-хана; о рождении в год барса[122] (в 1284/1867 г.) Урман-хана, сына Худайар-хана; о постройке мадраса-йи дарун-и Хазрат-и Сахиб в 1284/1867 г.; смерти в 1285/1868 г. Хаким-айим (Тора-айим), матери Худайар-хана; смерти Хазрат-и Сахиба 6 шавваля 1285/20 января 1869 г. и заступлении на его место халифы ордена накшбандиййа его старшего сына Хазрат-и Ишан-Джана в 1285/1869 г.; о разбивке сада в местности Хаджибек в 1286/1869 г.; о строительстве столичного дворца и разбивке сада вокруг него; постройке медресе Хаким-айим восточнее соборной мечети в 1286/1869 г., медресе Али и ханской усыпальницы возле столичного дворца в 1287/1870 г.; смерти сестры Худайар-хана в 1287/1870 г.; о пожаре на базаре, где торговали ситцем (сгорело 242 лавки) в пятницу раби' II 1287/июль 1870 г.; постройке Худайар-ханом нового приюта для каландаров (каландар-хана) в 1288/1871 г.; строительстве медресе Султан-Мурад-хана, брата Худайар-хана, и дома курбаши с айваном в 1288/1871 г.; о посольстве ханского сына и Дамулла Айсы в Ташкент с извещением о тое по случаю обрезания Урман-хана и описание этого тоя в 1288/1871 г. В ТШТ (л. 351б) сообщаются имя этого ханского сына — Наср ад-Дин-хан и фамилия губернатора в Ташкенте — Кауфман. В ТШ, С 468 имеется добавление о постройке Худайар-ханом двух медресе в Чусте и Намангане в 1290/1873 г.[123].

* * *

Изложение событий 1842—1871 гг. представляет собой самостоятельную версию в кокандской исторической литературе. Эта часть источника наиболее насыщена ценными фактами. Они показывают, что

[120] ТШТ, л. 319б.

[121] ТШ, С 468, л. 287б—299б; ТШП. С. 265—280.

[122] Году барса соответствует 1866 г., здесь, вероятно, допущена неточность.

[123] ТШ, С 468, л. 299б—329а; ТШП. С. 280—333. В статье «Байан-и таварих-и...» (с. 63) мы допустили ошибку, заявив о том, что в ТШ не упоминается о строительстве торговых рядов Худайар-ханом в 1284 г. х. Этот эпизод описан как в ТШП (с. 280), так и в ТШ, С 468 (л. 300а).

главным во внутриполитической истории КХ данного периода была борьба ферганских кочевников и оседлых феодалов за власть после резкого ослабления ханства к началу 40-х гг. XIX в. в результате борьбы между различными группировками оседлых феодалов, что усугубило и нашествие войск бухарского эмира. Эта борьба шла с переменным успехом. Доставшаяся ценой огромных потерь и напряжения победа оседлых феодалов под Билкилламой в 1852 г. на несколько лет лишила кочевников власти. Дальнейшие события показали, однако, неспособность оседлых феодалов даже при поддержке глав Ташкента, Курамы, Южного Казахстана и бухарского эмира справиться с объединенными силами ферганских номадов. Ход борьбы медленно склонялся в пользу кочевой и полукочевой «конфедерации».

В этих условиях начавшееся присоединение КХ к России оказало свое положительное влияние. Во-первых, мероприятия ставленника ферганских кочевых глав Малла-хана по организации беспрецендентных по масштабности «священных» походов на далекие окраины ханства в 1860—1861 гг. были, на наш взгляд, попыткой отвлечь на грабежи кочевой периферии КХ оседлых феодалов от решения внутриполитических проблем. Авантюризм этих внешнеполитических акций, выявившийся при столкновении с русскими войсками, «наэлектризовал» активные элементы оседлых феодалов и привел к возобновлению их борьбы в союзе с частью казахских биев против ферганских кочевников. Во-вторых, успехи русского оружия на юге Казахстана и в Ташкенте в 1864—1865 гг. пришлись на период правления Алим-кула, подорвали авторитет кочевых владетелей Ферганы и способствовали их падению. Третье воцарение Худайар-хана (1865 г.) было временным компромиссом между политическими группировками Ферганы. Сохранение власти Худайар-хана, связанного с оседлыми феодалами, должно было быть гарантировано внешней силой. И единственной такой силой после событий 1865—1866 гг. могла быть русская администрация в Ташкенте. Приведенный в ТШ факт посольства высокопоставленных кокандцев в Ташкент примечателен тем, что Худайар-хан был по меньшей мере заинтересован в дружественной позиции туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана.

Хотя события почти во всех списках ТШ заканчиваются 1871 г., они помогают понять многое из того, что произошло в последующее пятилетие. В частности, признавая агрессивную политику царского самодержавия, следует, однако, отметить, что активное вмешательство российской администрации в события 1875—1876 гг. в КХ было продиктовано далеко не случайными обстоятельствами, а присоединение Ферганы, как и других областей КХ, к России было радикальным решением политических проблем, стоявших на протяжении всей истории ханства.

За главной линией политической истории данного ханства вычерчивается казахстанский аспект политики Коканда, который с целью порабощения Южного Казахстана вел строительство системы крепостей, проводил там сбор налогов и организовывал грабежи кочевников, для чего помимо воинских формирований привлекались поставленные в

привилегированное положение казахские роды Курамы и Ташкентского района. Хотя трактовка Нийаз-Мухаммадом присоединения Южного Казахстана к России не лишена тенденциозности, а иногда и прямого искажения фактов (например, рассказ о будто бы поголовной гибели защитников Ак-Мечети), сведения о варварском произволе кокандских наместников в Казахстане позволяют понять причины скорого падения там кокандской власти. На это справедливо указывает сам автор ТШ.

Материалы по 40—60-м гг. XIX в. свидетельствуют о большой (иногда решающей) роли Ташкента, Курамы и юга Казахстана в политической истории КХ. При отсутствии кокандской власти в Ташкенте в 1842 г. казахи-кочевники, в первую очередь род санчклы, занимали фактически ведущее положение в Ташкентском владении, хотя формально власть принадлежала небольшой соглашательской прослойке во главе с Мухаммад-Шариф аталыком. Большинство же местных оседлых феодалов упомянутых областей было настроено враждебно к кочевникам и ориентировалось на поддержку кокандских правящих кругов. Во внутриполитической борьбе верхушка этих областей выступала, как правило, на стороне оседлых феодалов Ферганы.

В источнике содержится небезынтересный материал об участии в политической жизни КХ духовенства. Через всю основную часть сочинения проходит фигура руководителя ордена накшбандиййа в Коканде Хазрат-и Сахиба. К авторитету духовенства в ожесточенной борьбе группировок прибегали в весьма ответственных случаях (посольство Мийан-Фазл-Халила к Сарымсак-хану в Ташкент). В связи с этим надо отметить, что при власти бухарского эмира в 1842 г. в Фергане на крупные административные должности были назначены джуйбарские ходжи, а в 1280/1863 г. эмир Бухары, находясь в Фергане, назначил хакимом Андижана духовное лицо — Ходжа-йи Калана Кашгари. Таким образом, политика эмира была направлена на повышение роли духовенства в ущерб светским феодалам. Но в целом духовенство не стало настолько влиятельной политической силой ханства, чтобы диктовать условия враждовавшим группировкам.

Знаменательно полное отсутствие в ТШ сведений о государстве Йа'куб-бека, его имя везде опущено в списках, близких по происхождению к редакциям ТШ 1871 (ПНС 174) и 1873 (С 468) гг. Это объясняется, скорее всего, натянутыми отношениями между Кокандом и Кашгаром в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в.

Обращает внимание неточность датировки битвы при Билкилламе и падения Ак-Мечети. Причиной этого, вероятно, является попытка автора ТШ связать в угоду Худайар-хану падение Ак-Мечети с мятежами, поднятыми Малла-ханом. Поскольку именно за битвой при Билкилламе (осень 1852 г.) вскоре последовало взятие русскими войсками Ак-Мечети (лето 1853 г.), то неточность датировки распространилась на некоторые предшествовавшие этому события.

Рассматриваемая часть источника отличается обилием материала о конкретных лицах. По отдельным из них, например по Кана'ат-шаху, можно уже составить достаточно полную политическую биографию. Известия ТШ об этих лицах могут послужить надежной основой

при составлении генеалогического словаря политических деятелей КХ (с включением туда биографических данных). Это позволит глубоко разобраться в перипетиях политической борьбы и других сложных вопросах истории КХ. Интересен также материал источника по ономастике и исторической географии последнего.

Точное определение уникальности материала ТШ с 1842 по 1871 г. сопряжено с особыми трудностями, потому что обилие сведений кокандских и других источников падает именно на эти годы, и они в основной массе не введены еще в научный оборот. Тем не менее анализ параллельных источников позволяет считать с наибольшей степенью вероятности уникальными следующие известия ТШ: подробности покорения кокандскими войсками Курамы и Ташкента в 1842 г.; значительная часть сведений о захвате кипчаками власти в 1844 г. и их падении в 1852 г.; рассказ о походе кокандцев в Узун-Агач в 1860 г. и в сторону Йаны-кургана и Джулека в 1861 г.; подробности боевых действий в 1862 г. в Фергане между Худайар-ханом и ферганскими кочевниками и в 1864 г. (под Чимкентом) между Алимкулом и русскими отрядами; некоторые данные по внутриполитической жизни Коканда «мирного» периода 1866—1871 гг. Сюда же нужно отнести перечисление автором ТШ маршрутов походов и передвижений кокандских сил. Уникальным в отношении генеалогии династии кокандских мингов является замечание о том, что Абдаллах-бек, убитый кипчаками как претендент на трон в 1852 г., был сыном Саййидкули-бека[124].

Но ценность ТШ этим отнюдь не исчерпывается. Пока не будет введена в научный оборот основная масса сведений кокандской историографии, весьма важное значение будут иметь и другие сведения ТШ, помимо перечисленных выше. Специально отметим значительный материал, содержащийся в ТШ, по генеалогии кокандских мингов. Этот вопрос нами отдельно не рассматривается. Обратим внимание лишь на то, что систематизация этого материала с привлечением всех имеющихся данных других источников связана с составлением сводной генеалогической таблицы, которая поможет выявить в истории клана правителей Коканда ряд важных моментов, например, переход власти от одной родословной ветви к другой, место и политическую роль ханских родственников и свойственников, степень связи определенной династической ветви с верхушкой духовенства и племенной знатью, происхож-

[124] В ТШ не говорится о том, что Абдаллах-бек был ханским родственником. На это указывается в ТТХ (л. 297б), где, вероятно, ошибочно, его отцом назван Худайкули-бек. По ЗНХ (л. 10а), Абдаллах-бек был дядей по матери (тага) Мухаммад-Али-хана, т. е. братом Надиры. Но это не так. Отцом Надиры был не Саййидкули-бек, а Рахманкули-бий (МТ, л. 381а; ТТХ, л. 108б). С другой стороны, известно, что Саййидкули-бек (Саидкул-бий) был дядей Умар-хана (*Мухтаров А.* Очерк... С. 27), скорее всего, с материнской стороны. Т. е. он был братом Минг-айим и дядей Надиры. Тогда Абдаллах-бек действительно являлся дядей (двоюродным) Мухаммад-Али-хана с бабушкиной стороны (*Бейсембиев Т. К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв. (по некоторым сочинениям кокандской историографии)//Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху феодализма. М., 1985. С. 42, 43, 46).

дение претендентов на трон, за которыми стояли конкретные группировки, обоснование ими своих притязаний и др.

Учитывая важность сведений источника по хронологии, генеалогии, просопографии и другим близким вопросам и необходимость их систематизации, мы поместили в Приложении составленные на основе ТШ таблицы по общей хронологии КХ; генеалогии дома кокандских ханов; генеалогические сведения о кокандской знати; а также данные о наместниках в вилайетах Ферганы и сопредельных областях, должностных лицах, носителях званий и о независимых от Коканда правителях (см. приложения 4—10).

ТШ содержит богатый, во многих отношениях уникальный материал по истории КХ и относится к числу основных первоисточников по истории народов Средней Азии и Казахстана в XVIII—XIX вв.

Этот ценный исторический памятник был создан в сложной политической обстановке в КХ, когда, с одной стороны, полным ходом шел объективно прогрессивный процесс присоединения Средней Азии к России, а с другой — слабая ханская власть в Коканде перед лицом угрозы со стороны ферганских кочевников продолжала цепляться за традиционные, изжившие себя формы управления. Не имея сильного войска, ограниченная к тому времени территорией Ферганской долины, ханская власть нуждалась в средствах идеологического воздействия, которые, дополняя существовавшую форму внеэкономического принуждения, способствовали бы укреплению ее режима. Этой цели и послужило ТШ — последняя официальная хроника КХ.

Автор ТШ — Мулла Нийаз-Мухаммад Хуканди создал в своем произведении яркую картину почти всей истории КХ под углом мировоззрения своей среды. Согласно существовавшему методу придворной феодальной историографии, ставившему на первый план прославление деяний светских правителей, автор, естественно, больше внимания уделил политической истории. Однако анализ ТШ позволяет не только выделить немало ценного материала по экологии среды обитания человека в Фергане периода КХ, социально-экономической, этнической истории ханства и господствовавшей в то время идеологии, но и установить ряд причинных связей по этим вопросам, основные этапы хозяйственного развития Ферганы, сделать выводы о социально-экономическом строе КХ и этнокультурных контактах в Фергане. Особый интерес вызывает в источнике множество данных по специальной терминологии, служившей для обозначения исторических реалий XVIII—XIX вв. Многие из этих терминов до сих пор представляют загадку для исследователей. Значение же части из них довольно ясно раскрывается из контекста или объяснений в ТШ (например, кара-казан, кара-чайан, кыл-куйрук, кара-калтак и др.). Можно надеяться, что при внимательном и перекрестном изучении данной терминологии по трудам коканд-

ской историографии, на документальных материалах архива кокандских ханов, а также при использовании показаний иноязычных источников, будут сделаны весьма ценные выводы, которые позволят еще глубже проникнуть в изучение вопросов социально-экономической, политической, военной и культурно-бытовой истории КХ.

Политическая история КХ предстает как непрерывная цепь дворцовых интриг, заговоров, мятежей, кровопролитной междоусобной борьбы за власть и грабительских походов кокандских правящих кругов в соседние области и районы, погромов, массовых убийств и т. п. Несмотря на то что система хозяйственных связей предполагала мирное сосуществование кочевника и ферганского дехканина, господствующие феодализирующиеся и феодальные слои заражали своей идеологией подчиненные им массы и толкали их на взаимную вражду. В этих условиях отсутствовала всякая гарантия безопасности людей. Это объясняет суть прогрессивности присоединения Средней Азии к России: водворение жесткой законности Российской империи, как это ни парадоксально, сразу же стало благом для населения бывшего КХ. Архаичность и застойность социально-экономического строя и идеологии делали ханство оплотом воинствующего клерикализма и мракобесия, препятствовали проникновению прогрессивных идей нового времени в кокандскую общественную среду вплоть до присоединения к России.

Благодаря изучению ТШ, можно дать общую периодизацию истории КХ:

1. **Начальный период (начало XVIII в.— 1800 г.).** Укрепление экономического положения Ферганы. Возникновение независимого Кокандского владения и постепенное объединение под его властью Ферганы.

2. **Период расцвета (с 1800 по 1840 г.).** Дальнейший экономический рост Ферганы. Незавершенная при Алим-хане (1798—1810 гг.) социальная перестройка господствующего класса с целью более эффективного использования заложенных в нем возможностей (попытка укрепления внутрифеодальных отношений). Территориальное расширение ханства.

3. **Период социально-политического кризиса (с 1840 по 70-е гг. XIX в.).** В целом экономический застой, несмотря на отдельные попытки центральной власти исправить положение в годы политического затишья. Незавершенность социальной перестройки господствующего класса привела к тому, что он, раздираемый внутренней борьбой, потерял способность противостоять внешней опасности. Кратковременное завоевание КХ бухарскими войсками. Выход на политическую авансцену ферганских кочевников. Борьба кочевников и оседлых феодалов за власть. Последовательное включение территории ханства в состав России.

Результатом изучения ТШ является вывод, что никакое исследование по истории КХ (а также по истории других областей Средней Азии и Южного Казахстана) не может быть признано полноценным, если для написания его не привлекалось это сочинение.

На наш взгляд, дальнейшее изучение ТШ связано с составлением и изданием наиболее приближенного к авторскому критического текста

источника и осуществлением его полного перевода на русский язык. Это позволит вовлечь в научный оборот весь комплекс известий ТШ по истории Средней Азии, Казахстана, Восточного Туркестана и сопредельных районов Среднего Востока XVIII—XIX вв. Необходимо также провести углубленное текстологическое исследование списков ТШ, уделяя особое внимание РТШ. Вероятно, последний — дефектный список раннего утраченного тюркоязычного исторического труда автора ТШ, отличавшегося от ТШ по политической направленности и в определенной мере по содержанию. То, что Нийаз-Мухаммад мог написать свой ранний труд на тюрки, вполне допустимо, так как он одинаково хорошо владел таджикским и тюркским языками.

Важные результаты в изучении ТШ должны быть получены при параллельном анализе сочинений кокандской историографии, т. е. когда объектом исследования станет круг сочинений КИ в целом, что позволит прояснить отдельные аспекты проблемы происхождения ТШ, его места в данной историографии и его значения в истории общественной мысли Средней Азии в XIX в.

На наш взгляд, дальнейшая работа по всесторонней источниковедческой разработке обширной кокандской историографии, введение в широкий научный оборот всего громадного комплекса заключенных в ней исторических известий может привести к таким результатам, значение которых пока трудно представить даже в общих чертах.

An object under consideration in this monograph is «Ta'rikh-i Shahrukhi» (TS) («History of Shahrukh») of Mullah Niyaz Muhammad Khuqandi «Niyazi» (ca 1802/03-after 1876). TS belongs to the vast but almost uninvestigated circle of hand-written works of the Khokandian historiography created by local authors from the 19th to the beginning of the 20th centuries in Persian and Eastern-Turkish (Chaghatay). This historiography is the most significant narrative source-books on the very inadequately studied history of the khanate of Khokand, that played a great role in the life of peoples in Central Asia, Kazakhstan, Eastern Turkistan and Pamirs region in the 18th—19th centuries.

Based on more than 40 inedited Persian and Turkish manuscripts (half of them being made use of for the first time) with their total volume approx. 8.000 foll. and other sources, the study is preceded by the investigation of the epoch of TS' author and the history of the khanate of Khokand. The research of TS itself starts with the general description of the work: causes and motives, time and place of composition, main subject and sources, history of scientific research of TS from 1876, when it was both discovered and in 1885 published (in Kazan) without translation by N. N. Pantusov relying on one copy alone i. e. MS. P. n. s. 174 of M. E. Saltykov-Shchedrin Public State Library in Leningrad.

The textological analysis of all surviving copies shows the first version of TS to have been written in 1871/72 and the second one in 1873/74, being *the last official chronicle of the khanate of Khokand.* Written in Persian (a small part — in Chaghatay) TS is based on the early inofficial turkish chronicle by the same author (defective copy of which is probably MS. 2237 of the Institute of Oriental studies of the Tadjik SSR Academy of Sciences in Dushanbe), composed between 1858 and 1864 and imbued with a different political tendency. Problems of place of TS in the Khokandian historiography, its influence on the works of local oriental historians at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries are also examined.

The study gives a detailed interpretation, analysis and synthesis of rich and valuable tidings of TS about social ecology in Farghanah valley,

socio-economic, political, military, ethnic and cultural history and ideology of the khanate of Khokand in 18th—19th centuries as well as news concerning chronology, geneology and prosopography.

The study results in the division of the Khokand khanate's history into the following periods:

I. *Initial stage* (*18th century*). Economic restoration of Farghanah. Rise of independent domain of Khokand founded by Uzbek tribal leader Shahrukh (ca 1709—1721) and gradual unification of Farghanah under its rule.

II. *Flourishing period* (*1800—1840*). Further economic growth of Farghanah. Incomplete reorganisation of the ruling class («feudalisation», efforts to obtain supremacy of domination/obedience relations over family/tribal hierarchy) under Alim Khan (1798—1810). Vast territorial expansion of the khanate.

III. *Period of socio-political crisis* (*1840—1876*). On the whole, economic stagnation notwithstanding separate measures (irrigation etc.) exercised by the State under peace-time conditions. Incompletion of social reorganisation, ethnically mixed staff of the ruling class, fierce internal political struggle with further weakening of the khanate and short but devastating occupation of it by troops of the emir of Bukhara (1842). Nomads of Farghanah on the political proscenium. Struggle and hostilities between nomads and settled feudals for domination (1844—1875). Consecutive incorporation of territory of the khanate into Russia (1853—1876).

The study of TS allows to comprehend the progressive essence of joining of the khanate of Khokand to Russia: establishment of severe exploitative *lawfulness* of the Russian Empire immediately became, however paradoxical it was, the benefit for the population of the former khanate, in which there was even no guarantee of personal security due to constant political instability, massacres, invasions, widespread robberies etc.

Principal tasks of subsequent examination of TS consist of critical edition of its text, taking into account all copies, with complete commented Russian translation.

RESUME

Un grand rôle dans la vie des peuples de l'Asie Centrale, du Kazakhstan, du Turkestan oriental (La Kachgarie) et des Pamirs fut tenu au XVIIIe—XIXe siècles par le khanat de Khokand. Cette monographie est consacrée à l'étude de «Tarikh-i Schahrukhi» (TS) («L'histoire de Schahrukh») de Mollah Niyaz Muhammad Khouqandi «Niyazi» (1802/03 — après 1876) — une chronique éminente écrite en Persan de Transoxiane (le tadjik littéraire de cette époque-la) et partiellement en turc oriental (le djaghataï). Elle appartient à un vaste cercle de l'historiographie khokandienne, qui comptant une trentaine d'oeuvres manuscrites persanes et turques est le plus précieux et intéressant groupe des sources narratives pour servir à la recherche de l'histoire du khanat de Khokand, qui reste, de même que l'historiographie précitée, mal étudiée jusqu'à nos jours.

TS fut découverte en 1876 par N. N. Pantoussov et publiée par lui-même à Kazan en 1885 (sans traduction et d'après rien qu'un manuscrit), mais son degré d'étude continue d'être insuffisant. Quoique la source ait été employée ou citée dans une bonne centaine de différents travaux scientifiques en dix langues, seulement un neuvième de son texte a été traduit et publié en russe (il n'existe aucune traduction publiée en d'autres langues européennes).

En se basant sur l'examen comparatif de plus de 40 manuscrits persans et turcs inédits (à volume total d'à peu près 8.000 f^{os}), dont la moitié est utilisée pour la première fois, la recherche tout d'abord élucide l'époque de l'auteur de TS et particuliérement l'histoire du khanat de Khokand. Après avoir étudié les faits de la vie du chroniqueur, M. Béissémbiev donne les caractéristiques généraux du monument: temps et circonstances de la création, sujet principal, sources, manuscrits, Ms. Supplément persan 2109 de la Bibliothèque Nationale de Paris compris, aussi bien que l'histoire de son étude scientifique.

Le créateur de TS, issu des Tadjiks montagnards, était du nombre des gardes héréditaires à la cour de Khokand. Fervent des seigneurs sédentaires de la vallée de Ferghana, il prenait une part active aux divers événements. TS, un remaniement de la chronique non-officielle écrite par le même auteur entre 1858 et 1864, fut redigée sur l'ordre de Khudayar Khan

(1844—1858, 1862—1863, 1865—1875), qui luttait contre les nomades de Ferghana. L'analyse textologique révéle une première rédaction en 1871/72 et une seconde en 1873/74, qui s'est avérée *la dernière chronique officielle du khanat*. Elle exerçait une influence profonde sur diverses oeuvres historiques composées par les auteurs indigènes du Turkestan russe et chinois de la fin du XIXe au commencement du XXe siècle.

Car TS contient des informations riches et variées sur presque toute la période d'existance du khanat; l'étude soumet à examen detaillé les nouvelles de la source concernant l'écologie sociale de la vallée de Ferghana, l'histoire économique, sociale, politique, militaire, ethnique et culturelle ainsi que l'idéologie du khanat de Khokand au XVIIIe—XIXe siècles, les données chronologiques, généalogiques et prosopographiques.

L'étude de TS offre la possibilité de mettre en relief les stades suivants de l'histoire du khanat de Khokand:

I. *La période initiale (XVIIIe siècle)*. Le relèvement économique de Ferghana. La naissance du domaine indépendant de Khokand, fondé par Schahrukh (vers 1709—1721), un chef de tribu ouzbek, et la réunion graduelle de Ferghana sous le pouvoir de Khokand.

II. *La période d'essor (1800—1840)*. Le progrès économique de Ferghana. La réorganisation inachevée dans la classe dirigeante («féodalisation», les efforts pour obtenir la prédominance des relations de «supérieur — subalterne» sur celles de la hiérarchie clanale) sous le règne d'Alim Khan (1798—1810). La vaste expansion territoriale du khanat.

III. *La période de crise sociale et politique (1840—1876)*. Dans l'ensemble, une stagnation économique, malgré quelques mesures d'Etat pour le development de l'irrigation etc. dans les periodes de paix. L'inachévement de la réorganisation sociale susdite, le corps mêlé de la classe dirigeante, la lutte des cliques de palais entraînent l'affaiblissement du khanat. L'occupation provisoire mais saccageuse de Ferghana par les troupes de l'émir de Boukhara (1842). Les nomades de Ferghana sur l'avant-scène politique. Le combat entre ceux-ci et les seigneurs sédentaires pour la domination (1844—1875). Le rattachement consécutif du territoire du khanat à la Russie (1853—1876).

Les renseignements de la source permettent de comprendre l'essence progressive de l'incorporation du khanat de Khokand dans la Russie: la sévère *légalité* d'exploiteur, instaurée par l'Empire de Russie, devint immédiatement, aussi paradoxal que cela puisse sembler, un bien pour les habitants de l'ancien khanat, dans lequel, du fait de la constante instabilité politique, massacres, invasions, pillages etc., il n'y avait aucune garantie même pour la sécurité personelle.

La tâche principale de l'étude ultérieure de TS consiste en son édition critique, en tenant compte de tous ses manuscrits, avec traduction russe complète et commentée.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Таблица характерных разночтений

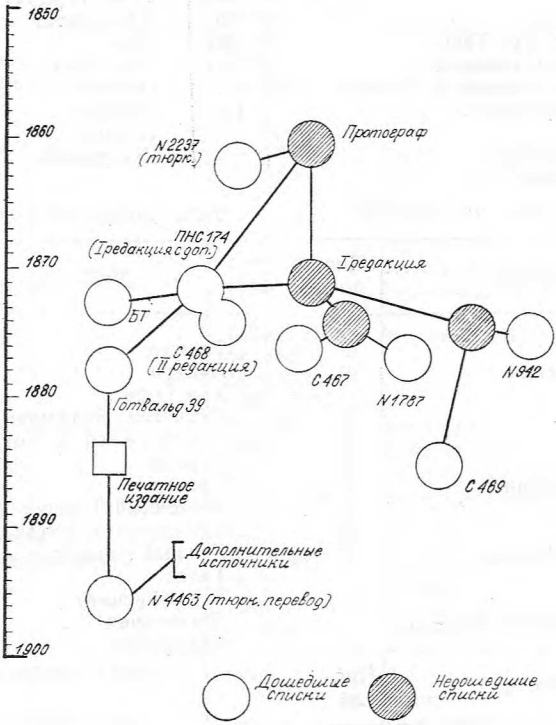
Разночтения в тексте *

Событие	Список								
	№ 2237 (тюрк.)	ПНС 174; Готвальд 39	БТ (2109)	№ 4463	№ 1787	С 467	№ 942	С 469	С 468
Рассказ о смерти Шахруха	—	+	+	+	—	+	+	+	—
Рассказ о набеге Йусуфа мингбаши в сторону Самарканда (ок. 1812 г.)	+	+	—	+	—	—	—	—	+
Рассказ о хадже Хазрат-и Сахиба	+ (сокращ.)	+	+ (сокращ.)	+	—	—	—	—	—
Рассказ о приключениях автора ТШ после Чустской битвы (1844 г.)	—	+	—	+	+	+	—	+ (сокращ.)	—
«Мунаджат» в конце ТШ	—	—	—	—	—	—	+	+	—
Описание тоя в честь Урман-хана в конце ТШ	—	+	+ (упоминание)	+	—	—	—	—	+
Разночтения в хронологии правления Мухаммад-Али-хана **									
Бегство в Кашгар Бузрук-хана (Джахангир-хана)	IX	IX	—	IX	IX	IX	IX	IX	VIII
Бегство в Кашгар Айсабека михтара	X	X	—	X	IX	IX	IX	IX	IX
Поход кокандских войск в Кашгар	XI	XI	—	XI	X	X	X	X	IX
Взятие китайскими войсками Кашгара	XII	XII	—	XII	XI	XI	XI	XI	X
Завоевание Кокандом Ура-Тюбе	XIII	XIII	—	XIII	XII	XII	XII	XII	XI
Посольство в Стамбул	XIV	XIV	—	XIV	XIII	XIII	XIV	XIV	XII
Возвращение посольства из Стамбула	XV	XV	—	XV	XIV	XIV	XV	XV	XII
Поход кокандских войск в Кашгар	XVI	XVI	—	XVI	XV	XV	XV	XV	XIII

* Плюс означает наличие рассказа в списке, минус — его отсутствие.

** Римские цифры обозначают год правления Мухаммад-Али-хана.

2. Стемма рукописей ТШ

3. Связь Ферганы с внешним миром, по ТШ

*Частотность упоминания населенных пунктов по регионам и районам**

Местность	Число	Местность	Число
Ташкент	276	Центральная Киргизия	14
Курама	87	Восточный Туркестан	42
Дашт-и Кипчак и Казахстан в целом	71	Китай	19
Присырдарьинские районы Казахстана	106	Аравия	28
Семиречье	31	Россия	20
Бухара	120	Рум (Турция)	7
Самарканд	35	Афганистан	5
Джизак и Ура-Тюбе	85	Иран	5
Нау и Коштегирман	10	Монголия	5
Кухистан, Бадахшан, Памиро-Алай и Читрал	131	Индия	4
		Хорезм	3
		Европа	3
		Шахрисябз	2

Походы и набеги из Ферганы

Местность	Число
Ура-Тюбе	9
Пшагар и Замин	2
Самарканд	2
Джизак	2
Курама	2
Ташкент	7
Южный Казахстан	7
Талас	1
Кашгар	2
Каратегин и Дарваз	1

Вторжения в Фергану

Местность	Число
Бухара	7
Ташкент	3
Алай	2
Центральная Киргизия	2
Джунгария	1

Число прочих сношений с Ферганой

Местность	Число
Ташкент	27
Бухара	11
Ура-Тюбе	5
Кухистан, Бадахшан, Памиро-Алай и Читрал	5
Курама	4
Аравия	4
Восточный Туркестан	4
Центральная Киргизия	3
Южный Казахстан	2
Талас	2
Рум (Турция)	2
Джунгария	2
Самарканд	1

* Здесь же учитываются упоминания об этнонимах, относящихся к тому или иному району.

4. Должностные лица и носители званий, по ТШ

Должность или звание	Время упоминания в ТШ, г	Имя
1	2	3
Агалык	1842	Қатурма
Аксакал	1842	Бек-Мухаммад
»	до 1862	Қазакбай Ташканди
Аксакал (в Ходженте)	1862	Рахим
Аксакал Ура-Тюбе	ок. 1800	Мулла Рахматаллах
А'лам	между 1810 и 1822/23	Дамулла кази Баба
»	между 1844 и 1852	Дамулла Ходжам-кули
Амин	1862	Худай-Назар
Амир-и лашкар	ок. 1812	Йусуф дадхах мингбаши Қашгари/таглык
»	ок. 1825	Хаккули мингбаши йуз
»	ок. 1839, 1840	Мухаммад-Шариф аталык
»	1842	Малла-хан
»	1863—1865	Мулла Алимкул
Аталык	1818, 1830	Мухаммад-Рахим-бек йуз
»	1826, 1830, ок. 1837, ок. 1839, 1840, 1842	Мухаммад-Шариф
»	до 1844	Қасим-бек
»	1862	Қана'ат-шах
Ахунд	ок. 1828—29	Дамулла Ер-Назар
»	1842, 1862	Дамулла Салих-бек
»	1844	[Ахунд] караулбеги
Бакаул	1865	Ата-бек
Бахадур/батур	ок. 1798	Худайкули
»	1810	Байшум
»	1840	[Батур] кушбеги
»	до 1844	Санджар
»	до 1852	Базар
Батурбаши Ташкента	1842	Дауран-бек дадхах таджик
Батурбаши Тора кургана	между 1822/23 и 1842	Қош йуз
»	1844	Мухаммад-Назар кулак
Бекларбеги	ок. 1810, между 1812 и 1818, ок. 1831	Лашкар
Вални'ми	1142/1729	Алим-бек, вали Шахрисябза
Дадхах	ок. 1812	Йусуф Қашгари
»	между 1812 и 1818	Шайх-Бадал

1	2	3
Дадхах	1840	Гадай-бай
»	1842, ок. 1843	Шади, хаким Маргилана
»	1842, 1844, 1846/47	Дауран таджик, батурбаши Ташкента
»	ок. 1843	Тангрикули/Таныкули
»	1844	Рахматаллах, хаким Чуста
»	»	Берди-Али йузбаши
»	»	Ер-Назар
»	»	Нар-Мухаммад кипчак
»	»	Сатиб-алды Хуканди
»	»	Рахматаллах минг (бывший хаким Чуста?)
»	»	Мухаммад-Нийаз худайчи
»	до 1844	Ибрахим
»	ок. 1847	Мухаммад-Нийаз пансадбаши
»	между 1847 и 1849	Хал-Мухаммад кипчак
»	»	Нар-Мухаммад кипчак, вали Кереучи
»	ок. 1850	Мухаммад-Йар кипчак
»	»	Джум'а-бай кипчак
»	ок. 1850	Рахманкулча кипчак
»	1852	Кулбаба
»	»	Хал-Мухаммад кипчак, хаким Шахрихана
»	»	Ата-бек
»	»	Суфи-бек
»	»	Йулчи-бек
Дастурханчи	ок. 1840-х гг.	Махмуд
»	между 1847 и 1849, 1852	Мулла Каримкул кипчак
»	1852	Фазил-бек
Диванбеги	ок. 1803	Раджаб таджик (Кухистани)
»	1810	Зухур михтар гулам
»	между 1812 и 1818	Раджаб таджик (Кухистани)
»	ок. 1820, ок. 1829	Ер-Назар-бек
'Инак	ок. 1800	Кадам таджик
»	1820/21	Джилаудар, хаким Шахрихана
»	1830, 1842, 1844	Танди, в 1844 г. — хаким Шахрихана
»	ок. 1840	Баба-Рахим
Ишикакабаши	1842	Зухур таджик
Йасаул	до 1798	Пир-Мухаммад
»	»	Гарибдуст таджик
»	1842, 1844	Мухаммад-Карим
Йузбаши	1844	Берди-Али дадхах
»	»	Мухаммад-Салих-ходжа-йи судур

Продолжение приложения 4

1	2	3
»	»	Мир-Алим
Йузбаши махрамов	»	Садик-бий
Кази	между 1810 и 1822/23	Дамулла Баба-йи а'лам
»	1844	Ал-Мухаммад
Кази-калан	между 1810 и 1822/23	Дамулла Мирза
»	1865	Абд ал-Ваххаб-ходжа ишан
Кази-ра'ис	1844	Дамулла Хал-Мухаммад
Караулбеги	»	Ахунд
Курбаши	1852	Мухаммад-Раджаб
Кушбеги	ок. 1803, ок. 1810, между 1812 и 1818, ок. 1820	Раджаб таджик (Кухистани)
»	1810	Лашкар
»	между 1812 и 1818	Лашкар диванбеги
»	1820/21	»
»	ок. 1829	Хушвакт йуз
»	1830, 1832, ок. 1837	Шахи Маргинани
»	ок. 1838	Ходжа
»	1840	Саййид, хаким Чуста
»	»	Батур/Бахадур (Абд ал-Карим ?)
»	1842, ок. 1843, 1844	Азимбай
»	ок. 1850, 1852	Нар-Мухаммад кипчак, хаким Ташкента
»	ок. 1850	Мулла Хал-бек кипчак
»	1852	Мухаммад-Нийаз
»	»	Мухаммад Йа'куб-бек
»	1862	Дуст-Мухаммад каракалпак, назначенный в Балыкчи
Мингбаши	ок. 1810—1812	Шахи парваначи Маргинани
»	ок. 1812	Йусуф дадхах Кашгари/таглык амир-и лашкар
»	1822/23—ок. 1825	Йусуф Кашгари/таглык
»	ок. 1825	Хаккули йуз амир-и лашкар
»	1826, 1830	Хаккули йуз
»	1842—ок. 1843	Йусуф киргиз
»	ок. 1843—1844	Шади дадхах
»	ок. 1847	Мусулманкули кипчак
»	ок. 1847	Мулла Хал-бек кипчак

1	2	3
Мингбаши	ок. 1847	Мусулманкули кипчак
»	1852	Утамбай/Утаббай кушбеги кипчак
»	»	Мухаммад-Қасим парваначи Оши
»	между 1852 и 1858	Мухаммад-Нийаз
»	1862—1863	Шадман-ходжа Ташканди
Мир	ок. 1796—97	Хаджи-бек
»	ок. 1809	Му'мин-бек
Мирахур	1844	Мухаммад-Сабир
Мирза	до 1798	Таш-Мухаммад
»	ок. 1798	Қурбан-Мухаммад и
»	»	его брат Му'мин-Джан
»	1862	Мирза Қамил
Мирзабаши Ташкента	1852	Мулла Мухаммад Йусуф атала
Михтар	1810	Зухур диванбеги гулам
»	ок. 1820—1822/23	Базаркул гулам
Михтар Қоканда	ок. 1830	Айса-бек Андиджани
Мунши	1865	Мулла Йунус-Джан
Найиб столицы	1864	Джамадар Қабули афган
»	конец 60-х—начало 70-х гг. XIX в.	Ата-бек
Накиб	между 1810 и 1822/23	Ишан-хан-тора
»	»	Тора-хан-тора
Начальник охраны дворцового гарема в Қоканде	ок. 1810	Зухур диванбеги
Пансад/пансадбаши	1844, 1852	Му'мин-ходжа таджик
»	ок. 1847	Мухаммад-Нийаз даддхах
»	1852	Қаримкул
»	»	Мирза Қаландар
»	»	Қамбар-бек
»	»	Мухаммад-Назар кулак
»	1860—1861	Ходжа таджик
»	1864	Абдаллах
Парваначи	ок. 1810	Шахи Маргинани
»	1844	Рахматаллах, хаким Чуста
»	1852	Мухаммад-Қасим Оши
Ра'ис, см. казира'ис		
Рисалачи	между 1847 и 1849	Хатимкули
»	ок. 1850	Қулбаба
Судур	1842	Мухаммад-Салих-ходжа

1	2	3
Судур	1844	Он же, йузбаши махрамов
Сурначи	ок. 1801	Мухаммад-Шариф
Хазиначи	1846/47	Азиз-ходжа Чусти (Азиз-бача), хаким Ташкента
Халифа	1844	Мухаммад-Карим
»	»	Лула
»	между 1844 и 1852	Сафа
Халифа ордена накшбандиййа	до 1869	Хазрат-и Сахиб
»	с 1869	Хазрат-и Ишан Джан
Ходжа-йи калан	между 1810 и 1822/23	Тора-ходжа-йи Махдум-и А'зами
»	1852	[Ходжа-йи калан] Джуйбари
»	1863	[Ходжа-йи калан] Кашгари
Худайчи	ок. 1810	Мухаммад-Нур таджик
»	1842, 1844	Мухаммад-Нийаз
»	1862	Бек-Мухаммад кипчак
Чапкунчи	до 1846/47	Турсунбай
Шайх	ок. 1803	[Шайх] Насир
Шайх ал-ислам	между 1810 и 1822/23	Закир-ходжа ишан Намангани
»	1844	Его сын Сулайман-ходжа
»	1862, 1865	Сулайман-ходжа
Шарбатдар	ок. 1828—1829	Абд ар-Рахман
»	1852	Камбар
Шигаул	1842, 1844	Тангрикули/Таникули
»	1852	Сайф ад-Дин

5. Наместники и независимые от Коканда правители, по ТШ (Хакимы, вали)

Пункт или область	Время упоминания	Имя	Кем поставлен
1	2	3	4
Аблык (Авлык)	1858	Фарман курама	
Ак-Мечеть	1853	Мухаммад-Али	
Андижан	ок. 1843	Мусулманкули кипчак	Шир-Али-ханом
»	1852	Айса-бек йуз	Худайар-ханом
»	1860	Алим-бек киргиз	
»	1862	Дуст йуз	Худайар-ханом
»	1863	Ходжа-йи калан Кашгари	эмиром Бухары
Балыкчи	1846/47	Сарымсак-хан	кипчаками
»	1862	Дуст-Мухаммад кушбеги каракалпак (?)	Худайар-ханом
Дарваз	ок. 1837	Шах Султан-Махмуд	независимый правитель
Йар-Мазар см.: Маргилан			
Каратегин	ок. 1837	Шахи кушбеги Маргинани	кокандцами
Кашгар	1826—1827	Джахангир-хан-торайи Саййид Афаки	при поддержке кокандцев
Кереучи (центр Курамы)	1846—1847	Нар-Мухаммад кушбеги	
»	1862	Рустам-бек	
Коштегирман см.: Нау и Коштегирман			
Маргилан (резиденция хакима-Йар-Мазар)	ок. 1165/1751	Абд ар-Рахман-хан	кокандцами
»	ок. 1825—ок. 1827	Йусуф мингбаши Кашгари/таглык	
»	1842 — ок. 1843	Шади дадхах	Шир-Али-ханом
»	ок. 1843	Йусуф мингбаши киргиз	»
»	1852	Утамбай/Утаббай кушбеги кипчак	
»	1862	Мирза Ахмад Хуканди	Худайар-ханом
Нау и Каштегирман	1862	Мирза Даулат таджик из Кухистана	
Ташкент (Таш)	ок. 1803, ок. 1809	Йунус-ходжа	независимый правитель
»	ок. 1810	Лашкар кушбеги	Алим-ханом

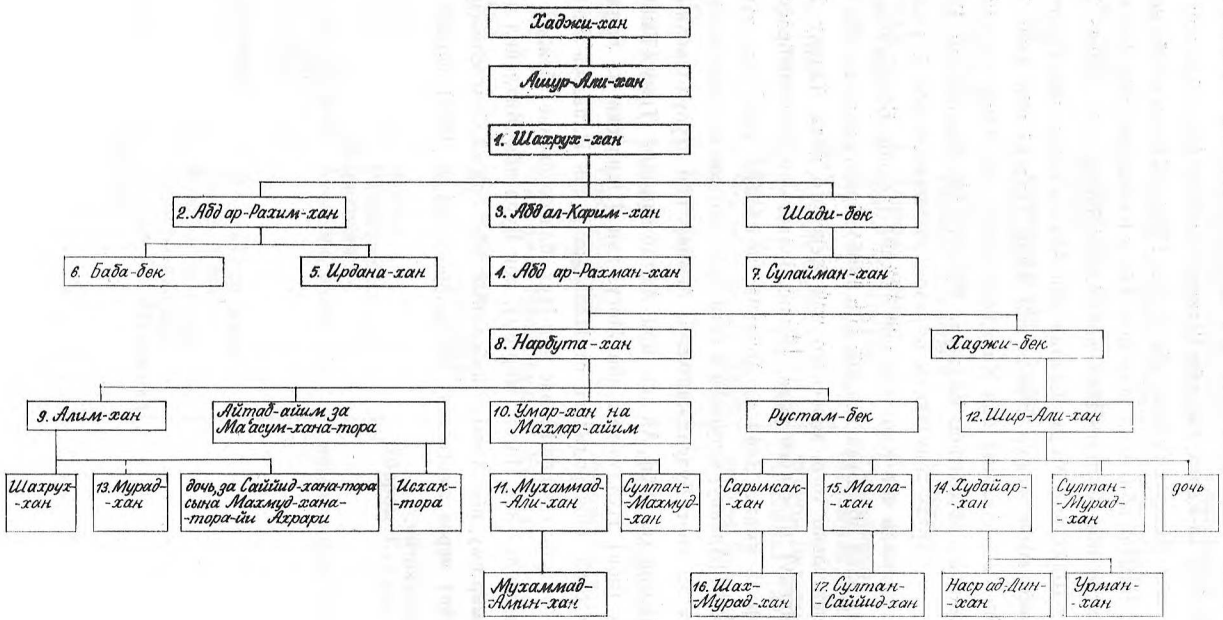
1	2	3	4
Ташкент (Таш)	между 1812 и 1818, 1820/21, 1840	Лашкар кушбеги	
»	ок. 1840—1842	Султан-Махмуд-хан	Мухаммад-Али-ханом
»	1842	Мухаммад-Шариф аталык	эмиром Бухары
»	1842	Мухаммад Карим Кала Маргинани	кокандцами
»	ок. 1843—1844	Сарымсак-хан	»
»	1844	Мулла Хал-бек кипчак	кипчаками
»	1844—1846/47	Сарымсак-хан	независимый правитель
»	1846/47	Азиз хазиначи Чусти (Азиз-бача, Азиз-ходжа)	кипчаками
»	между 1847 и 1849	Нар-Мухаммад кипчак	
»	ок. 1850, 1852	Нар-Мухаммад кушбеги кипчак	
»	1852	Мухаммад-Нийаз кушбеги	
»	1852—1853	Малла-хан	Худайар-ханом
»	1853	Суфи-бек	»
»	1860	Кана'ат-шах таджик	
»	1863 — ок. 1864	Шадман-ходжа мингбаши Ташканди	кипчаками
»	ок. 1864	Нар-Мухаммад Задийани	Алимкулом
»	1864	Мирза Ахмад Хуканди	Алимкулом
Тора-курган	ок. 1820	Ер-Назар-бек диванбеги	Умар-ханом
»	ок. 1824—1825	Исхак-тора	
»	1842	Инайаталлах-ходжа Джуйбари	эмиром Бухары
»	1844	Мухаммад-Назар-бек сакав	при поддержке кипчаков
Туркестан	между 1812 и 1818	Шайх-Бадал дадхах	Умар-ханом
»	1846/1847	Кана'ат-шах таджик	Сарымсак-ханом
»	1864	Мирза Даулат таджик из Кухистана	Алимкулом
Ура-Тюбе	1139/1726	потомок Кулика	независимый правитель
»	1211—1212/1796/1797	»	»
»	1806	Ер-Назар диванбеги	эмиром Бухары
»	1806	Кадам 'инак таджик из мирбачей	Алим-ханом
»	ок. 1810, 1818	Махмуд-хан-тора-йи Ахрари	при поддержке эмира Бухары
»	1818	Раджаб кушбеги таджик (Кухистани)	Умар-ханом

1	2	3	4
»	»	Мухаммад-Рахим аталык йуз, потомок Кулика	независимый правитель
Ура-Тюбе	1830	Шахи кушбеги Маргинани	кокандцами
»	ок. 1851	Айса-бек йуз, потомок Кулика	независимый правитель
Фергана	1842	Ибрахим-Хайал тарйаки мангыт	эмиром Бухары
Ходжент	1138/1725	Акбута-бий	независимый правитель
»	ок. 1803	Раджаб диванбеги //кушбеги	Алим-ханом
»	1810	Ханкули мирза	Алим-ханом
»	ок. 1812	Шахи Маргинани	Умар-ханом
»	1840	Гадай-бай дадхах курама	Мухаммад-Али-ханом
»	ок. 1840	Султан-Махмуд-хан	эмиром Бухары
»	ок. 1840	Баба Рахим ‘инак или Махмуд-Али	Мухаммад-Али-ханом
»	1842 — ок. 1843	Ходжа-йи калан Джуйбари	эмиром Бухары
»	1862	Йа‘куб-бача Пискати	
Чадак	1121/1709	ходжа	независимый правитель
Чардара	1844	Сарымсак-хан	эмиром Бухары
»	1862	Баба-джан	
Чимион	1852	Мухаммад-Нийаз кушбеги	Худайар-ханом
Чимкент	1860	Ибрахим-бек	
Чиназ	1862	Мирза Камил-мирза	
Чуст	1840	Саййид кушбеги	
Чуст	1842	мангыт	эмиром Бухары
»	1844	Рахматаллах дадхах/ /парваначи	
Шахрисябз	1142/1729 или 1145—1146/ 1732—1733	Алим-бек вални‘ми	независимый правитель
Шахрихан	1820/1821	Джилаудар ‘инак	
»	1844	Танди ‘инак	
»	»	Мухаммад-Назар Куроглы кипчак	
»	1852	его сын Хал-Мухаммад дадхах	

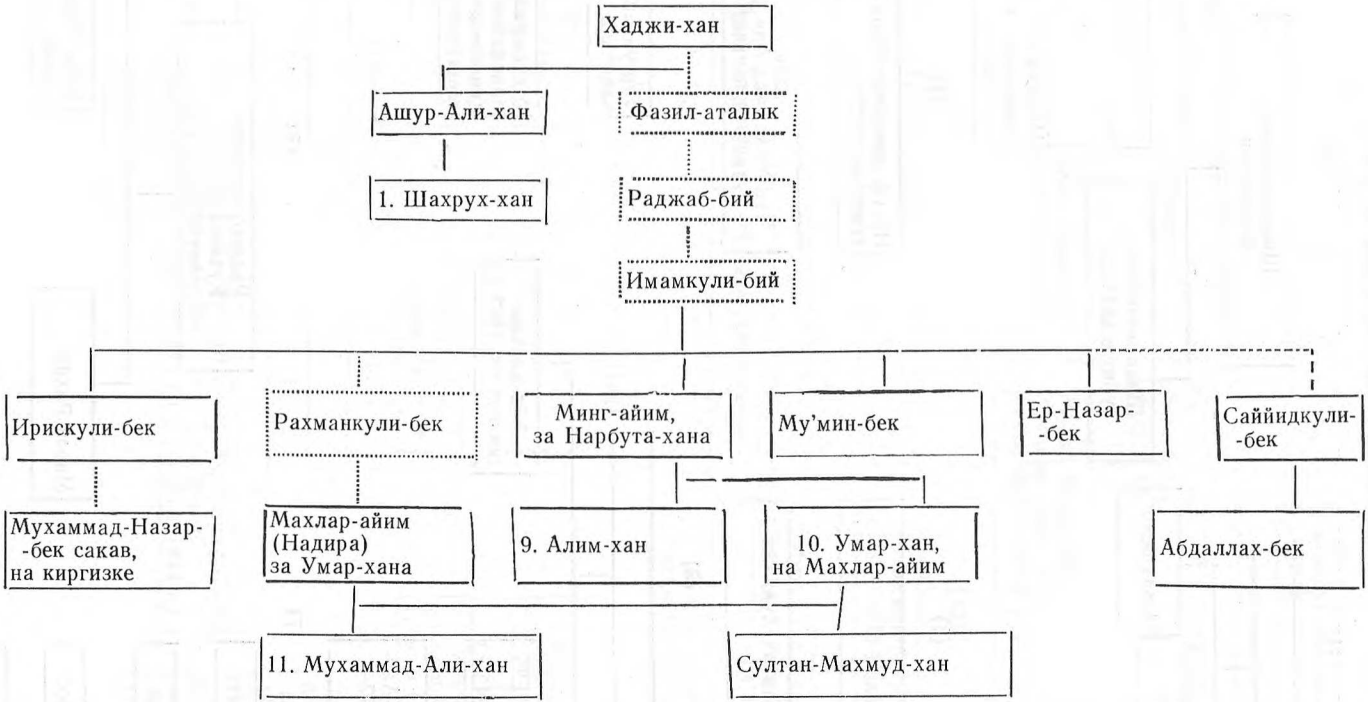
6. Полная родословная Худайар-хана
(по ТШ, С 468 (л. 195б—197а))

‖ (л. 195б) «...Худайар-хан ибн Шир-Али-хан ибн Хаджи-хан ибн Абд ар-Рахман-хан ибн Абд ал-Карим-хан ибн Шахрух-хан ибн Ашур-Али-хан ибн Хаджи-хан ибн Рустам-хан ибн Шахрух-султан ибн ‖ (л. 196а) Шахмаст-бий, который известен как Чамаш-бий; Чамаш ибн Асил-зада ибн Абу-л-Касим бий ибн Мухаммад-Амин-хан ибн Худайар-султан ибн Султан-Илик ибн Алтун-Бишик ибн Мирза Бабур-падишах ибн Мирза Умар-Шайх ибн Мирза Султан ибн Абу-Са'идхан ибн Султан-мирза ибн Мирза Мираншах ибн Амир Тимур куркан ибн Амир Тарагай ибн Амир Баркул ибн Амир Илингиз ибн Амир Анджил ибн Караджар-нойон ибн Амир Сугуджин ибн Барукн-хан ибн Ирумджи-барлас-хан ибн Каджули бахадур ибн Бартан-хан. Род Чингиз-хана восходит также к Бартан-хану таким образом: Чингиз-хан ибн Есукай бахадур ибн упомянутый Бартан-хан ибн Кабл-хан ибн Тумана-хан ибн Бай-Сунгар-хан ибн Кайду-хан ибн Дутумнин-хан ибн Бука-хан ибн ‖ (л. 196б) Бузунджар-хан ибн Аланку. Есть разногласия относительно того, мужского или женского рода Аланку. По словам тех, кто считает [Аланку] мужского рода, [Аланку] заключил в сети бракосочетания одну из внучек (ахфад) имама Зайн ал-Абидина; по словам [же] тех, кто считает [Аланку] женского рода, [Аланку] вступила в сети брачного союза с одним из упомянутых алидов и произвела на свет Бузунджар-хана. Аланку ибн Дубун-Пайан-султан ибн Чубина-хан ибн Мангли-хан ибн Ай-хан ибн Афтаб-хан ибн Тимур-Таш-хан ибн Кайан-хан ибн Ил-хан [ибн] Йулдуз-хан ибн Могул-хан [Приписка на полях: «Татар — родной брат Могул-хана. Оба родились от Илнаджа»] ибн Илнаджа-хан ибн Илйас-хан ибн Кара-хан ибн Турк-хан ибн Йафас ибн Нух, благословение [божье] и мир ему, ибн Мулук ибн Манушлах ибн Идрис, мир ему, ибн Бурд ибн Михлайил ибн Кайнан ибн Нуш ибн Шайс, мир ему, ибн Адам — избранный друг божий, благословение божье и мир ему. [Худайар-хан] через шестьдесят шесть предков ‖ (л. 197а) связан с Хазратом Отцом рода человеческого».

7. Генеалогическая таблица правителей Коканда по ТШ

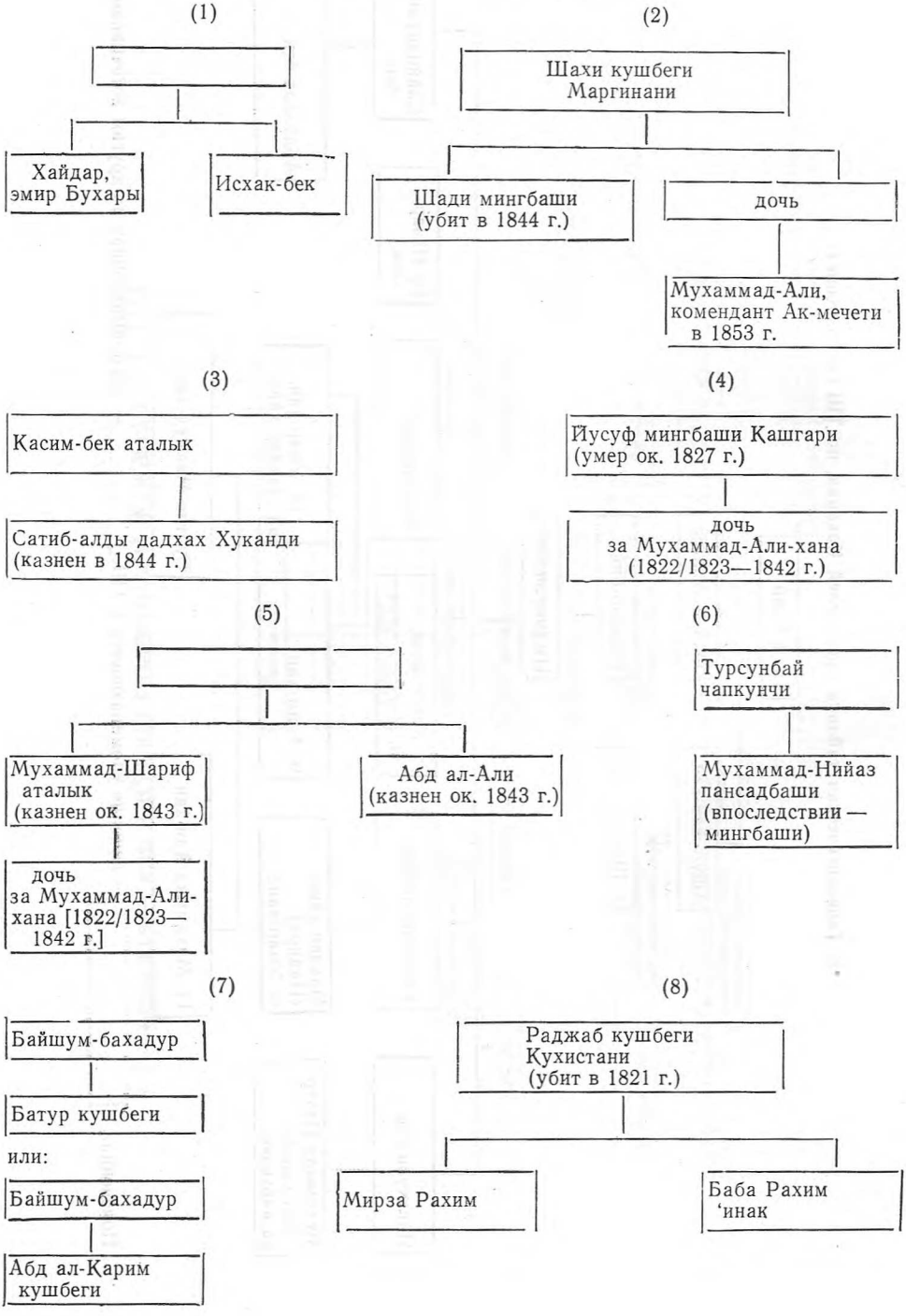

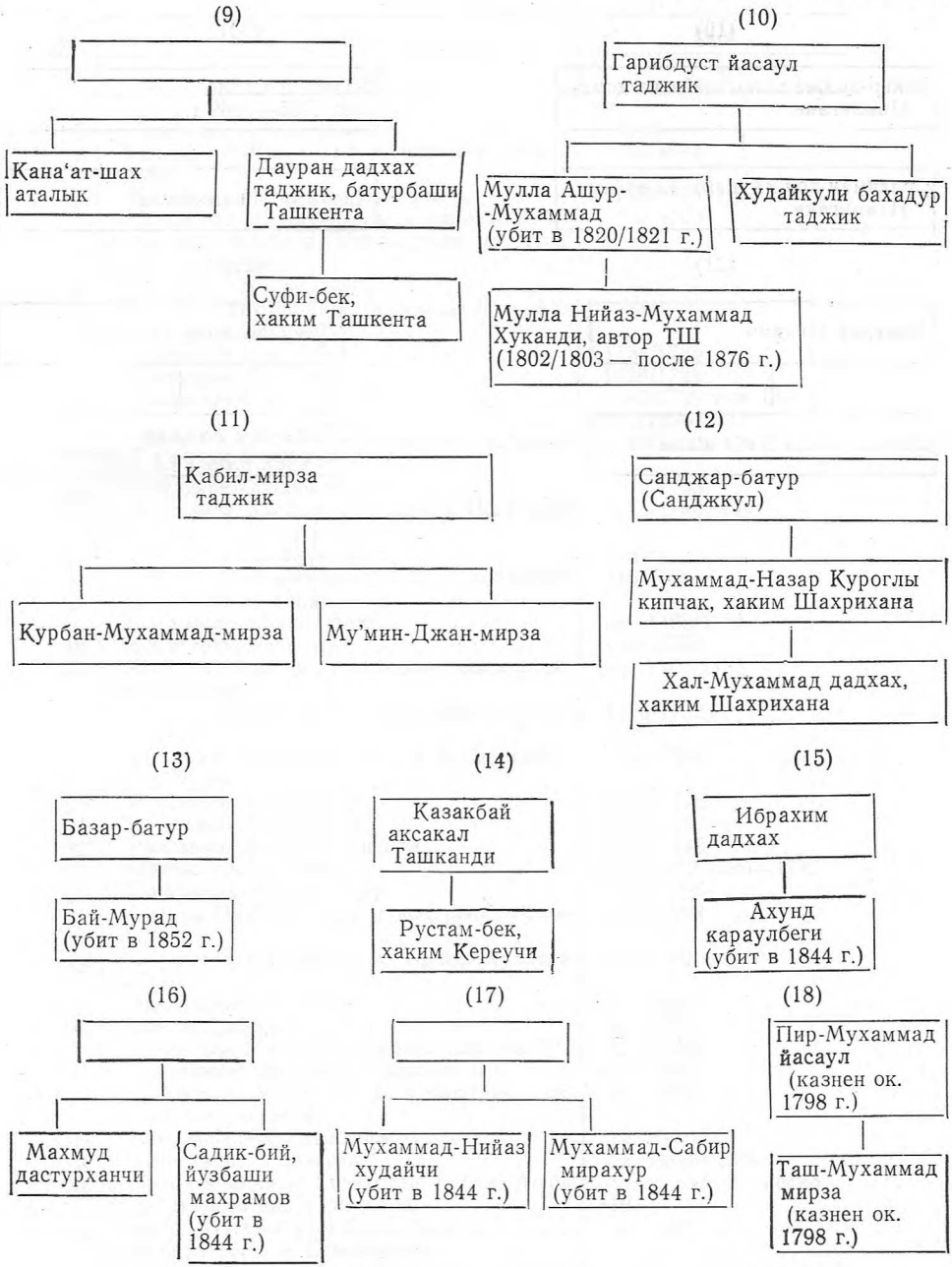
8. Генеалогическая таблица правителей Коканда, по ТШ (дополнение)

Пояснения: ..... — лицо, не упоминающееся в ТШ. ..... — связь выявленная по другим источникам.

9. Материалы к генеалогии знати, по ТШ

(9)
Кана'ат-шах аталык
Дауран дадхах таджик, батурбаши Ташкента
Суфи-бек, хаким Ташкента
(10)
Гарибдуст йасаул таджик
Мулла Ашур--Мухаммад (убит в 1820/1821 г.)
Худайкули бахадур таджик
Мулла Нийаз-Мухаммад Хуканди, автор ТШ (1802/1803 — после 1876 г.)
(11)
Кабил-мирза таджик
Курбан-Мухаммад-мирза
Му'мин-Джан-мирза
(12)
Санджар-батур (Санджкул)
Мухаммад-Назар Куроглы кипчак, хаким Шахрихана
Хал-Мухаммад дадхах, хаким Шахрихана
(13)
Базар-батур
Бай-Мурад (убит в 1852 г.)
(14)
Казакбай аксакал Ташканди
Рустам-бек, хаким Кереучи
(15)
Ибрахим дадхах
Ахунд караулбеги (убит в 1844 г.)
(16)
Махмуд дастурханчи
Садик-бий, йузбаши махрамов (убит в 1844 г.)
(17)
Мухаммад-Нийаз худайчи (убит в 1844 г.)
Мухаммад-Сабир мирахур (убит в 1844 г.)
(18)
Пир-Мухаммад йасаул (казнен ок. 1798 г.)
Таш-Мухаммад мирза (казнен ок. 1798 г.)

(19)

Закир-ходжа ишан шайх ал-ислам Намангани

Сулайман-ходжа шайх ал-ислам Намангани

(20)

Хазрат-и Сахиб (ок. 1785—1869 г.)

Хазрат-и Ишан Джан

(21)

Дамулла Махдум

Дамулла кази Баба а'лам

(22)

Дамулла Ариф Пискати

Махдум-и Хаммам мударрис медресе Хаммам

10. Хронология событий по ТШ

№	Событие	Год
1	2	3
1	Рождение Алтун-Башика	919/1513
2	Рождение Шахрух-хана, потомка Алтун-Бишика	1103/1691
3	Рождение Абд ал-Карим-хана	1115/1703
4	Воцарение Шахрух-хана и основание им крепости-резиденции Иски-курган (в окрестностях Коканда)	1121/1709
5	Рождение Ирдана-хана	1133/1720
6	Смерть Шахрух-хана и восшествие Абд ар-Рахим-хана	1134/1721
7	Покорение Ходжента	1138/1725
8	Покорение Ура-Тюбе	1139/1726
9	Покорение Самарканда	1142/1729 или 1145—1146/1732—1733
10	Смерть Абд ар-Рахим-хана и воцарение Абд ал-Карим-хана	1146/1733
11	Рождение Сулайман-хана	1146/1733
12	Основание дворца и города в Иски-урда (Коканд)	1153/1740
13	Рождение Нарбута-хана	1163/1749
14	Смерть Абд ал-Карим-хана и воцарение Абд ар-Рахман-хана	1164/1750
15	Воцарение Ирдана-хана	ок. 1165/1751
16	Воцарение Баба-бека	1166/1752
17	Убийство Баба-бека и новое воцарение Ирдана-хана	ок. 1167/1753
18	Смерть Ирдана-хана и воцарение Сулайман-хана	1176/1762
19	Убийство Сулайман-хана и восшествие Нарбута-хана	1177/1763
20	Рождение Алим-хана	1189/1775
21	Рождение Умар-хана	1200/1785
22	Рождение Хазрат-и Сахиба	1200/1785
23	Мятеж Хаджи-бека	1211—1212/1796—1797
24	Постройка медресе Мир	1213/1798
25	Смерть Нарбута-хана и воцарение Алим-хана	1213/1798
26	Формирование войска из горцев Кухистана	ок. 1799
27	Завоевание Ура-Тюбе	ок. 1800
28	Осада Джизака	ок. 1801
29	Рождение Нийаз-Мухаммада, автора ТШ	1217/1802
30	Покушение диваны на Алим-хана	ок. 1803
31	Вторжение Йунус-ходжи в Фергану. Битва при Гурумсарае	ок. 1803
32	Рождение Мухаммад-Али-хана	1220/1805
33	Завоевание Ташкента	ок. 1808—1809
34	Поход в Южный Казахстан. Гибель Алим-хана. Восшествие Умар-хана	конец зимы — весна 1810
35	Набег Йусуфа мингбаши Кашгари в сторону Ура-Тюбе и Самарканда	ок. 1812
36	Строительство соборной мечети в Коканде	1234—1235/1818—1819

1	2	3
37	Присоединение Ура-Тюбе к Коканду и захват в плен ура-тюбинского правителя Махмуд-хана-тора	1818
38	Сдача Ура-Тюбе Раджабом кушбеги Мухаммад-Рахим-аталыку йузу	ок. 1818
39	Назначение хакимом Тора-кургана Ер-Назар-бека диванбеги и убийство Раджаба кушбеги	1819
40	Поход Умар-хана на Джизак по просьбе хитай-кипчаков и каракалпаков	1819
41	Выдача дочери Алим-хана замуж за Саййид-хана-тора, сына Махмуд-хана-тора	1820
42	Строительство Базаркул михтаром дворца в Коканде	1820—21
43	Смерть Умар-хана и воцарение Мухаммад-Али хана	конец 1822 — начало 1823
44	Назначение Исхак-тора, сына Афтаб-айим, хакимом Тора-кургана	начало 1824
45	Изгнание Исхак-тора в Бухару	ок. 1825
46	Назначение Йусуфа мингбаши Кашгари хакимом Маргилана и назначение на место мингбаши Хаккули йуза	ок. 1825
47	Прибытие в Коканд из Пешавара Хазрат-и Сахиба	1242/1826
48	Изгнание Ма'сум-хана-тора из Коканда	ок. 1826
49	Изгнание Йусуфа мингбаши в хадж и смерть его в пути	ок. 1827
50	Смерть Афтаб-айим, тетки Мухаммад-Али-хана	ок. 1828
51	Казнь Ер-Назар-бека диванбеги и Хушвакта кушбеги йуза	ок. 1829
52	Назначение михтаром Коканда Айса-бека Андиджани	ок. 1830
53	Постройка медресе Хан Мирзой Йадгаром в Коканде	1246/1830
54	Бегство Джахангир-ходжи в Кашгар	ок. 1830
55	Бегство Айса-бека в Кашгар	ок. 1831
56	Осада Джахангир-ходжой Кашгара. Поход Мухаммад-Али-хана в Кашгар	ок. 1831
	Взятие последнего Джахангир-ходжой и Хаккули мингбаши	
57	Рождение Худайар-хана	ок. 1831
58	Взятие китайскими войсками Кашгара	ок. 1832
59	Покорение Ура-Тюбе	1832/1833
60	Кокандское посольство к турецкому султану	1833/1834
61	Поход кокандских войск в Кашгар	1834/1835
	Неудачная попытка отвоевать у Коканда Ура-Тюбе	
62	Вражда между Лашкаром бекларбеги и Хаккули мингбаши	1835/1836
63	Поход на Талас	1835/1836
64	Казнь Хаккули мингбаши	1836/1837
65	Покорение Каратегина и Дарваза	1837/1838

1	2	3
66	Изгнание из Коканда Ходжи кушбеги	1838/1839
67	Бухарское посольство в Коканд. Поход кокандцев на Пшагар	ок. 1839
68	Стояние кокандских и бухарских войск в районе Йама и Замина	ок. 1839
69	Нанесение ханом обиды и изгнание в хадж Хазрат-и Сахиба	ок. 1839
70	Разгром кокандцев бухарским эмиром под Ура-Тюбе	ок. 1840
71	Достижение войском эмира Махрама (Фергана)	24 октября — 21 ноября 1841
72	Покорение эмиром Ферганы. Убийство Мухаммад-Али-хана и его родственников	21 апреля — 21 мая 1842
73	Изгнание бухарцев из Ферганы. Воцарение Шир-Али-хана	конец лета 1842
74	Неудачная осада Коканда эмиром Бухары	осень 1842
75	Первый хадж Хазрат-и Сахиба	1260/1844
76	Захват кипчаками власти в Фергане	1844
77	Убийство Шир-Али-хана, 9-дневное правление Мурад-хана и воцарение Худайар-хана	декабрь 1844 — январь 1845
78	Второй хадж Хазрат-и Сахиба.	1261/1845
79	Убийство Сарымсак-хана	1263/1846
80	Убийство Азиза-бача Чусти, бывшего хакима Ташкента	ок. 1849
81	Восстание киргизов в районе Намангана и Междуречья	1849/1850
82	Бегство в Ташкент из Коканда Мулла Каримкули	ок. 1850
83	Оставление Айса-беком (правитель Ура-Тюбе) своего вилайета и поступление его на кокандскую службу	1268/1851
84	Перестройка дворца Иски-урда в медресе Худайар-хана	1851—1852
85	Проведение канала Чини-абад (Каттаарык) в Фергане	1272/1855
86	Свержение власти кипчаков. Казнь Мусулманкула	1273/1856
87	Взятие Ак-Мечети русскими войсками. Мятеж Малла-хана в Ташкенте	1273/1856
88	Воцарение Малла-хана	1858
89	Поход кокандцев в Семиречье. Узун-Агачская битва	1277/1860
90	Поход в сторону Туркестана	1277/1860
91	Постройка медресе Хазрат-и Сахиба	1278/1861
92	Убийство Малла-хана. Воцарение Шах-Мурад-хана	в ночь на 24 февраля 1862
93	Второе воцарение Худайар-хана	1862
94	Борьба Худайар-хана с кочевниками Ферганы	осень 1862
95	Воцарение Саййид-Султан-хана	1863
96	Взятие русскими войсками Туркестана и Аулие-Аты	1281/1864

1	2	3
97	Поход Алимкула в Ташкент. Дело при Икане	зима 1864/65
98	Третье воцарение Худайар-хана	1282/1865
99	Возвращение Хазрат-и Сахиба из Бухары в Коканд	1283/1866
100	Строительство в Коканде торговых рядов, Сара-йи калан, Сара-йи пунба и Каппан	1284/1867
101	Рождение Урман-хана, сына Худайар-хана	1284/1867
102	Постройка мадраса-йи дарун-и Хазрат-и Сахиб в Коканде	1284/1867
103	Смерть Хаким-айим, матери Худайар-хана	1285/1868
104	Смерть Хазрат-и Сахиба	20 января 1869
105	Заступление на его место халифы ордена накшбандиййа старшего сына последнего Хазрат-и Ишан Джана	1869
106	Разбивка сада в местности Хаджибек	1286/1869
107	Постройка столичного дворца, разбивка сада вокруг него и постройка медресе Хаким-айим	1286/1869
108	Постройка ханского медресе и ханской усыпальницы	1287/1870
109	Пожар на базаре, где торговали ситцем	июль 1870
110	Постройка Худайар-ханом нового приюта для каландаров (каландар-хана)	1288/1871
111	Строительство медресе Султан-Мурад-хана и дома курбаши с айваном	1288/1871
112	Кокандское посольство в Ташкент. Той в честь Урман-хана	1288/1871
113	Постройка Худайар-ханом медресе в Чусте и Намангане	1290/1873

Примечание. События № 44—56, 58—64 в источнике датированы неточно. Здесь датировка приведена по рукописи ЛО ИВ АН СССР, С 468, где она ближе к истинной.

АЛДН	—Бек-Назар. Амир-и лашкар джанг-намаси. Рук. ИВ АН УзССР, № 1925/II.
АСТХ	— Мирза Алим Ташканди. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин. Рук. ИВ АН УзССР, № 1314/I.
БТ	— Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд. Рук. Парижской национальной библиотеки Supplément persan 2109.
ГМ	— Мухаммад Йа'куб. Гулшан ал-мулук. Рук. ИВ АН УзССР, № 12
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека.
ГС	— Таджир. Гарайиб-и сипах. Рук. ИВ АН УзССР, № 5408.
ДГ	— Гази. Диван-и Гази. Рук. ИВ АН УзССР, № 121.
ДНХХ	— Мулла Шамси. Джанг-нама-йи Худайар-хани. Рук. ИВ АН УзССР, № 599.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., Пг.
ЗНХ	— Абд ал-Гафур. Зафар-нама-йи Худайар-хани. Рук. ИВ АН УзССР, № 598.
ИВ	— Институт востоковедения.
КХ	— Кокандское ханство.
ЛО ИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения.
МА	— Мухаммад Амин. Мазхар ал-ахвал. Рук. ИВ АН УзССР, № 1936.
Мактубча-йи хан	— Мухаммад Умар Маргинани. Мактубча-йи хан. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 575.
МВ	— Муким Васфи. Касида. Маснави. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 315.
МИКК, I	— Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.
МИКХ	— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
МТ	— Мухаммад-Хаким-хан-тора. Мунтахаб ат-таварих. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 470
МТТБ	— Мир-Хусайн-тора. Махазин ат-таква фи та'рих ал-Бухара. Рук. ИВ АН УзССР, № 51.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
Поэма об эмире Хайдаре	— Поэма об эмире Хайдаре. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 2309. На среднеаз. тюрки.
ППВ	— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник.
ПТКЛА	— Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
РТШ	— Рисала-йи та'рих-и Шахрухиййа. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2237.
СВР	— Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР: (Каталог). Ташкент, 1952—1975. Т. I—X.

СИЭ	— Советская историческая энциклопедия.
Тадж ат-таварих.	— Мухаммад Шариф. Тадж ат-таварих. Рук. ИВ АН УзССР, № 2092.
ТАЛ	— Та'рих-и Аликули амир-и лашкар. Рук. ИВ АН УзССР, № 12136.
ТАМ	— Мухаммад Йа'куб. Та'рих-и амиран-и мангитиййа. Рук. ИВ АН УзССР, № 2726/I.
Та'рих-и Манзум.	— Мирза Садик Мунши. Та'рих-и Манзум. Рук. ИВ АН УзССР, № 3686/III.
Та'рих-и Салими.	— Мирза Салим-бек. Та'рих-и Салими. Рук. ИВ АН УзССР. № 2016.
ТАХ	— Мулла Ибадаллах и Мулла Мухаммад-Шариф. Та'рих-и Амир Хайдар. Рук. ИВ АН УзССР, № 1836.
ТВ	— Туркестанские ведомости. Ташкент.
ТДТ	— Мухаммад-Салих-ходжа Ташканди. Та'рих-и джадида-йи Ташканд. Рук. ИВ АН УзССР, № 5732.
ТМ	— Али Кундузи. Таварих-и манзума. Рук. ИВ АН УзССР, № 597.
ТС	— Абдаллах амир-и лашкар. Та'рих-и Сигари. Рук. Британской библиотеки. Or. 8156.
ТСУ	— «Та'рих-и сулатин-и узбакиййа, аштарханиййа ва мангитиййа», приписываемое Мир-Хусайну, сыну бухарского эмира Хайдара. Рук. ИВ АН УзССР. № 112/I.
ТТ	— Мулла Алим Махмуд-хаджи. Та'рих-и Туркистан. Ташкент, 1915. На среднеаз. тюрки.
ТТХ	— Аваз Мухаммад. Тухфат ат-таварих-и хани. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 440.
Тухфа-йи шахи.	— Абд ал-Азим «Сами». Тухфа-йи шахи. Рук. ИВ АН УзССР, № 2091.
ТФ	— Исхак-хан. Та'рих-и Фаргана. Рук. ИВ АН УзССР, № 11616.
ТХМН	— Маджзуб Намангани. Тазкира-йи Хазрат-и Маджзуб Намангани. Рук. ИВ АН УзССР, № 2662/II.
ТХХ	— Исмати. Та'рих-и Худайар-хан. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 667.
ТШ	— Та'рих-и Шахрухи.
ТШ, № 942	— Нийаз Мухаммад Хуканди. Таварих-и Шахрухиййа. Рук. ЛГУ, № 942.
ТШ, № 1787	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. ИВ АН УзССР, № 1787.
ТШ, Готвальд 39	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. Научной библиотеки Казанского университета, «Готвальд 39».
ТШ, ПНС 174	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС 174.
ТШ, С 467	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 467.
ТШ, С 468	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 468.
ТШ, С 469	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 469.
ТШП	— Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы: Сочинение моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная П. Н. Пантусовым. Казань, 1885.
ТШТ	— Нийаз-Мухаммад Хуканди. Та'рих-и Шахрухи. Перевод на среднеаз. тюрки. Рук. ИВ АН УзССР, № 4463/I.
УН	— Абд ал-Карим Намангани. Умар-нама. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 2467.
ФС	— Мир Алим Бухари. Фатх-нама-йи султани. Рук. ИВ АН УзССР, № 1838.
ЦНБ	— Центральная научная библиотека.
ШУ	— Мирза Каландар Исфараги. Шах-нама-йи Умар-хани. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 471.

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА

1. *Маркс К.* Британское владычество в Индии //*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9.
2. *Энгельс Ф.* К. Марксу, 23 мая 1851 г. //*Энгельс Ф.* Соч. Т. 27.
3. *Энгельс Ф.* К. Марксу, 6 июня 1853 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28.

ИСТОЧНИКИ

4. *Абд ал-Азим «Сами».* Тухфа-йи шахи. Рук. ИВ АН УзССР, № 2091. 298 л.
5. *Абд-ал-Гафур.* Зафар-нама-йи Худайар-хани. Рук. ИВ АН УзССР, № 598. 65 л.
6. *Абд ал-Карим Намангани.* Умар-нама. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 2467. 158 л.
7. *Абдаллах амир-и лашкар.* Та'рих-и Сигари. Рук. Британской библиотеки. Or. 8156. 107 л.
8. *Аваз-Мухаммад.* Тухфат ат-таварих-и хани. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 440. 360 л.
9. *Али Кундузи.* Таварих-и манзума. Рук. ИВ АН УзССР, № 597. 84 л.
10. Бабур-наме. Записки Бабура /Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. 530 с.
11. Байаз. Рук. ИВ АН УзССР, № 1925/I. 313 л.
12. Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд. Рук. Парижской национальной библиотеки. Supplément persan 2109. 7 л.
13. *Бек-Назар.* Амир-и лашкар джангнамаси. Рук. ИВ АН УзССР, № 1925/II, л. 78б—95б.
14. *Возех Р.* Тўҳфат ул-аҳбоб фи-тазкират ул-асҳоб. Душанбе, 1977. 226 с.
15. *Гази.* Диван-и Гази. Рук. ИВ АН УзССР, № 121/I, л. 1б—62б.
16. *Исмати.* Та'рих-и Худайар-хан Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 667, л. 179б—262а.
17. *Исхак-хан.* Та'рих-и Фаргана. Рук. ИВ АН УзССР, № 11616/I, л. 1б—75б.
18. *Исхак-хан.* Та'рих-и Фаргана. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 1512. 104 л.
19. *Маджзуб Намангани.* Тазкира-йи Хазрат-и Маджзуб Намангани. Рук. ИВ АН УзССР, № 2662/II, л. 13а—132а.
20. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. 652 с.
21. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I. 280 с.
22. *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных: (география) /Введение, пер., прим. и указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. 168 с.
23. *Махмуд Хаким Сайфани Фаргани.* Хуллас ат-таварих. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 1220. 38 л.
24. *Мир Алим Бухари.* Фатх-нама-йи султани. Рук. ИВ АН УзССР, № 1838. 194 л.
25. *Мир Мухаммед Амин-и Бухари.* Убайдулла-наме /Пер. с тадж. с прим. А. А.Семенова. Ташкент, 1957. 326 с.

26. *Мир-Хусайн-тӧра.* Махазин ат-таква фи та'рих ал-Бухара. Рук. ИВ АН УзССР, № 51. 312 л.

27. *Мирза Алим Ташканди.* Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин. Рук. ИВ АН УзССР, № 1314/I, л. 1б—179б.

28. *Мирза Бади'-диван.* Маджма' ал-аркам (Предписания фиска): (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи /Введение, перевод, примечания и приложения А. Б. Вильдановой. М., 1981. 128 с., 200 с. вост. пагинации.

29. *Мирза Каландар Исфараги.* Шах-нама-йи Умар-хани. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 471. 149 л.

30. *Мирза Садик Мунши.* Та'рих-и Манзум. Рук. ИВ АН УзССР, № 3686/III, л. 16б—59а.

31. [*Мирза*] *Мухаммад Салим.* Кашкул-и Салими ва та'рих-и мутакаддимин ва мута'аххирин. Ташкент, 1330/1912. 332 с.

32. *Мирза Мухаммад Салим-бек.* Та'рих-и Салими. Рук. ИВ АН УзССР, № 2016. 231 л.

33. [*Мирза Шемс Бухари*]. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева. Казань, 1861. 126 с., 38 с. вост. пагинации.

34. *Муким Васфи.* Касида. Маснави. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 315.—282+0,02 л.

35. *Мулла Алим Махдум-хаджа.* Та'рих-и Туркистан. Ташкент, 1915. На среднеаз. тюрки. 219 с.

36. *Мулла-Ибадаллах, Мулла Мухаммад-Шариф.* Та'рих-и Амир Хайдар. Рук. ИВ АН УзССР, № 1836. 94 л.

37. *Мулла Шамси.* Джанг-нама-йи Худайар-хани. Рук. ИВ АН УзССР, № 599/I, л. 1б—26б.

38. Мунш'ат, нишан ва йарлигха. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2689. 217 л.

39. *Мухаммад-Амин.* Мазхар ал-ахвал. Рук. ИВ АН УзССР, № 1936. 177 л.

40. *Мухаммад-Йа'куб.* Гулшан ал-мулук. Рук. ИВ АН УзССР, № 12. 171 л.

41. *Мухаммад-Йа'куб.* Та'рих-и амиран-и мангитиййа. Рук. ИВ АН УзССР, № 2726/I, л. 1б—33а.

42. *Мухаммад Казим.* Наме-йи аламара-йи надири. М., 1965. т. II. 30 с., 698 с. вост. пагинации.

43. *Мухаммад-Салих-ходжа Ташканди.* Та'рих-и джадида-йи Ташканд. Рук. ИВ АН УзССР, № 5732. 747 с.

44. *Мухаммад-Умар Маргинани.* Мактубча-йи хан. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 575. 24 л.

45. *Мухаммад-Фазил-бек.* Мукаммал-и та'рих-и Фаргана. Рук. ИВ АН УзССР, № 5971. 89 л.

46. *Мухаммад-Хаким-хан-тора.* Мунтахаб ат-таварих. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 470, л. 1б—697б.

47. *Мухаммад-Шариф.* Тадж ат-таварих. Рук. ИВ АН УзССР, № 2092. 536 л.

48. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Таварих-и Шахрухиййа. Рук. ЛГУ, № 942. 162 л.

49. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ПНС 174. 262 л.

50 *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. Научной Библиотеки Казанского Университета, Готвальд 39. 303 л.

51. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. ИВ АН УзССР, № 1787. 252 л.

52. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 467. 192 л.

53. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 468. 337 л.

54. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 469. 170 л.

55. *Нийаз-Мухаммад Хуканди.* Та'рих-и Шахрухи. Перевод на среднеаз. тюрки. Рук. ИВ АН УзССР, № 4463/I, л. 1б—365б.

56. *Огаҳий Муҳаммад Ризо Мироб Эрниёзбек ўғли.* «Риёзуд-давла»дан //Асарлар: 6 жилдлик. Тошкент, 1978. V жилд.

57. Поэма об эмире Хайдаре. На среднеаз. тюрки. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 2309, —64+0,04 л.
58. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей /Пер. с перс. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. вторая. 316 с.
59. Рисала-йи та'рих-и Шахрухиййа. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2237. 80 л.
60. Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная П. Н. Пантусовым. Казань, 1885. 333 с.
61. *Таджир.* Гарайиб-и сипах. Рук. ИВ АН УзССР, № 5408. 36 л.
62. Та'рих-и Аликули амир-и лашкар. Рук. ИВ АН УзССР, № 12136. 92 л.
63. Та'рих-и Бадахшан. История Бадахшана /Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели, подготовка к изданию А. Н. Болдырева. Л., 1959. 68 с., 253 с. вост. пагинации.
64. «Та'рих-и салатин-и узбакиййа, аштарханиййа ва мангитиййа», приписываемое Мир-Хусайну, сыну бухарского эмира Хайдара. Рук. ИВ АН УзССР, № 112/I, л. 1а—144а.
65. *Хакимхан Мухаммед.* Мунтахаб ат-таварих /Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова. Душанбе, 1983. Кн. первая — 36, 368 с.
66. Халиф на час: Новые сказки из книги «Тысячи и одной ночи». Перевод, предисл. и прим. М. А. Салье. М., 1961. 406 с.
67. *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме /Подг. к печати, предисл., прим. и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972. 1240 с.
68. *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника /Критический текст; пер. с перс.; комментарий и исследование О. Ф. Акимушкина. М., 1976. 406 с., 122 с. вост. пагинации.
69. *Шухи.* Диван-и Шухи. Рук. ИВ АН ТаджССР, № 2313. 189 л.
70. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les derniers années du règne de Nadir Chah (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818), par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Texte persan. Paris, 1876. T. 1. 111 p.
71. *Riza Qouly Khan.* Relation de L'ambassade au Kharezm. Traduite et annotée par Ch. Schefer. Paris, 1879. 334 p.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

72. *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. 104 с.
73. *Азадаев Ф. А.* Ташкент во второй половине XIX в.: Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959. 242 с.
74. *Ахмедов Б. А.* Икта в Средней Азии в XVI — начале XVIII в. //Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979.
75. *Ахмедов Б. А.* История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982. 296 с.
76. *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: (Письменные памятники). Ташкент, 1985. 262 с.
77. *Бабабеков Х. Н.* Историческая литература о Кокандском ханстве: (Русская литература 60—70-х гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент 1977. 20 с.
78. *Баранова Ю. Г.* Сведения уйгурской хроники «Та'рих-и амнийа» о восстановлении цинского господства в Синьцзяне в 1875—1878 гг. //Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
79. *Бартольд В. В.* Ак-Мечеть. Соч., М., 1965. Т. III.
80. *Бартольд В. В.* Извлечение из Та'рих-и Шахрухи. Соч. М., 1964. Т. II Ч .2.
81. *Бартольд В. В.* Иран. Исторический обзор. Соч. М., 1971. Т. VII.
82. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, VII. — 318 с.

83. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
84. *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. Соч. М., 1965. Т. III.
85. *Бартольд В. В.* Каратегин. Соч. М. 1965. Т. III.
86. *Бартольд В. В.* Коканд. Соч. М., 1965. Т. III.
87. *Бартольд В. В.* Курама. Соч. М., 1968. Т. V.
88. *Бартольд В. В.* Маргелан. Соч. М., 1965. Т. III.
89. *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, август — декабрь 1920 г. Соч. М., 1973. Т. VIII.
90. *Бартольд В. В.* Сарт. Соч. М., 1964. Т. II Ч. 2.
91. *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании. Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2.
92. *Бартольд В. В.* Фергана. Соч. М., 1965. Т. III.
93. *Бейсембиев Т. К.* «Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» как исторический источник //Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1977. № 4.
94. *Бейсембиев Т. К.* История изучения «Та'рих-и Шахрухи» //Сборник по вопросам истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1978.
95. *Бейсембиев Т. К.* Легенда о происхождении кокандских ханов в сочинениях кокандской историографии //Бартольдовские чтения. 1981. Год пятый: Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.
96. *Бейсембиев Т. К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв.: (по «Тарих-и Шахрухи» и некоторым другим сочинениям кокандской историографии) //Бартольдовские чтения. 1982. Год шестой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1982.
97. *Бейсембиев Т. К.* Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане //Актуальные проблемы советского уйгуроведения: (Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции). Алма-Ата, 1983.
98. *Бейсембиев Т. К.* Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии: (на материалах сочинений кокандской историографии) //Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.
99. *Бейсембиев Т. К.* «Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук: Ташкент, 1983. 22 с.
100. *Бейсембиев Т. К.* О раннем неизвестном историческом сочинении автора «Та'рих-и Шахрухи» //Бартольдовские чтения. 1984. Год седьмой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
101. *Бейсембиев Т. К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв.: (по некоторым сочинениям кокандской историографии) //Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
102. *Бейсембиев Т. К.* Значение генеалогии для источниковедения: (на материале кокандских исторических сочинений XIX в.) //Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная научная сессия 17—19 октября 1985 г. г. Батуми. Тезисы докладов. Тбилиси, 1985.
103. *Бейсембиев Т. К.* Неизвестный источник по истории Кокандского ханства в XIX в.: (Анонимная биография Алимкула амир-и лашкара) //Бартольдовские чтения. 1987. Год восьмой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1987.
104. *Бекмаханов Е.* К истории взаимоотношений казахов со среднеазиатскими ханствами //Большевик Казахстана. 1947. № 5.
105. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20—40 годы XIX века. Алма-Ата, 1947. 390 с.
106. *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957. 342 с.
107. *Бекназаров. Р.* Юг Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России: (по русским архивным и опубликованным материалам): Дис... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1969.
108. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. 758 с.
109. *Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в.: (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. 355 с.

110 *Валидов А. З.* Восточные рукописи в Ферганской области //ЗВОРАО. Пг., 1915. Т. XXII.

111. *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия //ПТКЛА. Год двадцатый. 1916. Вып. 2-й.

112. *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах //Собр. соч. в 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. 3.

113. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5-ти т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. 416 с.

114. *Вальтер Г.* Растительность земного шара: Эколого-физиологическая характеристика /Пер. с нем. М., 1975. Т. III. 428 с.

115. *В[еселовский] Н.* [Рец. на кн.:] Краткая история Кокандского ханства /Составил В. Наливкин. Казань. 1886. — VI+215. с. 8° //ЗВОРАО. СПб., 1886. Т. 1. Вып. III.

116. *Веселовский Н.* Новые материалы для истории Кокандского ханства //Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886. Ч. 248, ноябрь.

117. *Виткин М. А.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972. 116 с.

118. *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Антипина К. И.* Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX — начала XX веков //Кетмень-Тюбе: Археология и история. Фрунзе, 1977.

119. *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. 2-е изд. М., 1952. — 453 с.

120. *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. 3-е изд. М., 1955. — 544 с.

121. *Гаффаров Ф.* Экономические и политические связи России с Кокандским ханством в первой половине и 60—70 годах XIX века: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1970. — 49 с.

122. *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в.: (по данным топонимии). Ташкент, 1983. — 104 с.

123. *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. 2-е изд. М., 1983. 310 с.

124. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. //*Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. С. 76—131.

125. *Жалилов С.* Из истории освоения земель восточных районов Ферганской долины (XIX — начало XX века): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. 47 с.

126. *Зимин Л. А.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще //ПТКЛА. Год 17-й, 1913.

127. *Зимин Л. А.* Зерцало побед (مرآت الفتوح) и его значение для истории Кокандского ханства //ПТКЛА. Год 17-й, 1914.

128. *Ибраев А.* Присоединение казахов Среднего жуза к России и его прогрессивное значение: Дис... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1954.

129. *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство: (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.) //Зап. ИВ АН СССР. М.; Л., 1939. Т. VII.

130. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии: (XVI — сер. XIX в.). М., 1958. — 247 с.

131. [Издание Н. Н. Пантусовым рукописей «Газат дер мулки чин» и «Тарихи Шахрухие»] //ТВ, 1879, № 50 (раздел «Известия и заметки»).

132. *Иноятов Х. Ш.* Узбекская ССР // СИЭ. М., 1976. Т. XVI.

133. *Исиев Д.* Якуб-бек //СИЭ. М., 1976. Т. XVI.

134. *Исмаилова Э. М.* Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв.: Художественные черты и стилистические особенности. Ташкент, 1982. 150 с.

135. *Исмаилова Э. М.* Среднеазиатско-индийские связи в миниатюре XVIII—XIX вв. //Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986.

136. История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-т. Алма-Ата, 1979. Т. III. 544 с.
137. История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. Поздний феодализм (XVII в. —1917 г.). М., 1964. 356 с.
138. История Киргизской ССР. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. 800 с.
139. История Узбекской ССР. Ташкент, 1956. Т. I. Кн. вторая. 497 с.
140. История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. 772 с.
141. *Ишанханов С. Х.* Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. Ташкент, 1976. — 40 с.
142. *Кадыри А.* Скорпион из алтаря. М., 1964. 272 с.
143. *Кадырова М.* Надира: Очерки жизни и творчества. Ташкент, 1967. 187 с.
144. *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. 292 с.
145. *Камалов С. К.* Каракалпаки в XVIII—XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968. 328 с.
146. *Каримова М.* «Мазхар ал-ахвал» Мухаммад Амина как источник по истории Бухары середины XVIII в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1979. 20 с.
147. Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, 1960. Т. 1. 324 с.
148. *Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. Сталинабад; Ленинград, 1941. 240 с.
149. *Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана. 2-е изд. Сталинабад, 1954. 223 с.
150. Кокандское ханство //Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XV[A].
151. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. 192 с., 96 с. вост. пагинации.
152. *Кошеленко Г. А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии //История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
153. *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. 126 с.
154. *Кутлугов М.* Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством //Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
155. *Леме Ж.* Основы биогеографии /Сокр. пер. с франц. М., 1976. 310 с.
156. *Литвинский Б. А., Мухтаров А. М., Козачковский В. А.* Таджикская ССР //СИЭ. М., 1973. Т. XIV.
157. *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. 408 с.
158. *Лунин Б. В.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. 224 с.
159. *Мадуанов С.* Казахи в составе Кокандского ханства в первой половине XIX в. //Сборник по вопросам истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1978.
160. *Маллицкий Н.* Несколько слов из истории Ташкента за последнее столетие //ПТКЛА. Год третий. 1898.
161. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. 320 с.
162. *Масальский В. И.* Туркестанский край //Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. Т. XIX. 861. с.
163. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975. 444 с.
164. *Мухтаров А.* Очерки из истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Сталинабад, 1955. 18 с.
165. *Мухтаров Ахрор.* Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. 186 с.
166. *Мухтаров А.* Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX — начале XX вв. Душанбе, 1969. 372 с.
167. *Набиев Р. Н.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства //Изв. АН УзССР, 1947, № 4.

168. *Набиев Р. Н.* Историография Узбекистана [I пол. XIX в.] //Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I.

169. *Набиев Р. Н.* Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг. //ОНУ. 1961. № 7.

170. *Набиев Р. Н.* Источники по истории крепостного права в Средней Азии //Археографический ежегодник. М., 1964.

171. *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966. 80 с.

172. *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства: (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. 388 с.

173. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. — IV, 215 с.

174. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. 780 с.

175. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии //Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1849. Кн. III.

176. *Одум Ю.* Основы экологии /Пер. с англ. изд. М., 1975. 740 с.

177. *Оранский И. М.* Индоязычная группа «афгон» в Средней Азии //Советская этнография, 1956, № 2.

178. Очерки по истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964. Т. I. 432 с.

179. [*Пантусов Н. Н.*] Теварихи-Шахрухие //ТВ. 1876. № 30.

180. *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов //Становление классов и государства. М., 1976.

181. *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965. 61 с.

182. *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е гг. XIX в.). Фрунзе, 1968. 150 с.

183. *Плоских В. М.* Вакф медресе Алымбека //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период): Фрунзе, 1975.

184. *Плоских В. М., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период). Фрунзе, 1975.

185. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. 368 с.

186. *Полякова Е. А.* Некоторые сведения о «Та'рих-и Вассаф» //ОНУ. 1978. № 8.

187. *Рахманов М. Р.* Узбекский театр с древнейших времен до 1917 года. Ташкент, 1981. 312 с.

188. *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт составления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории Киргизии //Советское востоковедение, 1958, № 4.

189. *Ромодин В. А.* Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии //Уч. зап. ИВ. М., 1960. Т. XXV.

190. *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда //Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. III.

191. *Ромодин В. А.* Предисловие //*Назаров Филипп.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.

192. *Сабитов Н.* Библиографический указатель материалов по истории Казахстана. Алма-Ата, 1947. 39 с.

193. *Сагдиев А.* Историческая наука в Туркестане во II половине XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ташкент, 1955. 19 с.

194. *Семенов А. А.* Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии //Труды Библиогр. комиссии, бывшей при СНК ТССР. Ташкент, 1926. Вып. 3. 31 с.

195. *Семенов А. А.* Предисловие //*Мухаммад Юсуф мунши.* Муким-ханская история /Пер. с тадж., предисл., прим. и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956.

196. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР: (Каталог). Ташкент, 1952. Т. 1. 440 с.; Ташкент, 1964. Т. VII. 556 с.

197. *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. 190 с.
198. *Соколов Ю. А.* Установление кокандского владычества в Ташкенте //Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966.
199. *Стори Ч. А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Пер. с англ. М., 1972. Ч. I—III. 1884 с.
200. *Тагирджанов А. Т.* Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. 1. История биографии, география, Л., 1962. 514 с.
201. *Терентьев М.* Загадочный таарих //ПТКЛА, год IV. 1899.
202. *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины: (Ист.-этногр. очерк). Нукус, 1959, 183 с.
203. *Толстова Л. С.* Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века. Нукус; Ташкент, 1963. 227 с.
204. *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в.: По документам архива кокандских ханов. М., 1969. 156 с.
205. *Троицкая А. Л.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века //Восточный сборник. М. 1972. Вып. 3.
206. *Троицкая А. Л.* Челобитная учащихся медресе кокандскому хану Худаяру //ППВ. 1973. М., 1979.
207. *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства: (XIX век — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961. 165 с.
208. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1971. 468 с.
209. *Хабибуллаев Н. Н.* О производстве писчей бумаги в Средней Азии конца XIX — начала XX века //ОНУ. 1981. № 11.
210. *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. 96 с.
211. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему /Пер. с нем.; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. 148 с.
212. *Хуршут Э.* «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков //ОНУ. 1984. № 7.
213. *Чехович О. Д.* К истории Узбекистана в XVIII в //Труды ИВ АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. III.
214. *Чехович О. Д.* Сказание о Ташкенте //ППВ. 1968. М. 1970.
215. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М, 1979. 86 с.
216. *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа: (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. 342 с.
217. *Шоинбаев Т. Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. 2-е изд. Алма-Ата, 1982. 279 с.
218. *Шуховцов В. К.* Письменные документы из города Туркестана //Казахстан в эпоху феодализма: (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
219. [*Юдин В. П.*] Бадаи' ал-вакаи //МИКХ.
220. [*Юдин В. П.*] Та'рих-и Кашгар //МИКХ.
221. [*Юдин В. П.*] Та'рих-и амнийа //МИКХ.
222. *Юдин М. Л.* Взятие Ак-Мечети в 1853 г. как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1912. 140 с.
223. *Юсупов М.* Некоторые особенности исторического развития сельского хозяйства Андижанской области Узбекистана //Изв. Узбекистанского филиала Географического общества СССР. Ташкент, 1962. Т. 6.

ЛИТЕРАТУРА НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

224. *Асадуллоев С., Оқилов М.* Абчад ва таъриххо. Душанбе, 1972. 156 с. На тадж. яз.

225. *Бейсембиев Т. К.* Құнары мол бір арна: (Қоқан жазба ескерткіштер нені мәлімдейді?) //Білім және еңбек. 1986. № 3. На каз. яз.

226. *Ғаффоров Ф.* Россия билан Қўқон савдо алоқалари (XIX асрнинг биринчи ярми) //ОНУ. 1968. № 7. На узб. яз.

227. *Жувонмардиев А.* XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир. Тошкент, 1965. 184 с. На узб. яз.

228. *Жувонмардиев А.* Ҳарфлар рақамларга айланганда. Тошкент, 1966. 60 с. На узб. яз.

229. *Қаюмов Азиз.* Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар). Тошкент, 1961. 361. с. На узб. яз.

230. *Қодирий А.* Меҳробдан чаён. Тошкент, 1959. 250 с. На узб. яз.

231. *Қосбергенов Р. К.* Қарақалпақстанның Россияға қосылыуы: Тарийхый-этнографиялық монография. Нөкис, 1972. 445 с. На каракалпак. яз.

232. *Муҳаммаджонов А. Р., Неъматов Т. Н.* Бухоро ва Хеванинг Россия билан муносабатлари тарихига доир баъзи манбалар. Тошкент, 1957. 223 с. На узб. яз.

233. *Мухторов А.* Муллониёзмуҳаммади Ҳўчанди //Энциклопедияи советии тоҷик. Душанбе, 1983. Т. 4. На тадж. яз.

234. *Набиев А.* Тарихий ўлкашунослик: (ўлкани ўрганишнинг асосий манбалари). Тошкент, 1979. 168 с. На узб. яз.

235. *Озодаев Ф.* Тошкент тарихидан очерклар. Тошкент, 1960. 268 с. На узб. яз.

236. *Рахмонов М.* Ўзбек театри тарихи: (XVIII асрдан XX аср аввалигича ўзбек театр маданиятининг тараққиёт йўллари). Тошкент, 1968. 430 с. На узб. яз.

237. *Səlijif Polat.* Özbekistan tarьxь (XV—XIX inci əsrlər). Samarqand — Taskent, 1929. 140 с. На узб. яз.

238. *Сəфəров Ј.* ССРИ халгларынын тарихшүнаслығы (XIX əср). Бақы, 1969. На аз. яз.

239. Фарҳанги забони тоҷики: (аз асри XX то ибтидои асри XX). М., 1969. Ҷ. I. 952 с. Ҷ. II. 949 с. На тадж. яз.

240. *Фозилов М.* Гулчини зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикию форси. Душанбе, 1976. 376 с. На тадж. яз.

241. [*Юдин В. П.*] «Тарих-и Шаһрухи» //Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы, 1977. Т. 10. На каз. яз.

ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

242. *Bacqué-Grammont J.-L.* Tûrân: Une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après un document ottoman //Cahiers du monde russe et soviétique. XIII No 2, 1972.

243. *Barthold W., Bosworth C. E.* Khokand //The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. 5. Leyden—London, 1979.

244. *Boulger D. C.* Central Asian portraits; the celebrities of the Khanates and the neighbouring states. London, 1880. 310 p.

245. *Dickson M. B.* Uzbek dynastic theory in the sixteenth century //Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Москва. 9—16 августа 1960. М., 1963. Т. III.

246. *Hofman H. F.* Turkish Literature: A bio-bibliographical survey. Section III. Utrecht, 1969, pt. I, vol. 1—6 //CL, 265, 348, 293, 305, 312 p.
247. *K[ropotkin] P. A., Be[alby] J. T.* Khokand. The Encyclopaedia Britannica, 8 th ed. Cambrige, 1911. Vol. XV.
248. Report of a jorney to Kokan //Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department. No XXXIX. Calcutta, 1863.
249. *Saguchi Toru.* The Eastern Trade of the Khokand Khanate. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1965. No 24.
250. *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876, vol. I—II. — XII, 411; VII. 463 p.
251. *Semenov A. A.* Kurzer Abriβ der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikschen) Literatur (1500—1900) //Litterae orientales. Orientalischer Literaturbericht. Heft 46. April 1931. Leipzig.
252. The Shorter Oxford English Dictionnary on historical principles. Third ed. Oxford, 1955. 2515 p.
253. *Storey C. A.* Persian Literature. A bio-bibliographical survey. London, 1970. Vol. I. Pt. I (reprint). 780 p.

ЛИТЕРАТУРА НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

254. *Темур Панджшанба* (*Тимур Бейсембиев*). Васти Эйша аор Хиндустанке равабит //Рузнама-йи Назим. Рампур, №№ 109, 110. 22, 23 раджаба 1407 /23, 24 марта 1987. На языке урду.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал-Азим «Сами», 164, 165
Абд ал-Али (умер ок. 1843 г.) 114, 156
Абд ал-Баки 101
Абд ал-Ваххаб-ходжа ишан 148
Абд ал-Гафур 33, 58, 163, 165
Абд ал-Гаффар-йуз 26
Абд ал-Карим-бий (-бек) (1703/1712/1718 — ок. 1751 г.) [1733/1734 — ок. 1751 г.] 12, 65, 91—93, 112, 153, 154, 159
Абд ал-Карим кушбеги 99, 156
Абд ал-Карим Намангани «Фазли» 33, 57, 102, 164, 165
Абд ал-Карим-хан *см.* Абд ал-Карим-бий
Абдаллах амир-и лашкар 164, 165
Абдаллах-бек (умер в 1852 г.) 118, 132, 147, 155
Абдаллах пансадбаши (умер в 1864 г.) 127
Абдаллах-хан (1534—1598) 84, 86
Абд ал-Маджид 82
Абд ар-Рахим-бий (-бек) (1701/02—1733/34) [1721/22—1733/34] 11, 12, 55, 67, 91—94, 101, 154, 159
Абд ар-Рахим-хан *см.* Абд ар-Рахим-бий
Абд ар-Рахман афтабачи 26, 41
Абд ар-Рахман митан Бухари 113
Абд ар-Рахман-бек (умер ок. 1762 г.) [ок. 1751] 12, 13, 150, 153, 154
Абд ар-Рахман-бек *см.* Сарымсак-хан
Абд ар-Рахман Джами 51
Абд ар-Рахман-хан *см.* Абд ар-Рахман-бек
Абд ар-Рахман шарбатдар (умер ок. 1833 г.) 70, 106, 107, 149
Абу-л-Гази-хан хивинский (1603—1664) [1644—1664] 87, 170
Абу-л-Касим-бий 153
Абу-л-Файз-хан (умер в 1747 г.) [1711—1747] 7, 8
Абу-Са'ид-хан 153, 154, 165
Абусеитова М. Х. 7, 167
Аваз-Мухаммад Аттар *см.* Мулла Аваз-Мухаммад Аттар
Адам 56, 58, 153
Азадаев Ф. А. 53, 167, 173
Азиз-бача Чусти *см.* Азиз парваначи (хазиначи) Чусти
Азиз парваначи (хазиначи) Чусти (умер ок. 1848 г.) 23, 77, 117, 149, 151, 161
Азиз-ходжа *см.* Азиз парваначи (хазиначи) Чусти
Азимбай кушбеги (умер в 1844 г.) 113—115, 148
Азим-Джан-бай амин 19
Айса-бек (Исхак-бек) йуз (умер. ок. 1853 г.) 117, 120, 152, 161
Айса-бек михтар Андиджани 105, 106, 142, 147, 150, 160
Ай-хан 153
Ай-Чучук-айим 11
Ай-Чучук-айим (сестра Умар-хана) 105
Акбута-бий (-бек) йуз 11, 92, 152
Акимушкин О. Ф. 51, 52, 167
Аланку 153
Али-Йар-бек 125
Алим-бек вални'ми 11, 92, 145, 152
Алим-бек киргиз мундуз (умер в 1862 г) 121—124, 150
Алим-хан (ок. 1775—1810) [ок. 1798—1810] 14—17, 22, 26—27, 34, 37, 41, 42, 46, 47, 51, 55, 56, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 72, 74, 80, 81, 86, 87, 94—104, 110—112, 116, 135, 150, 152, 154, 155, 159, 160, 169
Алимкул киргиз-кипчак *см.* Мулла Алимкул киргиз-кипчак
Аллах 71
Ал-Мухаммад кази (умер в 1844 г.) 115, 148
Алтун-Бишик 14, 58, 83, 85, 91, 153, 159
Алымбек 54, 171
Амир Илингиз 153
Амир Анджил 153

Амир Баркул 153
Амир Сугуджин 153
Амир Тарагай 153
Амир Тимур куркан *см.* Тимур
«Амири» *см.* Умар-хан
Антипина К. И. 54, 169
Аппак-ходжа (Саййид-Афак) 106, 107
Асадуллаев С. 50, 173
Асил-зада 84, 153
Атабек бакаул Хуканди 145
Атабек дадхах 119, 146
Атабек, кази 58
Атабек, найиб столицы 147
Афтаб-айим (между 1775 и 1785 — ок. 1829) 105, 154, 160
Афтаб-хан 105, 153, 154, 160
Ахемениды 87
Ахмад Дуррани (1721—1773) 13
Ахмедов Б. А. 5, 6, 51, 165, 167
Ахунд караулбеги 116, 145, 157
Аштарханиды 6—8
Ашур-Али-хан 153—155
Ашур Мухаммед *см.* Мулла Ашур-Мухаммад

Баба-бек (умер ок. 1753 г.) 37, 38, 80, 92, 93, 101, 154, 159
Бабабеков Х. Н. 52, 167
Баба-Джан 123, 152
Баба-Рахим ‘инак 95, 109, 146, 152, 156
Бабур (1483—1530) 15, 45, 63, 83, 84, 153
Базар батур 119, 145, 157
Базаркул михтар 70, 73, 104, 112, 147 160
Байзак-бий казах (умер в 1864 г.) 127
Бай-Мурад (умер в 1852 г.) 119, 157
Бай-Сунгар-хан 153
Байшум бахадур (умер в 1810 г.) 99, 145, 156
Барак, султан 9
Баранова Ю. Г. 81, 167
Бартан-хан 84, 153
Бартольд В. В. (1869—1930) 5, 40, 42, 43, 45, 46, 51, 53, 167, 168, 170
Баруки-хан 153
Батур кушбеги 99, 109, 145, 148, 156
Бахадур кушбеги *см.* Батур кушбеги
Бедиль (1644—1721) 29, 34, 82
Бейсембиев Т. К. 14, 19, 33, 35, 37, 38, 48, 52, 91, 106, 132, 173, 174
Бекмаханов Е. Б. (1915—1966) 42, 47, 168
Бек-Мухаммад аксакал 113, 145
Бек-Мухаммад худайчи кипчак 123, 149
Бек-Назар 163, 165
Бекназаров Р. 54, 168
Берды-Али дадхах йузбаши (умер в 1844 г.) 115, 146
Бичурин Н. Я. (Иакинф) (1777—1853) 13, 168
Болдырев А. Н. 45, 167, 168
Брокгауз Ф. А. (1772—1823) 52
Бузрук-хан *см.* Бузрук-ходжа
Бузрук-ходжа 14, 94, 106, 142
Бузунджар-хан 153
Бузург-ходжа *см.* Бузрук-ходжа
Бука-хан 153
Боулджер Д. Ч. 40
Бурд 153

Валидов А. З. 9, 12, 13, 37, 51, 53, 58, 169
Валиханов Ч. Ч. (1835—1865) 53, 80, 106, 169
Вальтер Г. 63, 169
Вассаф (1265—1330) 45
Великие Моголы 84
Веселовский Н. И. (1848—1918) 41, 44, 45, 160
Вильданова А. Б. 68, 166
Виткин М. А. 78, 169
Возех К. Р. (1817—1894) 29, 165

Гадай-бай дадхах курама 19, 108, 109, 113, 146, 152
Гази 163, 165
Галицкий В. А. 54, 169
Гарибдуст йасаул таджик 27, 106, 146, 157
Гафуров Б. Г. (1908—1977) 51, 52
Гаффаров Ф. 52, 54, 169, 173
Гаффоров Ф. *см.* Гаффаров Ф.
Григорьев В. В. (1816—1881) 44, 166
Губаева С. С. 54, 85, 169
Гуревич Б. П. 5, 9, 12, 13, 54, 80, 169

Давидович Е. А. 5, 107, 169
Дамулла Абд ал-Карим (Абд ал-Карим Намангани?) 104
Дамулла Айса Аулиййа 129
Дамулла Ариф Пискати 28, 104, 158
Дамулла Ер-Назар ахунд 70, 106, 145
Дамулла Қази Баба-йи а‘лам 28, 104, 145, 148, 158
Дамулла Махдум 28, 104, 158
Дамулла Махдум-и зард 104
Дамулла Мир Джалал 104
Дамулла Мирза кази-калан 104, 148
Дамулла Му’мин-Джан 104
Дамулла Салих-бек ахунд 113, 123, 145
Дамулла Хал-Мухаммад кази-ра’ис (умер в 1844 г.) 115, 118, 148
Дамулла Ходжамкули а‘лам 118, 145
Дауран-бек дадхах таджик 14, 82, 115—117, 121, 145, 146, 157
Джамадар Кабули афган (умер после 1877 г.) 81, 127, 147

Джами, Абд ар-Рахман (1414—1492) 29, 34, 51, 82
Джаниды 6
Джахангир-ходжа (Джахангир-хан-торайи Саййид Афаки) 19, 80, 105, 106, 142, 150, 160
Джилаудар ʻинак (умер. ок. 1820/21) 27 104, 146, 152
Джуванмардиев А. 42, 50, 52, 173
Джумʻа-бай дадхах кипчак 117, 146
Джумʻа-бай Қайтаки-йи каракалпак (умер ок. 1810 г.) 95, 97, 98, 101
Дильшод 42, 170
Дубун-Пайан-султан 153
Дуст йуз 124, 150
Дуст-Мухаммад кушбеги каракалпак 124, 148, 150
Дутумнин-хан 153

Ер-Али кипчак (умер в 1862 г.) 123
Ер-Назар-бек дадхах (умер в 1844 г.) 111, 112, 115, 155
Ер-Назар-бек диванбеги (умер ок. 1829 г.) 95, 103, 105, 146, 151, 160
Есукай бахадур 153
Ефрон И. А. (1847—1917) 52

Жалилов С. 52, 169
Жувонмардиев А. *см.* Джуванмардиев А.

Зайнаддин Васифи (1485 — между 1551 и 1556) 45, 168
Зайн ал-Абидин 153
Закир-ходжа ишан шайх ал-ислам Наманган 104, 115, 149, 158
Зимин Л. А. (умер в 1920 г.) 46, 51, 53, 169
Зинат-шах 72, 82, 101
Зухур диванбеги гулам 73, 99, 146, 147
Зухур ишикакабаши таджик 113, 146

Ибадаллах-бий хитай 12
Ибраев А. 51—52, 62, 169
Ибрахим аталык кенегес 7, 11
Ибрахим-бек 122, 152
Ибрахим дадхах 116, 146, 157
Ибрахим-Хайал тарйаки мангыт 110, 152
Иванов П. П. (1893—1942) 5, 7, 9, 10, 28, 51, 53, 55, 16, 17, 18, 46, 47, 169
Идрис 153
Илйас-хан 153
Илнаджа-хан 153
Ил-хан 153
Имамкули-бий 155
Инайаталлах-ходжа Джуйбари 112, 151
Иноятов Х. Ш. 53, 169
Ирдана-бек (ок. 1728/29 — ок. 1769) [ок. 1753 — ок. 1769] 12, 13, 27, 65, 67, 80, 93, 94, 99, 154, 159 x
Ирдана-хан *см.* Ирдана-бек
Ирис-Али кипчак (умер в 1862 г.) 123
Ирискули-бек (умер ок. 1810 г.) 95, 97, 98, 101, 102, 111, 155
Ирумджи-барлас-хан 153
Исиев Д. 88, 169
Искандар-бек Бухари (умер в 1865 г.) 128
Искандар-ходжа 83
Исмаилова Э. М. 18, 169
Исмати 58, 164, 165
Исхак-бек 105, 117, 156
Исхак-бек *см.* Айса-бек йуз
Исхак-тора 105, 151, 154, 160
Исхак-хан, кази 23, 59, 164, 165
Исык-Исмаил 87
Ишан Дамулла Мухаммад-Йаʻкуб устаз 97
Ишан Маулави-йи Махдуми Намангани 104
Ишан Хазрат-и Сахиб-зада *см.* Хазрат-и ишан Сахиб-зада
Ишан-хан-тора-йи накиб 105, 147
Ишанханов С. Х. 54, 170
Йаʻкуб-бача Пискати см. Мухаммад-Йаʻкуб-бек кушбеги
Йаʻкуб-бек см. Мухаммад-Йаʻкуб-бек кушбеги
Йаʻкуб-бек Қаши (?) 118
Йафас 153
Йулдуз-хан 153
Йулчи-бек дадхах 119, 146
Йунус таглык 80, 115
Йунус-ходжа 14, 41, 55, 64, 95, 96, 97, 100, 150, 159
Йусуф мингбаши (дадхах) Қашгари (умер ок. 1827 г.) 18, 72, 73, 80, 82 102, 105, 112, 142, 145, 148, 150, 156 159, 160
Йусуф мингбаши киргиз (умер в 1843 г.) 22, 39, 113, 114, 148, 150

Кабил-мирза таджик 157
Кабл-хан *см.* Қабул-хан
Қабул-хан 84, 153
Қадам ʻинак таджик 96, 146, 151
Қаджули бахадур 84, 153
Қадыри А. (1894—1939) 42, 53, 69, 170, 173
Қадырова М. 52, 170
Қаждан А. П. 73, 170
Қазакбай аксакал Ташканди 145, 157
Қази Нийаз-Мухаммад 101
Қайан-хан 153
Қайду-хан 153
Қайнан 153
Қал-Мингбай 126
Камалов С. К. 54, 170
Қамбар-бек шарбатдар (пансадбаши) 70, 88, 118, 119, 120, 147, 149
Қанаʻат-шах таджик (умер в 1862 г.) 23,

25, 28, 72, 117, 121, 122, 123, 124, 131, 145, 151, 157
Қара-хан 153
Қараджар-нойон, эмир 85, 153
Қари Рахматаллах «Вазих» *см.* Возех К. Р.
Қаримкули пансадбаши 88, 119, 147
Каримова М. 7, 170
Қасим-бек аталык (умер в 1826/27 г.) 116, 145, 156
Қасим мингбаши *см.* Мухаммад-Қасим парваначи мингбаши Оши
Қатурма агалык 113, 145
Қауфман К. П. (1818—1885) 129, 130
Қаюмов А. П. 49, 173
Қаюмов Азиз *см.* Қаюмов А. П.
Кивад-бий киргиз 13
Кисляков Н. А. (1901—1973) 51, 82, 170
Қодирий А. *см.* Қадыри А.
Козачковский В. А. 53, 170
Колпаковский Г. А. (1819—1896) 24, 40
Кондратьев А. А. 42, 171
Кононов А. Н. (1906—1986) 87, 170
Қосбергенов Р. К. 54, 173
Қосбергенов Р. К. *см.* Қосбергенов Р. К.
Қош батурбаши йуз 112, 145
Кошеленко Г. А. 87, 170
Кудрат-шах 72, 101
Кузнецов В. С. 19, 170
Кулбаба рисалачи (дадхах) 117, 147
Кулика (Хулика, Халука) бий йуз 24, 92, 94, 117, 152
Курбан-Мухаммад-мирза 147, 157
Куроглы кипчак 152
Кур-Сайиид Фазил 124—302
Кутлугов М. К. 42, 170

Лашкар кушбеги (беклербеги) 17, 19, 70, 82, 98, 101, 102, 103, 108, 109, 112, 145, 148, 151, 160
Лашкар диванбеги 70, 102, 148
Леме Ж. 63, 170
Литвинский Б. А. 53, 170
Лула халифа 116
Лунин Б. В. 5, 40, 170
Лутфаллах Чусти (умер ок. 1571 г.) 12, 14, 84, 85, 86

Маджзуб Намангани 164, 165
Мадуанов С. 54, 170
Малла-бек *см.* Малла-хан
Малла-хан (ок. 1832—1862) [1858—1862] 24, 25, 56, 57, 64, 68, 72, 88, 113, 120—123, 126, 130, 131, 145, 151, 154, 161
Маллицкий Н. Г. (1873—1947) 41, 45, 51
Мангли-хан 153
Манушлах 153
Марков Г. Е. 5, 76, 170
Маркс К. (1818—1883) 4, 77, 78, 165, 169
Масальский В. И., князь 61, 92, 170
Ма'сум-хан-тӧра-йи Махдум-и А'зами (умер ок. 1834 г.) 18, 19, 50, 105, 154, 160
Маулави Кабули *см.* Хазрат-и Маулави Кабули
Маулави Намангани *см.* Хазрат-и Маулави Намангани
Махдум-и А'зам (1461/62—1542/43) 15, 18, 19, 36, 85
Махдум-и Хаммам 28, 104, 158
Махлар-айим (Надира) (1791/92—1842) 52, 105, 109—111, 132, 154, 155, 170
Махмуд дастурханчи 115, 157
Махмуд-Али-хан 109
Махмуд ибн Вали (родился в 1595/96 г.) 7, 8, 84, 85, 165
Махмуд Хаким Сайфани Фаргани 59, 165
Махмуд-хан-тора-йи Ахрари 102—105, 112, 151, 154, 160
Махмуд-ходжа 16, 110
Махмуд-ходжа см. Махмуд-хан-тора-йи Ахрари
Машраб (1657—1711) 91
Менгес К. Г. 5
Мийан Фазл-Халил *см.* Хазрат-и Мийан Фазл-Халил-сахиб
Миклухо-Маклай Н. Д. 50, 51, 170
Минг-айим 94, 111, 112, 123, 132, 155
Минг-бай *см.* Кал Мингбай
Мир Алим Бухари 164
Мир-Алим йузбаши (умер в 1844 г.) 115, 148
Мирза Алим Ташканди 163, 166
Мирза Ахмад Хуканди 125, 127, 150, 151
Мирза Бабур-падишах *см.* Бабур
Мирза Бади'-диван 68
Мирза Даулат таджик 82, 123, 126, 127, 150, 151
Мирза Йадгар (умер ок. 1842 г.) 105, 160
Мирза Йадгар Ахсикати 37
Мирза Каландар Исфараги (умер в 1825/26 г.) 57, 164, 165
Мирза Каландар пансадбаши 88, 119
Мирза Камил-мирза 123, 147, 152
Мирза Мираншах (умер ок. 1408 г.) 153
Мирза Мухаммад Салим-бек 12, 164, 166
Мирза Нийаз Маргинани «Файзи» 27
Мирза Рахим 95, 156
Мирза Садик Мунши 164, 166
Мирза Султан 153
Мирза Умар-Шайх 153
Мирза Шемс Бухари 44, 45, 166
Мир Мухаммед Амин-и Бухари (ок. 1645 — после 1716) 10, 165
Мир-Хусайн-тора 163, 166
Михлайил 153
Могул-хан 153
Музаффар, эмир Бухары (умер в 1885 г.) [1860—1885] 25

Муким Васфи из Касана 58, 163, 166
Мулла Аваз-Мухаммад Аттар 34, 47, 58, 164, 165
Мулла Айса Аулийа *см.* Дамулла Айса Аулийа
Мулла Алим Махдум-хаджи 59, 164, 166
Мулла Алимкул киргиз-кипчак (1832/33—1865) 24, 25, 57, 67, 68, 77, 87, 123, 125—128, 130, 132, 145, 151, 162, 168
Мулла Асраркул Маулави Чубин 129
Мулла Ашур-Мухаммад (умер ок. 1820/21 г.) 27, 104, 157
Мулла Баба-Джан заргар 129
Мулла Иззаталлах Кухистани (умер в 1844 г.) 115, 164, 166
Мулла Йунус-Джан мунши 128, 147
Мулла Каримкули дастурханчи 117, 118, 146, 161
Мулла Мирза Алим Ташканди 58
Мулла Муса Сайрами 59
Мулла Мухаммад-Йусуф мирзабаши «атала» 119, 147
Мулла Мухаммад Шариф 164, 166
Мулла Нийаз Ахунд 29
Мулла Нийаз Мухаммад Хуканди «Нийази» Ахунд (1802/03 — после 1876) 4, 6, 27—29, 30, 34, 36—39, 44, 45, 48, 56, 58, 61, 62, 64, 65, 71, 73, 74, 76, 77, 79, 81, 87—89, 91, 93, 100, 127, 129, 131, 134, 142, 157, 159, 164, 166
Мулла Рахматаллах 96, 145
Мулла Салих-бек ахунд *см.* Дамулла Салих-бек ахунд
Мулла Султан йуз (умер в 1862 г.) 75, 124, 125
Мулла Хал-бек кипчак 116, 117, 148, 151
Мулла Шамси 58, 163, 166
Мулла Эргаш-бай 38
Мулук 153
Му'мин-бек (умер ок. 1810 г.) 72, 95, 97, 98, 101, 111, 112, 147, 155
Му'мин-Джан-мирза 147, 157
Му'мин-ходжа пансадбаши таджик (умер ок. 1853 г.) 115, 120, 147
Мурад-хан (ок. 1805—1844) [1844] 22, 56, 73, 74, 86, 116, 154, 161
Мусулманкули мингбаши кипчак (ок. 1794—1852) 22, 23, 26, 28, 56, 66, 75—77, 86, 113, 114—120, 147, 148, 150
Мухаммед-Нияз *см.* Мулла Нийаз Мухаммад Хуканди «Нийази» Ахунд
Мухаммад (570—632) 33, 58, 83
Мухаммад-Али 120, 150, 156
Мухаммад-Али-хан (1807—1842) [1822/23—1842] 17, 19—21, 35, 36, 38, 39, 50, 56, 73, 80, 89, 105—106, 108, 110, 112, 114, 119, 125, 132, 142, 151, 152, 154—156, 159—161
Мухаммад-Амин 7
Мухаммад Амин (Ишан-и Калан) 19
Мухаммад-Амин-бек йуз 163, 166, 170
Мухаммад-Амин-султан 83, 84
Мухаммад-Амин-хан (1828—1842) 109, 110, 153, 154
Мухаммад-Амин-хан *см.* Мухаммад-Амин-султан
Мухаммад-Йа'куб-бек кушбеги (1820—1877) 25, 73, 88, 119, 124, 131, 148, 152, 163, 164, 166 *см. также* Якуб-бек
Мухаммад-Йар дадхах кипчак 117, 146
Мухаммад Йунус мингбаши Уйгури 38
Мухаммад Казим 7, 8
Мухаммад-Карим йасаул (умер в 1844 г.) 113, 115, 146
Мухаммад-Карим Калла Маргинани 114, 151
Мухаммад-Карим халифа 116, 149
Мухаммад-Касим парваначи мингбаши Оши 88, 118—120, 147, 166
Мухаммад-Назар-бек 125
Мухаммад Назар-бек «сакав» 114, 115, 151, 155
Мухаммад-Назар «кулак» пансад 114, 145, 147, 120
Мухаммад-Назар Кур-оглы кипчак 114, 116, 117, 152, 157
Мухаммад-Нийаз дадхах худайчи (умер в 1844 г.) 70, 113, 116, 117, 146, 147
Мухаммад-Нийаз пансадбаши (кушбеги, мингбаши) 88, 117, 118, 120, 146—149, 151, 156, 157
Мухаммад-Нур-ходжа-ишан таджик 70, 82, 101, 149
Мухаммад-Раджаб курбаши (умер ок. 1854 г.) 88, 118, 119, 148
Мухаммад-Рахим-бий аталык йуз (умер ок. 1830 г.) 10, 13, 103, 104, 108, 145, 152, 160
Мухаммад-Рахим-хан мангыт (умер в 1758 г.) [1753—1758] 8
Мухаммад-Рахим-хан, правитель Хивы (1775—1825) [1806—1825] 19
Мухаммад-Сабир мирахур (умер в 1844 г.) 116, 147, 157
Мухаммад-Салих-ходжа 59
Мухаммад-Салих-ходжа судур, йузбаши махрамов (умер в 1844 г.) 71, 113, 115, 146, 149
Мухаммад Салих-ходжа Ташканди 29, 58, 164, 166
Мухаммад Умар Маргинани 163
Мухаммад-Фазил-бек 58, 166
Мухаммад-Хаким-хан-тёра (1806 — после 1844) 19, 33, 45, 57, 163, 166
Мухаммад-Шариф аталык (умер ок. 1843 г.) 19, 106—109, 112—114, 131, 145, 151, 156
Мухаммад Шариф 164, 166

Мухаммад-Шариф сурначи 149
Мухаммаджонов А. Р. *см.* Мухаммеджанов А. Р.
Мухаммеджанов А. Р. 52, 173
Мухаммед Юсуф мунши 6, 171
Мухтаров А. М. 5, 8, 15, 20, 24, 42, 50, 52, 53, 100, 132, 167, 170, 173

Набиев Р. Н. (1912—1985) 5, 20, 23, 26, 42, 47, 48, 49, 52, 58, 61, 74, 170, 171
Надира *см.* Махлар-айим
Надир-шах (1688—1747) [1736—1747] 7, 8
Назаралиев Т. 54, 171
Назаров Ф. 53, 171
Наливкин В. П. (1853—1918) 5, 9, 10, 13, 14, 16, 25, 26, 32, 41, 45, 169, 171
Нарбута-бек (ок. 1751—1798) [ок. 1770—ок. 1798] 13, 14, 20, 24, 36, 44, 46, 55, 59, 60, 65, 93, 94, 154, 155, 159
Нарбута-хан *см.* Нарбута-бек
Нар-Мухаммад дадхах Задийани 126 151
Нар-Мухаммад кушбеги (дадхах) кипчак 19, 75, 116, 117, 118, 119, 127, 146, 148, 150, 151
Нарым-бек 28
Наср ад-Дин-хан (умер в 1882 г.) [1875—1876] 26, 59, 129, 154
Насраллах, эмир Бухары (умер в 1860 г.) [1826—1860] 20, 111
Негматов Т. 52, 173
Нейман Ю. 42
Неъматов Т. см. Негматов Т.
Нийаз-Али (умер в 1864 г.) 127
«Нийази» 29
Нийаз Мухаммад см. Мулла Нийаз Мухаммад Хуканди
Нух 153
Нуш 153

Огахий Мухаммад Ризо Мироб Эрниёзбек уғли (умер ок. 1874 г.) 21, 166
Одум Ю. 63, 171
Озодаев Ф. *см.* Азадаев Ф.
Окилов М. 173
Оранский И. М. 81, 171

Пантусов Н. Н. (1849—1909) 5, 29, 31, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 43, 44, 164, 167, 169, 171
Першиц А. И. 76, 171
Пир-Мухаммад йасаул (умер ок. 1798 г.) 94, 95, 146, 157
Плоских В. М. 5, 20, 42, 51, 52, 54, 169, 171
Полякова В. А. 45, 17
Пулад-хан (умер в 1876 г.) 26, 128

Раджаб кушбеги (диванбеги) Кухистани (ок. 1756—1821) 18, 27—28, 64, 70, 73, 82, 95, 96, 100, 102, 103, 104, 109, 112, 146, 148, 152, 155, 156, 160
Рахим аксакал 124, 145
Рахманкули-бий 132, 155
Рахманкулча (Рахманча) дадхах кипчак 117, 146
Рахманов М. Р. 52, 171, 173
Рахматаллах дадхах (парваначи) минг (умер в 1844) 115, 116, 117, 146, 147, 152
Рахмонов М. *см.* Рахманов М. Р.
Рашид ад-Дин (1247—1318) 167, 171, 173
Ромодин В. А. (1912—1984) 5, 42, 47, 49, 53, 171
Рустам-бек (умер ок. 1798 г.) 14, 94—95, 154
Рустам-бек ибн Казакбай аксакал Ташканди 123, 150, 157
Рустам хан 153
Рустам-хан-тора 24

Сабитов Н. 53, 171
Сагдиев А. 49, 171
Садик-бий йузбаши махрамов (умер в 1844 г.) 115, 148, 157
Саидкул-бий *см.* Саййидкули-бек
Саййид кушбеги (умер в 1846 г.) 109, 148, 152
Саййид-Султан-хан (умер в 1868 г.) [1863—1865] 25, 126, 154, 161
Саййид-хан-тора 104, 112, 154, 160
Саййидкули-бек (умер в 1834/35 г.) 132, 155
Сайф ад-Дин шигаул (умер ок. 1853 г.) 120, 149
Салиев П. (1882—1937) 51
Салих судур *см.* Мухаммад-Салих судур йузбаши
Салих-ходжа ишан 108
Салтыков-Щедрин М. Е. (1826—1889) 35, 36, 37, 40
Салье М. (1889—1961) 165, 167
Санджар батур (Санджкул) 114, 145, 157
Сарымсак-хан (-бек) 22, 23, 25, 114, 115, 116, 117, 123, 131, 150, 151, 152, 154, 161
Сатиб-алды дадхах Хуканди 116, 146, 156
Сафа халифа 118, 149
Сафаров Ю. 173
Сәфәров Ј. *см.* Сафаров Ю.
Семенов А. А. (1873—1958) 5, 6, 46, 53, 165, 171
Скайлер Ю. 26
Смирнова О. И. 166
Соколов Ю. А. 52, 172
Стори Ч. А. (1888—1967) 34, 35, 47, 53, 172

Сулайман-хан (ок. 1745 — ок. 1769) [ок. 1769] 55, 84, 93, 154, 159
Сулайман-ходжа шайх ал-ислам *см.* Хазрат-и Сулайман-ходжа шайх ал-ислам
Султан-Илик 153
Султан-Махмуд-хан (умер в 1842 г.) 105, 108, 109, 110, 151, 152, 154, 155
Султан-Махмуд-хан *см.* Шах-Султан-Махмуд
Султан-мирза 153
Султан-Мурад-хан (умер в 1875 г.) 129, 154, 162
Султан Саййид-хан *см.* Саййид-Султан-хан
Султан-хан-тора-йи Ахрари 105
Суфи-бек дадхах 82, 119, 120, 146, 151, 157

Тагирджанов А. Т. 36, 50, 172
Таджир 163, 167
Тангрикули (Таныкули) шигаул (дадхах) 113, 114, 115, 149
Тангрикули-бий *см.* Чамаш-бий
Танды 'инак 107, 113, 114, 146, 152
Таныкули *см.* Тангрикули шигаул (дадхах)
Татар 153
Таш-Мухаммад мирза (умер ок. 1798 г.) 94, 147, 157
Терентьев М. 51, 171
Тилава-Кабил 112
Тимур (1336—1405) [1370—1405] 22, 84, 86, 89, 153
Тимур-Таш-хан 153
Тимур-Тоглы-хан 87
Тимуриды 14, 83, 84
Терентьев М. А. 51, 172
Токай-тора 102
Толстова Л. С. 9, 53, 172
Тора-хан-тора-йи накиб 105, 147
Тора-ходжа ходжа-йи калан-и Махдум-и А'зами (умер в 1834/35 г.) 105, 149
Троицкая А. Л. 5, 22, 52, 172
Тумана-хан 153
Турк-хан 153
Турсунбай чапкунчи 117, 149, 156

Умар-бек *см.* Умар-хан
Умар-хан (1785—1822/23) [1810—1822/23] 14, 16—19, 27, 36, 45, 47, 50, 56, 70—71, 75, 80, 94, 98—105, 110—112, 132, 151—152, 154—155, 159
Урман-хан (1867/68—1884) 39, 57, 129, 142, 154,160, 162
Урунбаев А. 167
Усенбаев К. 54, 172
Уста Бухари гилкар 129
Уста Пур-Назар тубриз 129
Утамбай (Утаббай) кушбеги мингбаши кипчак 118, 119, 147, 150
Фазил аталык 155
Фазил-бек дастурханчи 19, 88, 146
Фазил-бий йуз 12, 13
Фазилов М. 52, 173
Фазли *см.* Абд ал-Карим Намангани «Фазли»
Фарман курама 121, 150
Фирдоуси А. (ок. 940—1020/30) 29, 31, 34, 82
Фозилов М. *см.* Фазилов М.
Фрай Р. Н. 87, 172
Фулад киргиз *см.* Пулад-хан

Хабибуллаев Н. Н. 18, 172
Хаджи-бек (умер ок. 1798/1801 г.) 13, 14, 20, 55, 59, 72, 93, 94, 99, 101, 112, 129, 147, 153, 154, 155, 159, 162
Хаджи-хан 153, 154
Хаджи-хан *см.* Хаджи-бек
Хадир киргиз дуз (умер в 1862 г.) 123
Хазрат-и Абд ал-Ваххаб-ходжа-ишан кази-калан 129
Хазрат-и Дамулла Ариф Пискати *см.* Дамулла Ариф Пискати
Хазрат-и Ишан-Джан 103, 125, 128, 129, 149, 158, 162
Хазрат-и ишан Сахиб-зада (ок. 1785—1869) 35, 37, 56, 75, 89, 105, 108, 115, 123, 125, 129, 131, 142, 149, 158—162
Хазрат-и ишан устаз Дамулла Мухаммад-Йа'куб ахунд 103
Хазрат-и Маулави Кабули 82, 104, 105
Хазрат-и Маулави Намангани *см.* Маулави Намангани 56
Хазрат-и Мийан Фазл-Халил-сахиб 116, 117, 131
Хазрат-и Сахиб *см.* Хазрат-и ишан Сахиб зада 115
Хазрат-и Сулайман-ходжа шайх ал-ислам (умер ок. 1869 г.) 125, 128, 149, 158
Хазрат-и Шайх-Маслахат ад-Дин 124
Хайдар, эмир Бухары (умер в 1826 г.) [1800—1826] 16, 156, 163, 164, 166, 167
Хайдар-бек 92
Хаким-айим (Тора-айим) (умерла в 1868 г.) 129, 162
Хакимхан Мухаммад 50, 167
Хаким-хан-тора *см.* Мухаммад-Хаким-хан-тора
Хаккули мингбаши йуз (умер в 1832 г.) 19, 73, 105, 107, 108, 112, 145, 148. 160
Халик-Назар таджик 124
Халифа Сафа 118, 149
Хал-Мухаммад дадхах 117, 118, 146, 152, 157
Хамид-ходжа 100
Хан-ходжа 95
Ханкули-мирза 99, 152

Хасанов А. Х. 26, 172
Хатимкули рисалачи 117, 147
Хинц В. 107, 169, 172
Ходжа Ахрар (умер ок. 1490/91 г.) 16, 18, 111, 112
Ходжа-йи калан Джуйбари 113, 114, 120, 152
Ходжа-йи калан Кашгари 82, 126, 131, 149, 150
Ходжа кушбеги 108, 161
Ходжа пансад таджик 28, 147
Ходжам Падшах 12
Хофман Х. Ф. 27
Худайар-бий йуз 112
Худайар Йави (умер в 1844 г.) 115
Худайар-султан 153
Худайар-хан (ок. 1831—1881) [1844—1858; 1862—1863; 1865—1875] 21, 23—24, 25—26, 31—34, 36, 37, 42, 44, 48, 56—57, 61—62, 66—68, 75, 83, 86, 88, 89, 94, 116—121, 123—126, 128—132, 150—154, 160—162, 171, 172, 174
Худай-Назар амин 125, 145
Худай-Назар тюрк чулак (умер в 1862 г.) 123, 124
Худайкул (родился ок. 1849) [1865] 25
Худайкул-бек 132
Худайкули бахадур таджик 27, 46, 145 157, 172
Худаяр-хан *см.* Худайар-хан
Худояр-хан *см.* Худайар-хан
Хушвакт кушбеги йуз (умер ок. 1829 г.) 105, 148, 160

Цины 9, 13—14, 42, 111, 167

Чамаш-бий 12, 36, 84, 85, 86, 91, 153
Черняев М. Г. (1828—1898) 25
Чехович О. Д. (1912—1982) 5, 7, 15, 172
Чимитдоржиев Ш. Б. 9, 54, 172
Чингиз-хан (ок. 1155—1227) 22, 83, 84, 85, 86, 89, 90, 153
Чингизиды 14, 75
Чубина-хан 153
Чутан киргиз 124

Шади-бий (-бек) 12, 25, 91, 93, 154
Шади мингбаши (дадхах) (умер в 1844 г.) 22, 28, 113—115, 120, 146, 148, 150, 156
Шади-хан *см.* Шади-бий
Шадман-ходжа мингбаши Ташканди 122—126, 147, 151
Шайбаниды 84, 93
Шайс 153
Шайх-Бадал дадхах 102, 145, 151
Шайх-Базар Намангани 91
Шайх-Насир 71, 149
Шамас-бий *см.* Чамаш-бий
Шаниязов К. Ш. 5, 9, 10, 172
Шараф ад-Дин Али Йазди (умер ок. 1454 г.) 84, 167
Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас (1620-е гг. — после 1696) 52
Шах-Мурад-хан (умер в 1863 г.) [1862] 25, 123, 124, 126, 154, 161
Шах-Султан-Махмуд (умер ок. 1839 г.) 153
Шахи парваначи (кушбеги) Маргинани (умер ок. 1841 г.) 19, 102, 108, 112, 147, 148, 150—152, 156
Шахмаст-бий *см.* Чамаш-бий
Шахрух-бек, сын Алим-хана (1792—1810) 98, 101, 142, 154
Шахрух-бий (Шахрух) (ок. 1683 — ок. 1721/22) [1709/10—1721/22] 11, 12, 25, 32, 35—37, 55, 58, 66, 67, 88, 91—93, 153—155, 159
Шахрух-султан 153
Шахрух-хан *см.* Шахрух-бий
Шахрух-хан, сын Алим-хана *см.* Шахрух-бек
Шемс, мирза *см.* Мирза Шемс Бухари
Шигай-хан 9, 12
Шир-Али-хан (ок. 1791—1844) [1842—1844] 20, 22, 23, 56, 86, 112—116, 123, 150, 153, 154, 161
Шоинбаев Т. Ж. 42, 172
Шухи 12, 92, 167
Шуховцов В. К. 54, 172

Эмир Тимур *см.* Тимур
Энгельс Ф. (1820—1895) 4, 77, 78, 90, 165, 169

Юдин В. П. (1928—1983) 5, 12, 53, 59, 172, 173
Юдин М. Л. 53, 172
Юсупов М. 63, 172

Якуб-бек (1820—1877) 169 *см. также* Мухаммад-Йа'куб-бек кушбеги

Abderrahman Aftobacha 41
Alim Khan 140

Bacqué-Grammont J. I. 54, 106, 173
Barthold W. 53, 173
Be[alby] J. T. 52—53, 174
Béissémbiev T. K. 139
Bosworth C. E. 53, 173
Boulger D. C. 41, 173

Dickson M. B. 93, 173

Hofman H. F. 27, 173

Khudayar Khan 41, 139
K[ropotkin] P. A. (1842—1921) 52—53, 174

Mir Abdoul Kerim Boukhary 100, 167
Mollah Niyaz Muhammad Khouqandi «Niyazi» 139
Mullah Niyaz Muhammad Khuqandi «Niyazi» 137

Nadir Chah 100

Pantoussov N. N. 139
Pantusov N. N. 137

Riza Qouly Khan 40, 167

Saguchi Toru 13, 14, 54, 99, 100, 173
Səlijif Polat 173
Semenov A. A. 46, 173
Schahrukh 140
Shahrukh 138
Schefer Ch. 40, 100, 167
Schuyler E. 20, 26, 174
Storey C. A. 53, 174

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

Аб-и Хила *см.* Или
Аблык (Авлык) 121, 150
Азия 4, 76, 170, 171
Айим-кишлак 109, 113
Акар-Акбулак 102
Ак-арык 127
Акджар 97
Ак-ер 125
Ак-Мечеть 17, 24, 41, 51, 56, 120, 122, 131, 150, 156, 161, 167, 172
Аксу 95, 102
Ак-тепа 114
Алай 78, 144
Алайский хребет 116
Алмурад 124
Алты-арык, ворота в Коканде 113
Алты-куш 99
Алтышар 80, 106, 169
Андижан 13, 22, 35, 37, 57, 61, 70, 75, 94, 103, 105, 114, 116, 117, 119—122, 124—126, 131, 150
Андижанская область 63, 172
Андижанское владение 13
Аппак-ходжи мазар 106
Араван-кишлак 12
Аравия 144
Арзик-тепа 97
Асаке (Асака) 66, 121
Аулие-Ата 25, 98, 121, 122, 127, 161
Афганистан 82, 144
Аштак 121, 122

Баг-и Исхак-тора 125
Бадахшан 6, 19, 97, 144, 167
Балх 6, 97, 167
Балыкчи 78, 114, 116, 117, 119, 124, 148, 150
Бахр-абад 66, 118
Бельгия 61
Беш-арык 93, 104, 109, 126
Бикат 122
Билкиллама 23, 32, 37, 56, 60, 119, 120, 130, 131
Ближний Восток 6, 52, 57, 132, 167
Британская библиотека 165
Бука 65, 70, 79, 113
Булак 97
Бухара 7, 8, 10—16, 20, 22, 24, 25, 27, 44, 52, 56, 62, 63, 68, 92, 95, 97, 101—103, 105, 108—110, 112, 113, 115, 117, 120, 121, 123, 125, 126, 129, 131, 144. 150—152, 156, 160—162, 164—166, 170, 173
Бухарский эмират 6, 8, 25, 68, 79
Бухарское ханство 48
Бухоро *см.* Бухара

Вахан 82
Вена 5
Византия 73, 170
Восток 46, 77, 78, 163, 167, 169
Восточная Азия 168
Восточный Туркестан 3, 9, 13, 19, 28, 48, 55, 63, 73, 80, 82, 88, 98, 106, 111, 136 144, 168

Гадай-тапмас 74
Гиссар 7, 13, 19
Гурумсарай 14, 64, 69, 82, 96, 101, 115, 159

Дангара 99
Дарваз 19, 88, 108, 144, 150—152, 160
Дахма-йи шахан 18
Дашт-и Кипчак 43. 62. 70, 98, 102—104, 117, 120, 123, 126, 127, 144
Джанкент 83—85, 91
Джизак 8, 25, 27, 55, 56, 63, 69, 79, 88, 96, 100, 101 103, 104, 112, 123, 144, 159, 160
Джулек 132, 122, 127
Джунгария 12, 80, 82, 144

Джунгарское ханство 8—10
Дурманча 126, 128
Душанбе 5, 81

Европа 46, 63, 144, 167
Ер-масджид 128

Замин 96, 104, 108, 144, 161
Занги-Ата, мазар 123
Западная Европа 45
Заравшан 60
Зариллама 125

Икан 57, 127, 162
Или 19, 103
Индия 7, 81, 82, 84, 144, 165, 169
Иран 7, 45, 82, 87, 144, 167, 172
Иранское государство 87, 170
Иски-курган 11, 91, 92, 159
Иски-урда 12, 92, 159, 161
Иски-Чимкент 127
Исфара *см.* Исфараин
Исфараин (Исфара) 23
Исфаринские ворота Коканда 92, 104

Йайлама 115
Йакка-тут 124, 125
Йам 96, 104, 108, 161
Йан-булак 97
Йанги-арык 17
Йанги-кишлак 125
Йанги-курган *см.* Йаны-курган
Йанги-урда 103
Йаны-курган 122, 132
Йар-Мазар 93, 113, 124, 150
Йулгун 116

Кавардан 113
Казань 5, 40
Казахская ССР 75, 170
Казахские земли 172
Казахское ханство 6, 167
Казахстан 3, 5, 8—10, 14,17,19, 20, 24, 42, 47, 52—54, 63, 79, 82, 131, 134, 136, 144, 168, 171 *см.* также Южный Казахстан
Кайнар 80, 84, 91—93
Камыш-курган 96, 97, 124
Канибадам 60, 104, 126
Капа 114
Каппан 129, 162
Кара-гулча 126
Карадарья 61, 62, 65, 74, 78, 114
Каракалпакская АССР 54, 171
Каракалпакстан 173
Каракамыш, ворота Ташкента 177
Каракчикум 104
Кара-мазар 99
Карасу 126
Каратегин 19, 51, 82, 88, 108, 124,144, 150, 160, 168, 170
Кара-тепа *см.* Муй-и Мубарак
Кара-хитай *см.* Кариз
Кариз 97
Карук-тепа 116
Карши 7
Касан 58, 112
Катаган, ворота Коканда 92
Катта-арык *см.* Чини-абад
Катта-Курган 47
Кашгар 16, 19, 25, 32, 44, 56, 73, 80, 85, 106—108, 112, 128, 131, 142, 144, 145, 148—150, 156, 159, 160, 166
Кашгария 19, 80, 86, 97
Кашмир 55, 97
Кендыр-даван 97, 99, 113, 123
Кереучи 16, 97, 98, 102, 113, 114, 117, 122—124, 146, 150
Кетмень-Тюбе 54, 78, 119, 122, 169
Киргизия 18, 20, 26, 42, 54, 55, 163, 172. См. также: Центральная Киргизия, Южная Киргизия
Киргизская ССР 53, 170
Киргизстан 62, 171
Китай 9, 42, 97, 98, 106, 144, 170, 171
Коканд 9, 11—31, 33—35, 37, 38, 40, 42, 44, 47, 49, 51, 53, 54, 56, 57, 60, 61, 64, 66—69, 71, 73—76, 80—83, 89, 91—93, 97—121, 123—128, 130, 131, 133, 134, 142, 147, 150, 154, 155, 159—162, 166 168, 170—172, 174
Коканд-кишлак 124
Кокандский оазис 13
Кокандское владение 11, 13, 34, 135, 171
Кокандское ханство (XX) 3—6, 9, 11, 13—15, 17, 18, 20—22, 24—27, 30, 37, 41, 42, 44—49, 52, 54—61, 63—67, 70, 72, 73, 77—82, 85—87, 89—91, 93, 97, 99, 101, 105, 110, 130, 131, 133—135, 167, 169—172, 174
Коктунлук-Азизлар 31
Коктунлук-Ата, мазар 91, 116
Кош-купрук 103, 104
Коштегирман 104, 114, 123, 125, 144, 150
Куба *см* Кува
Кува (Кубаh) 60, 70, 124
Куйлук 97, 102
Кўкон *см.* Коканд
Кул-и Билкиллама *см.* Билкиллама
Куляб 7, 19
Курама 16, 21, 25, 26, 34, 51, 55, 63, 70, 71, 78, 79, 88, 94, 97, 100—104, 108, 117, 121, 123, 124, 128, 130—132, 144, 150, 168
Курбан-мирган, местность 126
Куртка 20, 121, 122
Кухак *см.* Зарафшан
Кутур-кипчак, ворота Коканда 126
Кухистан 27, 30, 72, 73, 80—82, 85, 95,

97, 101, 126, 144, 146, 148, 150, 151, 156, 159
Кызыл-купрук, ущелье 99

Ленинград 5, 49, 171
Лондон 5

Ма'аз-джабал 125
Мавераннахр 7, 8, 60, 62, 127
Мадраса-йи дарун-и Хазрат-и Сахиб (Коканд) 129, 162
Майда-йулгун 116
Малая Бухария 80, 169
Мангур-кул 65, 120 (*см.* также: Билкил-лама)
Маргелан *см.* Маргилан
Маргилан 12, 13, 19, 22, 26, 51, 57, 61, 65, 70, 75, 93, 103, 105, 110, 113—115, 118, 120, 121, 124—126, 128, 150, 160, 168
Маргиланские (Маргилан) ворота Коканда 92
Маргиланское владение 13
Матча 19
Махрам 109, 124, 161
Медресе Али (Коканд)
Медресе Алымбека 52, 171
Медресе Мир (Коканд) 94, 159
Медресе Султан-Мурад-хана (Коканд)
Медресе Хазрат-и Сахиба (Коканд) 123
Медресе Хаким-айим (Коканд) 129, 162
Медресе Хаммам (Коканд) 104, 158
Медресе Хан (Коканд) 105
Медресе Худайар-хана (Коканд) 118, 161
Междуречье (Карадарьи и Нарына на востоке Ферганы) 75, 114, 117, 119, 120, 125, 161
Мерке 25, 122
Мийанкал 7, 8, 12, 19, 104
Минг-урук 98, 127
Мир-абад 114, 116
Монголия 9, 54, 144, 172
Москва 93
Муг, арк Ура-Тюбе 95, 103
Муй-и мубарак 93, 113, 124, 128
Муй-и мубарак, ворота Коканда

Найманча 109
Накара-Чалды 107
Наманган 9, 11—13, 17, 22, 32, 91, 117, 118, 149, 161, 162
Наманганское владение 13
Нан-лу 80, 106, 169 (*см.* также: Малая Бухария)
Нарын 65, 74, 78
Нау 113, 114, 123, 125, 144, 150
Наубахар, улица в Коканде 113
Нийаз-батур, крепость 124
Нийазбек, крепость 16, 97

Омск 75
Оренбург 75
Ош 26, 84, 107, 116, 128
Ошский округ 13

Пай-туг 120
Пакистан 82
Паласан 125
Палахан 91
Памир 80
Памиро-Алай 144
Пангаз *см.* Пансадгази
Пансадгази (Пангаз) 11, 70, 104
Париж 5
Парижская национальная библиотека 165
Партак 87, 91, 170
Парфия 87
Пекин 13, 14, 19
Пенджаб 81
Пешавар 82, 105, 160
Пискат см. Пскент
Пишпек (Пишкак) 20, 24, 25, 28, 121, 122
Португалия 61
Пскент 113
Пшагар 108, 144, 161

Рашидан 125
Риштан, ворота в Коканде 113
Российская империя 22, 24
Российское государство 3, 38
Россия 3, 4, 6, 8, 17, 19, 25—27, 30, 41, 42, 46, 47, 52, 58, 61, 65, 78, 89, 92, 98, 130, 131, 135, 144 167—173
Рум 60, 106, 144

Сабир-тепа 103
Сай 110
Сайрам 16, 98
Салар 102, 114
Саманчи 121, 125
Саманчи, степь 60
Самарканд 7, 8, 10—12, 19, 39, 47, 51, 55, 56, 62, 63, 79, 92, 101—104, 112, 121, 123, 125, 128, 142, 144, 159
Самгар 96, 123
Самсалык 82
Сарай 83—85
Сара-йи калан 162
Сара-йи пунба 162
Саритал 121, 125, 126
Сарыг-су 109
Сафид-булан 112
Северная Фергана 11, 19, 61, 74
Северный Афганистан 9, 55
Северный Тянь-Шань 8
Семиградье восточнотуркестанское 97, 98
Семиречье 19, 24, 57, 144, 161

Синьцзян 9, 81, 111, 167
Советский Восток 47
Срединная Азия 168
Средний Восток 6, 9, 15, 17, 55, 57, 63, 73, 80, 82, 87, 136, 167
Средняя Азия 3, 5—11, 14, 18—20, 24, 25, 27, 30, 34, 40, 42, 46, 47, 51—54, 63, 78—82, 85, 86, 89, 107, 134—136, 167 171, 172
СССР 173
Стамбул 70, 106, 112, 142
Сузак 17
Султан-Байаз, мазар 112
Сырдарья 7, 14, 17, 26, 28, 60—62, 64, 66, 74, 96, 99 103, 112, 115, 117—119, 122—124, 127

Таглык, ворота в Коканде 80, 113, 115
Таджикистан 15, 17, 28, 51, 54, 55, 63, 73, 82, 170
Таджикская ССР 53, 170
Талас 108, 112, 144, 160
Тамаша-кишлак 103
Таргава 83—85, 91
Таш, вилайет *см.* Ташкент
Ташкент 5, 6, 10, 14—16, 21—25, 30, 36, 41—43, 45, 51, 52, 54—59, 63—66, 70, 77, 79, 87, 96—98, 100—104, 108, 109, 113, 114, 116—120, 122—124, 126—132, 144—147, 149, 151, 157, 161, 162, 167 170—173
Ташкентские ворота Коканда 92
Ташкентский вилайет 17, 72
Ташкентский район 65, 71, 77, 78, 131
Ташкентское владение 15, 41, 101, 131
Ташкентско-Кураминский район 64
Таш-курган 109
Тепа-курган 91
Термез 81
Тиллагуч-тепа 114
Тиляу 97
Той-тепа 37, 97, 98, 102, 113
Токай-тепа 91, 102, 115, 121
Токмак 20, 24, 121
Тора-курган 12, 74, 103, 105, 112, 114, 115, 126, 145, 160
Тошкент *см.* Ташкент
Трон Сулаймана (Тахт-и Сулайман)
Тувак 18, 122
Туркестан (город) 6, 9, 16—18, 23, 25 28, 54, 56—57, 70, 98, 102, 117, 122, 123, 126,, 127, 161, 168, 171, 172
Туркестан (край) 41, 49, 51, 58, 59
Туркестанский край 26, 27, 61, 92, 170
Турция *см.* Рум

Узбекистан 7, 48, 51, 63, 171—173
Узбекская ССР 6, 53, 168, 170
Узгенд 64, 126
Узун-Агач 24—25, 28, 36, 41, 42, 57, 132 161
Уйгур 38
Уйгур-маргзар 118
Уйшун 97, 113
Улуг-нахр 66
Улуг-таг 103
Ун-икки-Буйнак 97
Ура-Тюбе 8, 11—13, 16—18, 20, 24—26, 42, 54—56, 63, 70, 72, 75, 79, 93—97, 100—104, 106, 108, 109, 112, 117, 122, 125, 142, 144, 145, 151—152, 159—161
Ура-Тюбинское владение 8, 52, 79, 100, 170
Урганчи, ворота Коканда 124, 116
Ургенч 103
Уструшана 102
Уч-Алматы (Уч-Алмата) 28, 121, 122
Уч-курган 64, 70, 116, 118, 121
Уч-савар 91

Фаргана *см.* Фергана
Фаргона *см.* Фергана
Фергана 5, 7—12, 14—18, 20—23, 25, 26, 30—32, 38, 41, 42, 45, 49, 51, 54—58, 60—68, 71—74, 76, 78—83, 85, 86, 89, 90, 92, 96, 98, 99, 104, 106, 110—112, 116, 121, 123, 125, 127—131, 133—135, 144, 152, 159, 161, 167—169, 171, 173 174, См. также: Северная Фергана, Центральная Фергана
Ферганская долина 9, 25, 49, 52, 55, 61, 64, 134, 169, 172
Ферганская область 26, 169

Хавас 104
Хаджибек 129, 162
Хазрат-и Асаф, мазар 107
Хазрат-и Шайх Маслахат ад-Дин, мазар
Хазрат-и Шах-падшах 116
Хайдар-бека ворота Коканда 92
Хайрабад 104
Хаммам, медресе 158
Хева *см.* Хива
Хива 8, 19, 20, 52, 173
Хивинское ханство 6
Хиндустан *см.* Индия
Ходжа-Тараб, мазар 129
Ходжент 8, 10, 11, 13, 14, 20, 21, 24—26, 63, 64, 67, 70, 73, 92, 95, 99—104, 109, 112—115, 121—126, 128, 145, 152, 159
Ходжентский проход 63, 109
Хоканд *см.* Коканд
Хорезм 144
Хорезмский оазис 54, 172

Центральная Азия 9, 10, 14, 19, 40, 52 54, 57, 80, 168—170
Центральная Киргизия 144

Центральная Фергана 13
Цинская империя 9, 10, 19, 170

Чадак 11, 101, 104, 118, 152
Чадакская дорога 96
Чамашбий 91
Чарбаг-и Турангу 119
Чардара 116, 123, 152
Чахар-баг-и дивана, степь 60, 99
Чимион 70, 120, 152
Чимкент 16, 19, 28, 43, 57, 97, 98, 118, 121, 122, 127, 132, 152
Чиназ (Чинас) 79, 123, 152
Чини-абад (Катта-арык) 61, 66, 80, 118, 161
Чирчик 102, 114, 128
Читрал 9, 55, 82, 144
Чихил-махрам 119
Чу 122
Чуджа 117
Чулак 17
Чуст 14, 22, 28, 32, 36—38, 56, 61, 70, 102, 109, 112, 115, 142, 146—148, 152, 162
Шайхантаур 128
Шахидан 11, 97
Шахимардан 108
Шахрисябз 7, 11, 12, 19, 20, 92, 144, 145, 152
Шахрихан 17, 27, 60, 70, 75, 78, 104, 114, 116, 118—121, 124, 125, 146, 152, 157
Шур-тепа 128

Южная Киргизия 52, 54, 171
Южный Казахстан 9, 17, 19, 21, 25, 30, 41, 42, 54, 55, 63, 79, 87, 101, 130, 131, 135, 144, 159, 168

Язы, степь 12
Яныкурган 25

Afghanistan 100, 167
Asie Centrale 100. 139, 167

Bibliothèque Nationale de Paris 139
Boukhara 100. 140, 167
Bukhara 20, 138, 174

Central Asia 41, 137, 173

Eastern Turkistan 137

Farghanah 137, 138
Ferghana 139, 140

India 82

Kachgarie 139
Kazakhstan 137, 139
Kazan 137, 139
Kharezm 40, 167
Khiva 100, 167
Khanat de Khokand 54, 106, 139, 140, 173
Khanate of Khokand 137, 138
Khokand 20, 52—53, 100, 137—140, 167 173, 174
Khokand Khanate 13, 99, 174
Kokan 82, 173
Kuldja 20, 174

M. E. Saltykov-Shchedrin Public State Library in Leningrad 137

Ozbekistan 51

Pamir 139
Pamirs region 137

Russia 138, 173
Russie 140

Turkestan 140
Turkistan 20, 26, 139, 174

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

Авагат //авахат 22, 79, 116
Анди 78, 79, 96, 98, 102, 127
Андиджани 80, 122
Афган 70, 81, 82, 104, 127, 171

Бадахшанцы 80, 95
Барлас 153
Буркас 87

Ваханцы (вахйачи) 80
Вахйачи см. ваханцы

Галча 81
Гиссарцы (хисари) 95
Гунди см. гунтцы
Гунтцы (гунди) 80, 95

Дарвазцы 80, 95
Джунгары 7—9, 38, 80, 92, 93, 107. См. также: калмаки, ойраты
Дуз 79, 80, 123

Жуз 79

Илатай-илатан 23
Иранцы 16, 80, 82, 95

Йашик 23
Йетти кашка 23
Йуз 7, 8, 10, 12—14, 18—20, 24, 26, 73, 79, 98, 103—105, 108, 111, 112, 120, 124—126, 145, 148, 150, 152, 160

Казахи 8, 9, 16, 19, 42, 43, 46, 47, 51, 52, 54, 55, 72, 75, 78, 79, 96, 98, 101, 102, 113, 116, 118, 123, 126, 127, 130, 131, 163, 165
Казахи-конраты (кунграт) 7, 8
Казахи-кипчаки (казак-кипчак) 9
Калмак 22, 78, 80, 92, 107, 121. См. также: джунгары, ойраты
Каракалпаки 7, 9, 22, 53, 54, 75, 78, 79, 95, 103, 121, 123, 124, 148, 150, 160 170, 172
Карамуруты 9
Каратегинцы 80, 95
Кашгари 9, 80, 105, 106, 111
Кенегес 7, 8, 11
Кипчак 9, 12, 14, 17, 25, 26, 28, 34, 43, 46, 48, 56—58, 62, 64, 65, 69, 70, 72, 74—76, 78, 79, 112—121, 123—128, 132, 146—152, 157, 161, 172
Кипчак-киргиз *см.* киргиз-кипчак
Киргиз-кипчак 24, 79, 121
Киргизы 8—10, 12, 15, 20, 22, 24—26, 42, 51, 54, 56, 57, 64, 75, 76, 79, 98, 112—114, 116, 118, 119, 121—128, 148, 150, 161, 163, 171, 172
Киргизы алайские 116
Китайцы 13, 80, 106—108, 142, 160, 171
Кулан 23
Кулябцы 95
Кунграт 7
Курама 19, 65, 78, 79, 108, 109, 121, 122
Кухистани *см.* кухистанцы
Кухистанцы 9, 17, 28, 159
Кыпчак *см.* кипчак
Кырк 79, 103

Мангыты 7, 8, 11, 20, 21, 79, 89, 95, 110—113, 122, 125, 126, 152
Мангитиййа *см.* Мангыт
Минг 7, 10—12, 14, 25, 48, 79, 94, 112, 116, 126, 132, 146
Митан 79, 113
Младший жуз 79
Мундуз 79, 123, 124

Ойраты см. джунгары, калмак

Русские 24—26, 30, 36, 41, 47, 48, 56, 57, 66, 85—87, 98, 120—122, 127, 128, 130—132, 161, 168
Рушанцы 80, 95

Самарканди 9, 85
Санчклы 79, 96, 101, 113, 122, 123, 131
Сарай 83—85
Сартийа *см.* сарты
Сарты 51, 73, 74, 78, 79, 87, 91—94, 102, 112, 113, 115, 116,118—122, 125, 126, 129, 168
Средний жуз 9, 52, 169
Старший жуз 47, 79

Таглык (таглик) 70, 80, 104, 105, 115, 145, 148, 150
Таджики 9, 10, 27, 28, 69, 72, 74, 78, 79, 81, 82, 87, 95—98, 101, 102, 113, 115, 117, 118, 121—124, 126, 129, 145—151, 157, 169
Тама 65, 79, 113
Туркмены 87, 170
Тюрки 9, 10, 15, 78, 82, 95, 113, 121, 123, 124, 129, 163, 164

Узбеки 7, 9, 53, 78, 79, 83, 91, 93, 94, 96, 118, 121, 129, 171, 172
Улмас 23

Фаранги 127
Ферганцы 81

Хиндустанцы 81
Хисари *см.* гиссарцы
Хитай 12
Хитай-кипчаки 19, 79, 103, 160

Чанкати 85
Чатрари *см.* читральцы
Читральцы (чатрари) 16, 17, 80
Чон-багыши 78, 121

Шанышкылы 79
Шугнанцы 80, 95, 111

Tadjik 139

Uzbek 93, 137, 138, 173

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Агалык 68, 71, 113, 145
А'йан 75
Айим 11, 105, 111, 112, 129, 132, 154, 155, 162
Акабир 75
Ак бугра 10
Ак-йалав 69
Аксакал 19, 68, 71, 72, 96, 97, 114, 119, 123, 124, 145, 157
Ак тайлак 10
Ак-уйлук 92, 97, 128
А'лам 28, 68, 104, 118, 145, 148, 158
Аламан 69
Алугат-у-салугат 72
Амин 19, 68, 71, 119, 125, 145
Амир *см.* эмир
Амир-и лашкар 68, 105, 107—109, 126, 145, 148, 164, 165, 167
Арбаб 68, 71
Аруз 44
Асптаз 120
Аталык 7, 10, 19, 68, 70, 75, 76, 103, 104, 106—108, 109, 112, 114, 116, 123, 124, 131, 145, 151, 155—157, 160
Ата-углийан 28, 69, 74, 115
Аттар 29
Аул 43
Афтабачи 26
Афтобача см. афтабачи
Ахл-и хираф 73, 104
Ахунд 68, 70, 71, 106, 123, 145, 148
Ахфад 153
Аш-и суйук 65, 94
Ашрафи 65

Бадж 108
Бай 36, 38, 97, 101, 113, 114, 126, 146
Байдак *см.* байрак
Байрак 69, 101
Бакаул 68, 71, 128, 145
Басмалла 83
Батур *см.* бахадур
Батурбаши 22, 68, 112, 114, 145, 146, 157
Бахадур 27, 68, 69, 92, 99, 119, 145, 153, 156, 157. См. также: гала-бахадур
Бача 77, 124, 149, 151, 152, 161
Бейт 42
Бек 11, 12, 16, 20, 22, 24, 36, 55, 58, 68, 72, 73, 75, 82, 88, 92—95, 97, 101—103, 105, 106, 108, 111, 112, 114, 115, 117—120, 122—125, 128, 131, 132, 145—148, 150—152, 154—156, 159—162, 164
Бек-бача[ган] 37, 69, 95, 97, 98, 101, 104
Бекларбеги 68, 70, 102, 108, 145, 160
Бид'ат 67, 71, 72, 101
Бий 11—14, 24, 27, 36, 75, 84, 85, 91, 92, 97, 114, 123, 127, 130, 132, 148, 152 153, 155

Вакф 52, 171
Вали 105, 108, 117, 119, 124, 145, 150, 174
Вални'ми 11, 68, 71, 92, 145, 152
Вилайет 10, 18, 62, 68, 70, 72, 75, 76, 95, 96, 102, 107, 114, 117, 120, 121, 124, 127, 161

Газ 107
Газават (газат) 26, 98, 106
Гала-бахадур 68, 69, 95, 101, 109, 115, 121, 128. См. также бахадур
Гарем 69, 99, 115
Гилкар 129
Гузар 7
Гулам 73, 99, 146, 147
Гулбаг 106, 107
Гурух 75, 126

дадхах 68, 70, 72, 82, 102, 108, 109, 113—119, 121, 127, 145—148, 150—152, 156, 157
Дамулла 28, 70, 104, 106, 113, 115, 118, 123, 129, 145, 148, 158
Даста 123

Дастурханчи 68, 70, 76, 88, 115, 117—119, 146, 157
Дахбаши 68, 69
Джаван 68, 69
Джазайир 69
Джама'а 75
Джам'дар 81
Джахриййа 71, 96
Джиб 113
Джургат 84, 86
Дивана 159
Диванбеги 68, 70, 73, 96, 99, 102, 103, 105, 146—148, 151, 152, 160
Динар 102
Дирхем 102

Закат 43, 72, 108, 118, 127
Заргар 129
Зикр 71

Иклим 38
Икта' 6, 167
Илатиййа 75, 78
Илгар 127
Илм 71
Имам 153
'Инак 27, 68, 70, 96, 104, 107, 109, 113, 114, 146, 152, 156
Ираул 69, 114
Ишикакабаши 68, 70, 146
Ишан 75, 82, 104, 105, 108, 115, 125, 128, 129, 149, 158

Йамбу 108
Йарлык 102
Йасаул 27, 68, 71, 95, 113, 115, 146, 157
Йузбаши 68, 71, 72, 113, 115, 146, 148, 149, 157
Йурт 7, 68

Кази 58, 59, 104, 145, 148, 158
Кази-калан 68, 70, 104, 125, 129, 148
Кази-ра'ис 68, 70, 115, 147, 148
Каланан 75
Каландар 102, 129
Каландар-хана 102, 129, 162
Караван-сарай 13
Кара-казан 67, 95, 134
Кара-калтак 69, 75, 125, 134
Кара-кондак 122
Кара-пул 67
Караулбеги 68, 70, 116, 145, 148
Кара-чайан 67, 95, 134
Кара-чарик 8
Кариндаш 108
Касыда 163
Каум 75
Кишлак 65, 82, 110, 120, 124
Кокандская историография (КИ) 3, 4, 14, 18, 32—34, 37, 41, 43—48, 50—52, 54, 57—59, 64, 82, 85, 132, 136, 144, 163, 168
Коран 76
Курбаши 68, 70, 88, 118, 119, 129, 148, 162
Куркан 153
Курук 26, 60, 104, 113
Куфр 103
Кушбеги 18, 27, 64, 68, 70, 73, 75, 82, 88, 95, 96, 98—105, 108, 109, 112—115, 117—120, 145, 147, 148, 150—152, 156, 160, 161
Кыл-куйрук 69, 74, 96, 97, 115, 134
Кырк батур 69, 109
Кырк кызлар 69
Кырк мирган 69, 109

Маджлис-и 'ам 105 106
Мадраса *см.* медресе
Мазар 106, 107, 116, 123, 124, 129
Маулави 56, 82, 104
Махалла 29, 91, 104
Махдум 15, 18, 19, 28, 36, 85, 104, 158
Махрам 68, 69, 71, 73, 109, 115, 119, 148, 149, 157
Медресе (мадраса) 13, 32, 52, 92, 103—105, 110, 129, 158—160, 161, 172
Мечеть соборная 18, 103, 112, 118, 125, 129, 159
Мийан 117, 131
Мингбаши 18, 19, 22, 23, 28, 38, 39, 68, 70, 72, 76, 82, 88, 102, 105, 107, 108, 112—118, 120, 123—126, 145, 147, 148, 150, 151, 156, 159, 160
Мир 68, 71, 97, 147
Ми'радж 33
Мирахур 68, 70, 116, 147, 157
Мир-бача[ган] 69, 95, 96, 151
Мирган 69, 79, 126
Мирза 12, 27, 37, 44, 45, 57, 68, 71, 82, 84, 88, 94—95, 99, 105, 119, 123, 125—127, 147, 148, 150—153, 156, 157, 163—166
Мирзабаши 68, 70, 119
Михтар 70, 73, 104—106, 112, 146, 147, 160
Молла *см.* мулла
Мударрис 118, 158
Мулла 4, 6, 24, 25, 27, 29, 30, 34, 36—39, 44, 45, 47, 48, 56—59, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 71, 73—75, 77, 79, 81, 87—89, 91, 93, 96, 100, 104, 115—119, 123—131, 134, 142, 145—148, 151, 157, 159, 161—166, 168
Мунаджат 36, 37, 142
Мунши 6, 68, 71, 128, 147
Мурид 84, 91

Найиб столицы 68, 88, 128, 147
Накиб 68, 70, 105
Накшбандиййа 12, 28, 30, 57, 71, 85, 89, 116, 131, 147, 149, 162
Насаб 87, 88
Нойон 85, 153

Пад[и]шах 38, 71, 91, 98, 116, 153
Падишах-зада 110
Пайандаз 102
Пансад 115, 128
Пансадбаши 28, 68—71, 88, 117, 119—121, 127, 146, 147, 156
Парваначи 19, 23, 68, 70, 76, 88, 102, 115, 118, 147, 148, 152

Ра'иййат (мн. ч. ри'айа) 72, 73
Ра'ис 118, 147
Рауза 51
Ри'айа (ед. ч. ра'иййат) 73
Рийасат 84
Рисалачи 68, 70, 117, 147
Ру'аса 75
Рук'а-ий тархани 67
Рустайиан 73

Саййид 76, 105
Салугат *см.* алугат-у-салугат
Санг 107, 115, 122
Сарамад 75
Сарбаз 68, 69, 113, 121
Саркар 68, 114
Саркарда[ха] 75
Сару-па 102
Сахиб 116
Сахиб-киран 71, 92, 95
Судур 68, 71, 113, 115, 146, 147, 149
Султан 9, 16, 19, 58, 75, 83, 84, 109, 124, 153, 160, 165
Султанат 74
Сурначи 68, 71, 149
Суфий 7, 16, 55, 85, 84, 96

Таалик 35
Таби' 75
Тага[йан] 132
Танаб 72
Та'рих 50, 105
Тарйаки 110, 151
Тарка 72
Тахаллус 29, 101
Тила-пули 65, 72
Тилля (тила) 122
Той 129, 142
Тёра 24, 103—105, 112, 125, 145, 150, 151, 154, 160. См. также: хан-тёра
Туб 28, 81
Тубриз 129
Туг 69, 70, 80, 104, 121
Тугбеги 68, 69, 96
Туп 69
Тупчи 68, 69
Тюрки 5, 29, 31, 34—38, 57—59, 164, 166

Улав-пули 38, 65, 72
Улама *см.* улемы
Улемы (улама) 71, 76, 89, 101
Урда 12, 92, 103, 118, 159
Устаз 28, 97

Фаранги 127
Фарсах 107, 120
Фарси 5, 29, 31, 44, 45, 57, 79
Фукара 73
Фулус-и сийах

Хадж 36, 37, 56, 67, 105, 108, 115, 142, 160, 161
Хазиначи 68, 70, 117, 149, 151
Хазрат 35—37, 56, 75, 82, 89, 103—105, 108, 115—117, 123—125, 128, 129, 131, 142, 149, 153, 158—162
Хакан 97
Хаким 18, 22, 70, 73, 88, 93, 96—98, 100, 102—105, 108, 109, 112, 114—118, 123, 126, 146—150, 157, 160, 161, 174
Халиф 33, 58, 71, 83, 87, 106, 107
Халифа 68, 71, 116, 118, 129, 149, 162
Хан 6—11, 13—27, 31—36, 39, 42, 45, 47, 48, 50, 52, 55—60, 64—69, 71, 72, 74—76, 80, 81, 83—89, 91—112, 114—126, 128—132, 135, 142, 145, 147, 150—155, 159—162, 168, 170
Ханака 129
Ханзада 105
Хан-тёра 33, 104, 105, 147, 150
Харадж 72, 127
Хасаб 87, 88
Ходжа 10—12, 14—16, 18, 19, 29, 64, 66, 82, 91, 92, 94, 100, 101, 104, 106, 107, 117, 120, 122—126, 128, 129, 131, 147—152, 158, 160, 164
Ходжа-йи калан 68, 71, 105, 149
Ходжа-йи судур 146
Худайчи 68, 70, 101, 113, 116, 123, 146, 149, 157

Чапаул 69, 104
Чапкунчи 68, 71, 117, 149, 156
Чиндаул 114
Чумча 94

Шагирдпиша 75
Шайх *см.* шейх
Шайх ал-ислам 18, 68, 104, 115, 118, 149
Шарбатдар 68, 70, 71, 107, 118, 119, 149
Шари'ат 67, 71, 72, 83, 101, 102
Шатир 68, 71

Шах 7, 8, 13, 23, 25, 32, 68, 71, 72, 82, 85, 101, 121—123, 145, 157, 165
Шейх (шайх) 12, 68, 71, 76, 84, 88, 91, 96 105, 125, 128, 149, 158
Шигаул 68, 70, 113, 115, 149

Эмир (амир) 7, 8, 16, 19—22, 25, 35, 56, 57, 64, 66, 68, 71, 76, 79, 80, 87, 96, 97, 99, 102, 109—113, 121—126, 128, 130, 131, 150—152, 156, 161, 163, 164, 166, 167, 171
Aftobacha 41

Jemadar 81—82

Islam 53, 173

Kokandian historiography 137

Historiographie khokandienne 139

УКАЗАТЕЛЬ ВОСТОЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Амир-и лашкар джанг-намаси (АЛДН) 5, 25, 163, 165
Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин (АСТХ) 12, 24, 58, 85, 88, 163, 166

Бабур-нама 15, 63, 165
Байаз 29, 165
Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд (БТ) 33, 37, 52, 91, 126, 129, 163, 165, 168
Бадаи‘ ал-вакаи‘ 45, 172
Бахаристан 51

Газат дер мулк-и чин 40, 169
Гарайиб-и сипах (ГС) 5, 14, 19, 67, 163, 167
Гулшан ал-мулук (ГМ) 7, 15, 163, 166, 169

Джанг-нама-йи Худайар-хани (ДНХХ) 23, 57—58, 163, 166
Диван-и Гази (ДГ) 5, 14, 163, 165
Диван-и Шухи 5, 12, 92, 167

Зафар-нама-йи Йазди 84, 167
Зафар-нама-йи Худайар-хани (ЗНХ) 17, 23, 33, 58, 82, 163, 165

Кашкул-и Салими ва та’рих-и мутакаддимин ва мута’аххирин 12, 166
«Касида» Мукима Васфи (МВ) 58, 163, 166

Маджма‘ ал-аркам 68, 166
Маджму‘ аш-шу‘ара 105
Мазхар ал-ахвал (МА) 5, 7, 11, 12, 92, 163, 166, 170
Мактубча-йи хан 5, 25, 163, 166
«Маснави» Мукима Васфи (МВ) 58, 163, 166
Махазин ат-таква фи та’рих ал-Бухара (МТТБ) 5, 16, 163, 166
Мир’ат ал футух 46
Мукаммал-и та’рих-и Фаргана 58, 166
Муким-ханская история 6, 171
Мунтахаб ат-таварих (МТ) 11, 12, 16, 19, 23, 33, 34, 45, 46, 50, 57, 92, 100, 111, 163, 166, 172
Мунша’ат, нишан ва йарлигхо 5, 106, 166
Муфассал-и та’рих-и Фаргана 58

Нама-йи аламара-йи надири 7, 8, 166

«О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре» Мирзы Шемса Бухари 44

Поэма об эмире Хайдаре (на среднеаз. тюрки) 5, 167

Рийаз ад-даулат 21, 166
Руссия мамлакатининг интихаб-и таварих 38

Таварих-и манзума (ТМ) 17, 18, 20, 23
Тадж ат-таварих 5, 7, 164, 166
Тазкира-йи Хазрат-и Маджзуб Намангани (ТХМН) 5, 7, 12, 164, 165
Та’рих-и Аликули амир-и лашкар (ТАЛ) 5, 88, 121, 164, 167
Та’рих-и амиран-и мангитиййа (ТАМ) 5, 7, 8, 15, 112, 164, 166
Та’рих-и Амир Хайдар (ТАХ) 16, 100, 164, 166
Та’рих-и Амнийа 59, 81, 167, 172
Та’рих-и Бадахшан 9, 167
Та’рих-и Вассаф 45, 171
Та’рих-и джадида-йи Ташканд (ТДТ) 17, 18, 26, 29, 58, 59, 81, 104, 166
Та’рих-и джаханнамай 47, 49
Та’рих-и Кашгар 12, 172
Та’рих-и Манзум 5, 100, 164—166
Та’рих-и салатин-и узбакиййа, аштарханиййа ва мангитиййа (ТСУ) 5, 7, 8, 10—13, 92, 164

Та'рих-и Салими 5, 12, 20, 164, 166
Та'рих-и Сигари (ТС) 12, 164, 165
Та'рих-и Туркистан (ТТ) 23, 59, 164, 166
Та'рих-и Фаргана (ТФ) 23, 59, 164, 165
Та'рих-и Худайар-хан (ТХХ) 5, 9, 58, 164, 165
Та'рих-и Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас 51, 167
Та'рих-и Шахрухи (ТШ) 4—6, 9, 11, 12, 14—16, 18—20, 23—25, 27—40, 42—44, 47, 49—51, 53—55, 57—60, 62, 64—67, 69—84, 86—89, 91—101, 103, 104, 106—117, 119—124, 127—130, 132—136, 144, 145, 150, 154, 155, 157, 159, 163, 164, 166, 167, 169, 171, 173—175
Теварихи-Шахрухие см. Та'рих-и Шахрухи
Тухфа-йи шахи 5, 64, 164, 165
Тухфат ал-ахбаб фи тазкират ал-асхаб 165
Тухфат ат-таварих-и хани (ТТХ) 9, 11—14, 16, 17—21, 23—25, 27, 34, 47, 58, 82, 85, 94, 99, 100, 111, 164, 165
«Тысяча и одна ночь» 87, 167

Убайдулла-наме 10, 165
Умар-нама (УН) 5, 17—19, 33, 57, 100, 102, 164, 165

Фатх-нама-йи султани (ФС) 5, 15, 164, 165

Хуллас ат-таварих 5, 59, 165

Шахнама 31
Шахнама-йи Умар-хани (ШУ) 15, 18, 33, 34, 57, 164, 165

Supplément persan 5, 37, 138, 163, 165
Ta'rikh-i Schahrukhi (L'Histoire de Schah- 136, 137
Ta'rikh-i Schahrukhi (L'Histoire de Schah-rukh) 138, 139

Предисловие 3

Глава 1

Эпоха автора «Та'рих-и Шахрухи» 6

Предпосылки образования Кокандского ханства 6
Основные вехи истории Кокандского ханства 11
Жизнь и творчество автора «Та'рих-и Шахрухи» 27

Глава 2

Общая характеристика «Та'рих-и Шахрухи» 31

Источники 32
Списки 34
История изучения 40
Общее содержание 55
Место «Та'рих-и Шахрухи» в кокандской историографии 57

Глава 3

Социально-экономическая история Кокандского ханства по «Та'рих-и Шахрухи» 60

Природные условия и историко-географическое положение Ферганы. . . 60
Социально-экономическая история Кокандского ханства 64
Этническая история 78
Идеология 83

Глава 4

Политическая история Кокандского ханства по «Та'рих-и Шахрухи» . . 91

Сложение Кокандского ханства (XVIII — начало XIX в.) 91
Кокандское ханство в 1810—1842 гг. 101
Кокандское ханство в 1842—1871 гг. 112
Заключение 134
Summary 137
Résumé 139
Приложения 141
1. Таблица характерных разночтений в ТШ 142
2. Стемма рукописей, по ТШ 143
3. Связь Ферганы с внешним миром, по ТШ 144
4. Должностные лица и носители званий, по ТШ 145
5. Наместники и независимые от Коканда правители, по ТШ (хакимы, вали) 150

6. Полная родословная Худайар-хана (по ТШ, С 468 (л. 195б—197а)) 153
7. Генеалогическая таблица правителей Коканда, по ТШ . . . 154
8. Генеалогическая таблица правителей Коканда, по ТШ (дополнение) 155
9. Материалы к генеалогии знати, по ТШ 156
10. Хронология событий, по ТШ 159
Список сокращений 163
Список использованных источников и литературы . . . 165
Указатели 175
Указатель имен 176
Указатель топонимов 185
Указатель этнонимов 190
Указатель терминов 192
Указатель восточных сочинений 196

Тимур Касымович Бейсембиев

«ТА'РИХ-И ШАХРУХИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии, и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: Сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, доктор исторических наук Б. А. Ахмедов

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*
Редактор *Г. М. Ким*
Худ. редактор *Н. Ф. Чурсин*
Оформление художника *А. Ю. Черных*
Техн. редактор *Л. Ю. Уляницкая*
Корректор *Н. В. Азимова*

ИБ № 2181

Сдано в набор 10.02.87. Подписано в печать 12.05.87. УГ09118.
Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. п. л. 14,62. Усл. кр.-отт. 14,92. Уч.-изд. л. 17,06. Тираж 1200. Заказ 46.
Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, Шевченко, 28